

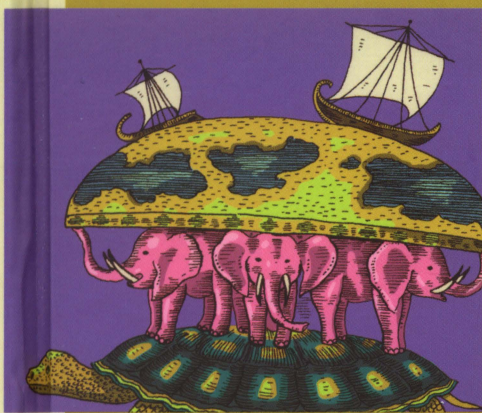
история / география / этнография

Великие путешествия
античного мира

Лев Ельницкий

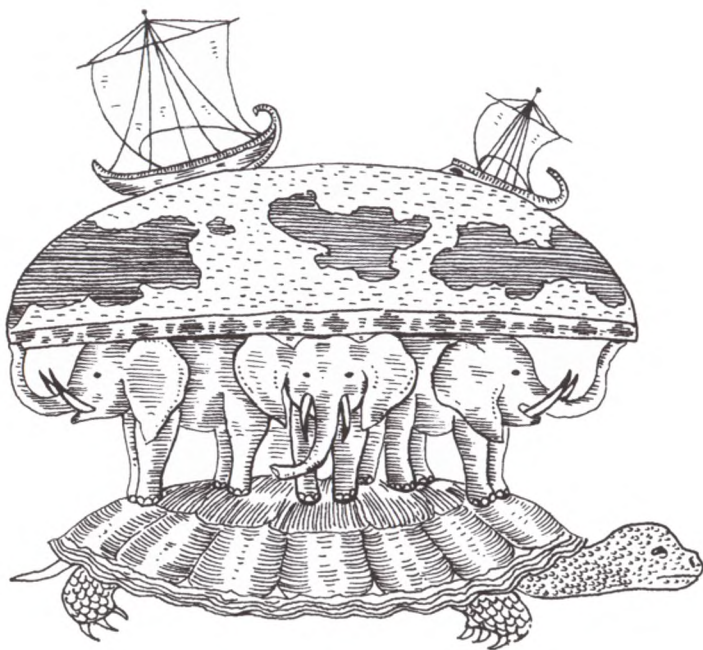
Великие путешествия античного мира

Лев Ельницкий

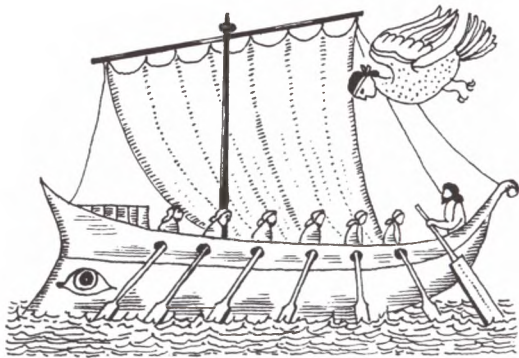

Ломоносовъ
издательство

Лев Ельницкий

Великие путешествия античного мира

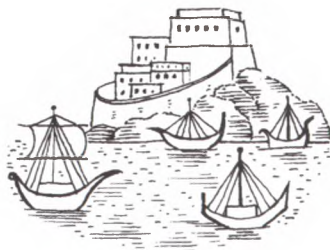

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2013

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
Е57

Серия "Визитки"
Vitaulas & Kadi

Иллюстрации И. Тибиловой

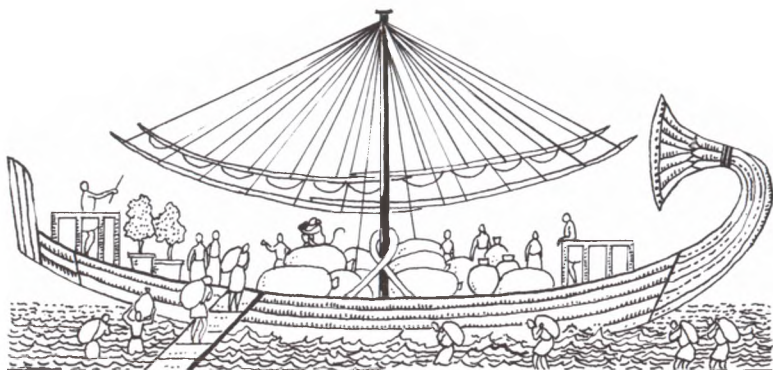

ISBN 978-5-91678-165-6

© А. Ельницкий, наследник, 2013

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2013

Океанские плавания древних

С глубокой древности человек передвигался по воде быстрее и легче, чем на суше. Реки и моря были для него издавна удобными дорогами. Разумеется, древнейшее мореплавание осуществлялось вдоль берегов, будучи, как теперь говорят, каботажным. Эта особенность древнего мореплавания не могла не влиять на первоначальные человеческие суждения о форме суши и морей и в связи с этим о строении и форме Вселенной.

Реальный географический опыт всегда имел определяющее значение в выработке человеческих представлений о населенном людьми пространстве. Можно не колеблясь утверждать, что в основе любых космологических идей, даже самых туманных и самых фантастических, все же лежит реальный географический опыт.

Таким образом, древние представления о Земле, насколько они прослеживаются по дошедшим до наших дней географическим описаниям, содержащимся в художественных, религиозных или научно-философских сочинениях древних египтян, вавилонян, сирийцев, греков и других средиземноморских народов, основаны преимущественно на опыте мореплавания. Оно гораздо более, чем сухопутные передви-

жения человека, раздвигало его географические горизонты, позволяя судить более свободно о форме и величине суши и морских просторов.

Совершенно естественно, что наиболее простым обобщением наблюдений над формой земной поверхности является представление о ней как о плоском диске. Это представление определяется обозримым для глаза горизонтом. В виде диска мы находим Землю на древнейших вавилонских изображениях (восходящих к представлениям III тысячелетия до н. э.), где суша показана в окружении воды, которая изображена в виде огромной таинственной реки, получившей у древних греков название Океана¹. На одном берегу этой реки обитали живые люди, другой же ее берег представлялся недостижимым и принадлежащим потустороннему миру: на нем обитали умершие предки. Их души как бы переплывали через Океан и переселялись в находящуюся на другом его берегу Страну блаженных (или на расположенные в Океане острова). Подобные примитивные представления о Земле были свойственны различным древнейшим народам, стоявшим на начальных ступенях развития культуры. Они располагали весьма небольшими возможностями передвижения, а поэтому имели очень ограниченный географический кругозор.

Однако древние люди не вовсе лишены были средств сообщения. Их различные изображения (наскальные рельефы, рисунки на глиняных сосудах и т. д.), относящиеся ко II тысячелетию до н. э., убеждают в наличии у тогдашних культурных народов Средиземноморья (эгейцев, египтян, сирийцев и др.) морских гребных и парусных кораблей, на которых могли совершаться уже сравнительно далекие плавания. Развитие мореплавания во II тысячелетии до н. э. определялось развитием производства: в первую очередь нуждами металлургии² и торговли различными изысканными товарами и предметами роскоши. Археологические находки и древние письменные документы убедительно говорят, что металлы и изделия из них, а также всякого рода драгоценные украшения и экзотические товары перевозились зачастую на большие расстояния. Географическое осмысление пространства, познанного в результате

этих плаваний, расширяло и обогащало общие представления о земной поверхности, но далеко не сразу их систематизировало и проясняло.

Географические представления о значительных земных пространствах, насколько они отразились в письменных памятниках II тысячелетия до н. э., оставались еще весьма смутными и неопределенными. Такова, например, география известного древнеегипетского «Рассказа египтянина Синухета», относящаяся к началу II тысячелетия до н. э. и допускающая иногда весьма свободные толкования встречающихся в этом рассказе географических подробностей.

Рассказ египтянина Синухета

Рассказ Синухета ведется от лица автора — высокопоставленного египетского чиновника, бежавшего из Египта в Сирию после смерти фараона Аменемхета I (1991—1972 до н. э.) и прожившего там долгое время. Из этого повествования выясняется, в частности, что египетские предприниматели и торговцы еще на рубеже III—II тысячелетий до н. э. проникли в Северную Сирию и, вероятно, имели там торговые фактории, что подтверждается новейшими археологическими находками в таких пунктах, как Рас-Шамра и Тель-Ат-хана.

«Потом я пошел на север и прибыл к стене правителя, выстроенной для отпора азиатам³, для поражения проходящих по пескам [кочевников бедуинов]⁴. Здесь я согнулся в кустах, чтобы меня не заметили часовые на стене. Ночью я пошел дальше. На рассвете я достиг Петена [местоположение неизвестно] и остановился на полуострове Кемуэра [отождествляется известными египтологами Дж. Брестедом и Б. А. Тураевым с местностью к северу от Суэцкого залива]. Напала на меня жажда, она настигла меня, я задыхался, мое горло пылало, и я сказал: это вкус смерти. Я поднял свое сердце и собрал свои члены, когда услышал звук блеющих стад; я заметил азиатов. Один из бедуинов, бывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, сварил для меня

молока. Я пошел с ним к его племени. Со мной обошлись хорошо. Страна передавала меня стране. Я удалился из Библа [древнефиникийский город на восточном берегу Средиземного моря] и пошел в Кедем [район к востоку от Иордании, известный под этим наименованием также и из Библии (Книга Бытия, 29, 1)]. Там я пробыл полтора года. Аммиенша, князь Верхнего Ретену [древнеегипетское наименование для Северной Сирии и области за рекой Оронтом (современная река Нахр-эль-Аси)], принял меня и сказал мне: «Тебе у меня будет хорошо, ты услышишь египетскую речь». Это он сказал мне, ибо знал, кто я, и слышал о моих способностях — ему засвидетельствовали это египтяне, находившиеся там у него»⁵.

Не менее интересный рассказ, относящийся приблизительно к тому же времени, что и «Рассказ египтянина Синухета», сохранился на папирусе, приобретенном и опубликованном впервые русским египтологом В. С. Голенищевым в начале прошлого столетия. Он повествует о путешествии и кораблекрушении, происшедшем в Красном море или, может быть, даже в Индийском океане.

Рассказ о кораблекрушении

«Я расскажу о случившемся со мною, когда я отправился в рудники царя. Я спустился к морю на корабле в 150 локтей длиной и 40 шириной. На нем было 150 матросов, самых отборных в Египте. Они видели небо, они видели землю, и сердца их были мудрее львов. Они предсказывали бурю раньше, чем она наступала, и непогоду — прежде, чем она появлялась. Буря разразилась, когда мы еще были в море и не успели причалить. Налетел ветер и поднял волны до 8 локтей. Я схватил пучок дерева, а все бывшие на корабле погибли. Никто из них не спасся. Меня волна выбросила на остров. Здесь я оставался три дня один, имея спутником только собственное сердце. Я заснул в кустах, и тень объяла меня... Я услышал звук грома и подумал, что это рокот волн. Деревья трещали, земля содрогалась. Я открыл лицо и увидел, что

идет змей в 30 локтей, с бородой более чем в два локтя... Он сказал мне: “Не бойся, не бойся, малый, не беспокойся... ты проведешь здесь месяц за месяцем, пока не окончишь внутри этого острова четыре месяца. Тогда из столицы придет корабль; на нем будут матросы, которых ты знаешь... Я царь Пунта... мне принадлежит мирра и благовонные масла... их много на этом острове...”

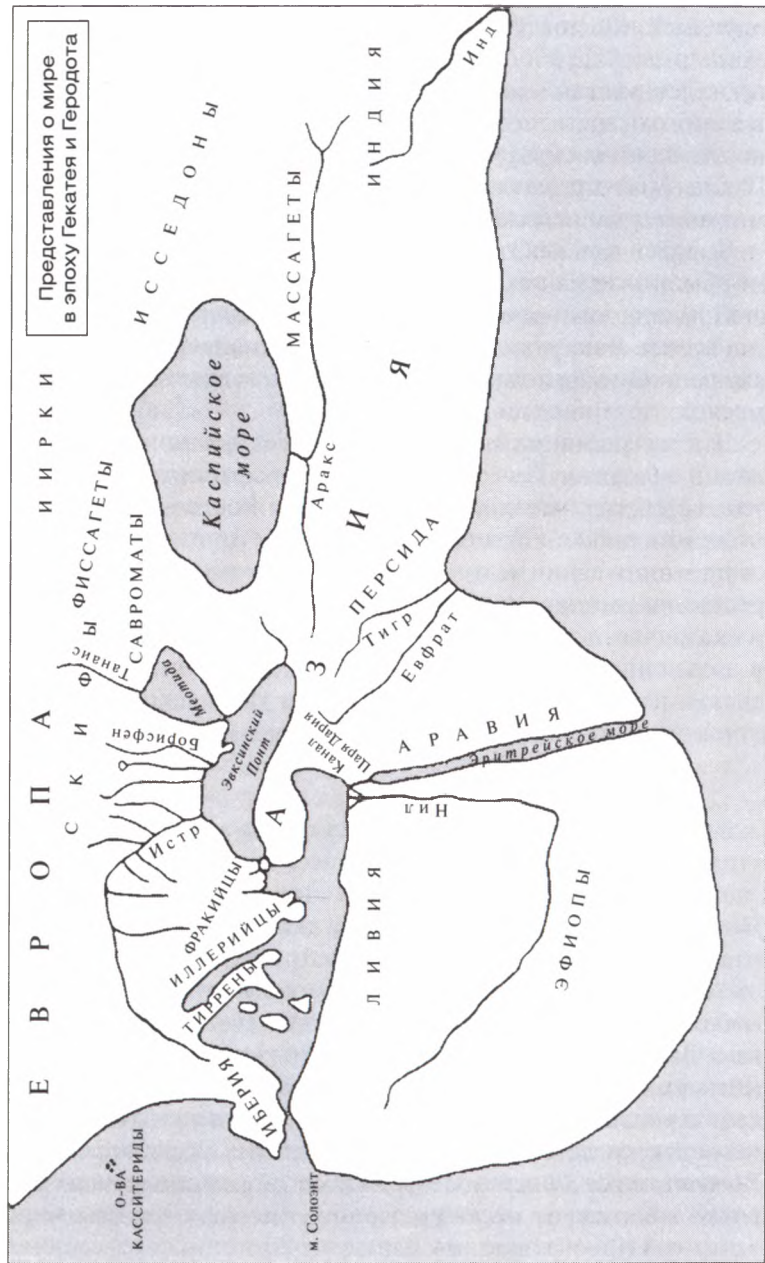
Корабль прибыл, как он предсказал... он дал мне груз из мирры... мази для глаз, жирафьих хвостов, большое количество ладана, слоновой кости, собак, обезьян и всяких дорогих вещей. Я нагрузил это на корабль и упал на живот, благодаря его. Он мне сказал: “Ты придешь в столицу через два месяца, ты обнимешь своих детей...”⁶

Это географически весьма туманное повествование о плавании в страну Пунт, находившуюся, видимо, где-либо у нынешнего сомалийского побережья Восточной Африки, содержит все же некоторые конкретные детали, касающиеся срока плавания в эту страну и тех грузов, которые интересовали древнеегипетских мореплавателей. Много в нем и сказочных подробностей, какие свойственны, как увидим в дальнейшем, и другим, более поздним, описаниям океанских плаваний, хотя и обладающим уже несколько более отчетливыми географическими деталями.

Сказание о походе аргонавтов

Почти столь же неопределенна и география древнейшего рассказа о плавании мифического древнегреческого корабля «Арго», сохранившаяся, как это установлено современной наукой в гомеровской поэме о странствованиях Одиссея и основанная на действительных географических представлениях, уходящих глубоко во II тысячелетие до н. э. Эта география довольно легко распознаваема и отождествима с современной географической картой в пределах Эгейского моря, Восточного и Западного Средиземноморья, вплоть до острова Сицилия, но не далее. Сообщения же о Черном море и водных пространствах к западу от Мессинского пролива

Представления о мире
в эпоху Гекатея и Геродота

смутны, сказочны и явно связаны с представлениями о потустороннем, мифическом Океане. Вход в Черное море преграждают сталкивающиеся скалы — Планкты, или Кианеи, вход в западные воды стерегут не менее страшные морские чудовища — Скилла и Харибда.

Гомеровский эпос, как произведение чисто художественное, не мог включить в себя конкретные элементы географии первоначальных сказаний аргонавтики, а сохранил лишь ее сказочные черты. Мы узнаем, однако, из более поздних переказов, что золотое руно, ради которого пускаются в плавание греческие герои-аргонавты, символизирует находящиеся где-то вдалеке драгоценные металлы. Сказочная страна Колхида, в которую плывут аргонавты, именем своим перекликается с греческим наименованием меди — халкос.

В своих блужданиях по морям аргонавты прибывают на остров Эталия, находящийся близ западных берегов Италии и отождествляемый с островом Ильва (Эльба)⁷, знаменитым в древности своими выработками железной руды — материальной основой древнеэтрусской культуры. Присутствие в сказании об аргонавтах легенды о происхождении янтаря, служившего в древности предметом широкого спроса и доставлявшегося в Средиземноморье с берегов Балтики, также показательны в отношении определения целей и задач древнего мореплавания.

Однако при знании этих отдельных конкретных черт легенды о плавании аргонавтов у нас нет возможности восстановить общие географические представления ее древнейших творцов. Мы можем лишь думать, что все предприятие аргонавтов представлялось плаванием по Океану и мыслилось как путешествие в потустороннем мире. Отдельные замечания толкователей этой легенды из числа наиболее древних греческих географов и мифографов VI—V веков до н. э. (Гекаatea, Ферекида и др.) удостоверяют, что истоки рек Фасиса (Риона), Нила, Истра (Дуная), по которым плавали аргонавты, лежат на Океане или в непосредственной близости от него. Это представление и позволило аргонавтам, пльвшим в Океан по реке Фасису, возвратиться в Средиземное море по Нилу, как рассказывал в утраченной эпической поэме Гесиод, поэт VIII—VII веков до н. э.

Древнегреческие представления о земной поверхности и Океане

Океан, таким образом, представлялся древним грекам в виде таинственного водоема, из которого истекали все моря и все реки. Выразители этих географических представлений из числа древнегреческих ученых продолжали существовать еще и в то эллинистическо-римское время, когда, казалось бы, реальный географический опыт не оставлял более места для подобных фантазий. Но они, излагая древние мифы, находили выход из области действительности в область мечтаний, признавая наличие подземной связи у тех или иных морей и рек с Океаном. Такого рода уступки мифологии имеются даже и у величайшего философа древности — Аристотеля (384—322 до н. э.).

Полное отрицание существования мифического омывающего со всех сторон суши Океана было высказано впервые еще в VI веке до н. э., когда у ионийских географов понятие Океана было заменено выражением «Внешнее море».

О том же, что все водные пространства, в том числе и океанские, окружены со всех сторон сушей, думал еще во II веке н. э., в пору наивысшего расцвета древней географической науки, знаменитейший географ Птолемей; он исходил, разумеется, не из практических знаний, а из теории, представлявшейся ему, однако, вполне научной и гораздо более правдоподобной, чем допущение существования полусказочного вселенского Океана. Утверждая это, он вступал в прямое противоречие с данными эллинистической науки, основанными на географическом опыте эпохи Александра Македонского и всех предшествующих времен, подытоженном и осмысленном великим александрийским физиком и географом Эратосфеном (276—194 до н. э.). По представлениям Эратосфена, земная суша была окружена океаном, но уже не мифическим и потусторонним, а реальным водным пространством, вовсе при этом не безграничным. Эратосфен представлял себе земную поверхность шарообразной и впервые научным способом измерил длину земного меридиана, совершив при этом

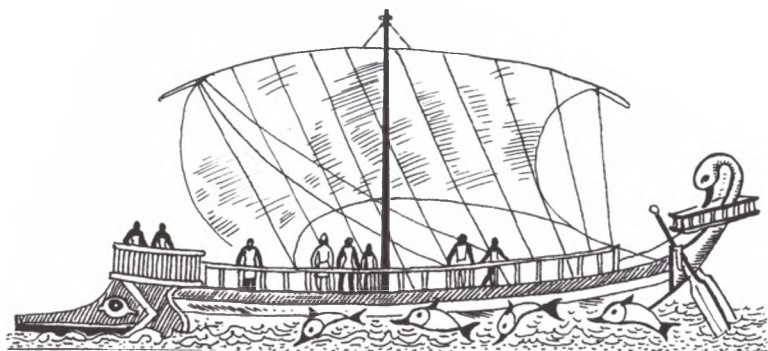
лишь сравнительно небольшую ошибку против нынешних исчислений. Не приходится, однако, забывать того, что земная поверхность фактически была известна в древности лишь на очень небольшом протяжении с запада на восток (от Гибралтарского пролива до реки Ганг) и того менее с севера на юг (от острова Туле, отождествляемого с западной частью Скандинавского полуострова, и до острова Тапробана — Цейлона). При этом знание об отдаленных местностях основывалось и в эпоху Эратосфена, да и гораздо позже, лишь на единичных и довольно туманных, не лишенных сказочного элемента описаниях, которые далеко не всеми принимались на веру.

Поэтому-то позднее Птолемей и считал возможным настаивать на вероятности соединения Ливии (африканского материка) с Европой где-то далеко на западе и с Азией где-то далеко на востоке. Многие же из предшественников Птолемея считали Ливию (Африку) окруженной со всех сторон морем. В доказательство этого приводились рассказы о якобы кругосветных плаваниях или другие, подтверждающие их мнение, соображения и факты.

Именно отношение к описаниям океанских плаваний, служившим источником для географических теорий, делило древних ученых-географов на два противоположных лагеря: признающих или отрицающих существование единого и омывающего земные материки океана. Спор этот проходит через всю древность, начиная с Анаксимандра (610—546 до н. э.), составителя древнейшей греческой карты мира, восстанавливаемой ныне лишь предположительно, и Гекатея из Милета (жил на рубеже VI и V веков до н. э.), составителя древнейшего «Землеописания» (дошедшего до нас лишь в кратких отрывках), об общих соображениях которого мы можем судить лишь по географическим представлениям младших его современников — Эсхила (525—456 до н. э.) и Геродота (484—425 до н. э.)

Древнейшие сообщения об океанских путешествиях, с которыми мы познакомимся ниже, позволяют получить довольно полное и в то же время объективное представление о тех фактических данных, какими располагала древняя география и на основании которых складывались господствовавшие в ней общие представления о земной поверхности.

Древнейшие плавания по Эритрейскому морю и Индийскому океану

Страны Ближнего Востока, в особенности Месопотамия (междуречье Тигра и Евфрата), с глубокой древности были связаны с бассейном реки Инд. Об этом свидетельствует известная близость материальных памятников Мохенджо-Даро и Хараппа — древнейших культур эпохи металла в Индии — и некоторых символических знаков древнеиндийского письма к соответствующим памятникам письменности и культуры древнего Двуречья.

Однако пути связей древнеиндийской культуры с культурой Шумера в точности еще не прослеживаются.

Предположительно можно говорить о большей реальности морских связей, поскольку сухопутные должны были затрудняться значительными пустынными пространствами, преодоление которых даже для привычного к лишениям и обладавшего хорошим хозяйственным обеспечением войска Александра Македонского в IV веке до н. э. оказалось сопряжено с весьма большими потерями и лишениями.

Во всяком случае, древневавилонские и древнеассирийские документы не содержат свидетельств о подобных связях и не рассказывают о каких-либо путешествиях в Индию.

Древнейшие данные, позволяющие допустить проникновение ближневосточных купцов-мореплавателей столь далеко на восток, относятся к финикийцам и содержатся в Библии.

Плавание в страну Офир

Книга Царств, III, 9, 27: «Царь Соломон построил корабли в Эзион Гебере⁸, около Элота на берегу Красного моря в земле Эдома [область племени эдомитян (или идумеев). Расположена на территории нынешней Иордании.]. И Хирам [Хирам I (969–936 до н. э.) — царь древнефиникийского Тира] послал на тех кораблях вместе с рабами Соломона своих рабов, искусных в мореплавании. Они пошли в Офир и взяли там четыреста двадцать талантов золота, которое привезли царю Соломону. (10, 11) Корабли Хирама, привозившие золото из Офира, привезли также из Офира великое множество сандалового дерева и драгоценных камней. Царь сделал столбы из сандалового дерева в доме Господа и в доме царя и арфы и псалтыри для певцов. (10, 22) Ибо царь имел на море корабли Таршиша⁹ вместе с кораблями Хирама. Раз в три года прибывали корабли Таршиша и привозили золото и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов [одно из разночтений оригинала, вместо “павлины”, содержит “рабы”]. (22, 48) Иосафат [древнеиудейский царь (876–851 до н. э.)] построил корабли Таршиша, чтобы плыть в Офир за золотом, но он не поплыл туда, потому что корабли разбились в Эзион Гебере».

Книга Царств рассказывает о торговых путешествиях во времена царя Соломона (X век до н. э.) финикийских купцов из города Тира (быть может, и из города Тарса в Малой Азии, хотя следует думать, что выражение «корабли Таршиша» в данном контексте определяет лишь тип судов) в страну Офир, расположенную на юго-востоке от царства Израиля, в которую попадали по Красному морю, но отождествление и точная локализация которой представляются довольно сложными. Корабли финикийского царя Хирама и израильского царя Соломона, а позднее, видимо, также и иудейского царя Иосафата отправлялись из Эзион Гебера (у современно-

го залива Акаба близ одноименного порта на Красном море) в трехгодичное плавание на поиски золота и других изысканных восточных товаров. Древнеарамейские наименования этих товаров сближаются в современной науке с соответствующими санскритскими словами. Самое наименование Офира сопоставляется с названием древнего племени абхира, помещаемого в Северной Индии. Однако по другим предположениям Офир следует искать в Омане (на юго-востоке Аравии), на острове Мадагаскар или на юго-востоке Африки.

Как бы то ни было, все же вполне вероятно, что Офир находился за пределами Баб-эль-Мандебского пролива и что в рассказах о финикийских плаваниях в эту страну содержатся первые смутные намеки на связи Восточного Средиземноморья со странами, лежащими на берегах Индийского океана.

После этих путешествий, относящихся к X—IX векам до н. э., ко времени наибольшего расцвета финикийского мореплавания, до конца VI века до н. э. ничего более не известно о морских связях ближневосточных стран с Индией. Однако нет оснований думать, что подобные отношения были полностью прерваны. Наоборот, следует скорее считать, что в эпоху возвышения Ассирии (IX—VII века до н. э.) были налажены сухопутные связи и проложены те дороги в Индию через Каспийские ворота (по южному берегу Каспийского моря), которыми позднее воспользовался Александр Македонский. Об этом, к сожалению, нет никаких других данных, кроме позднейших греческих легенд о Нине и Семирамиде¹⁰. Путь этот, во всяком случае, был открыт уже в конце VI века до н. э., в царствование персидского царя Дария I Гистаспа, с именем которого связан древнейший греческий рассказ о плавании по Эритрейскому морю (Индийскому океану), сохраненный для нас Геродотом.

Плавание Скилака из Карианды

Геродот, IV, 44: «Большая часть Азии была открыта Дарием [Дарий I (522—486 до н. э.) — древнеперсидский царь], когда он пытался узнать место впадения в море реки Инда — един-

ственной, кроме Нила, реки, содержащей в себе крокодилов. В числе тех, от кого он ожидал правдивых сообщений и кого послал для этой цели, находился Скилак из Карианды. Они отправились из города Каспатира и из области Пактиики¹¹ и вниз по реке поплыли в восточном направлении к морю. Через море они отправились на запад и на тридцатом месяце прибыли к тому месту, откуда египетский царь отправил упомянутых мною финикийцев [см. об этом ниже] объехать по морю вокруг Ливии [Африки]. После того как они проплыли вокруг Ливии, Дарий покорил своей власти индийцев и с того времени пользовался этим морем»¹².

Наиболее древний из известных, греческий путешественник по Индии — Скилак из карийского города Карианды (у юго-западной оконечности Малой Азии на берегу Эгейского моря) был земляком Геродота, о котором этот писатель мог бы, казалось, сообщить какие-либо подробности. Однако ничего конкретного о нем он не пишет. Путешествие вниз по Инду Скилак предпринимает из города Каспатира, или Каспапира, в Северной Индии (точной локализации не поддается), известного уже Гекатею Милетскому, написавшему свое «Землеописание» по крайней мере лет на пятьдесят раньше «Истории» Геродота, примерно в то самое время, когда Скилак, по преданию, предпринял свое путешествие.

Это обстоятельство заставляет предположить, что иранские (а также и греческие) купцы знали дорогу в Северную Индию и, может быть, уже в VI веке до н. э. спускались по Инду.

Возможно, что столкновения древнеперсидского царя Кира Старшего (558—529 до н. э.) со скифами в закаспийских областях были связаны с открытием и использованием этих ирано-индийских торговых путей. Если бы не существовало подобной морской и сухопутной торговли и связанных с нею путешествий, то трудно было бы представить себе, каким образом Дарий или вообще кто бы то ни было в Иране или в Греции додумался до необходимости проверить возможность возвращения из Индии морским путем к Суэцкому перешейку.

Дарий, как это известно из сообщения Геродота, а также из найденных при прорытии в XIX веке Суэцкого канала

древних надписей, возобновил существовавший ранее канал через Суэцкий перешеек из Красного в Средиземное море. Канал отделялся от Нила у нынешнего Эз-Заказика (древний Бубастис) и шел по Вади-Тумилат через пустынную местность мимо Питома и Суккота¹³ к Большому Горькому озеру на Суэцком перешейке и оттуда к северной оконечности Суэцкого залива.

Геродот (II, 152) пишет об этом канале следующее:

«Длина канала — на четыре дня плавания, а широк он настолько, что по нему могут идти на веслах две триремы рядом. Вода в него проведена из Нила. Канал начинается немного выше Бубастиса, проходит близ арабского города Патума и впадает в Эритрейское море. Прежде всего он идет по той части египетской равнины, которая граничит с Аравией, у подножия того хребта, который тянется выше равнины к городу Мемфису и в котором есть каменоломни. У подножия этого хребта канал тянется с запада на восток, там уклоняется в сторону по направлению к югу и, проходя через ущелья, вливается в Аравийский залив. Кратчайшим путем от Северного моря [Северным морем древние египтяне называли Средиземное море] до Южного и Эритрейского считается тот, что идет от хребта Касия [современное название этого хребта, или, точнее, горного плато, — Эт-Тих], отделяющего Египет от Сирии и составляющего до Аравийского залива ровно тысячу стадий. Это кратчайший путь. Канал гораздо длиннее, потому что он несравненно более извилист. При проведении этого канала погибло сто двадцать тысяч египтян. Нехо [египетский фараон (610—595 до н. э.), предпринявший окончившуюся неудачей попытку прорытия канала из Средиземного моря в Красное] приостановил работы на половине, будучи смущен изречением оракула, что он работает на варвара, а варварами египтяне называли всех, говорящих не на одном с ними языке».

На правом берегу канала, завершеного Дарием, возвышались четыре большие каменные плиты с клинообразными и иероглифическими надписями, от которых при прорытии Суэцкого канала в 60-е годы XIX века были обнаружены незначительные обломки.

Обрывок одной из этих надписей на каменной плите гласит: «Я приказал, — говорит в ней царь Дарий, — вырыть этот

канал от реки Пиравы [Нила], текущей в Египте, к морю, текущему из Персии. Этот канал был прорыт. Еще приказываю я, чтобы по этому каналу [шли корабли в Персию]».

На других обломках сохранились, быть может, отрывки описания пути по Красному морю в Иран, а также восхваления этого предприятия царя Дария, «равного которому не было в свете».

Такое грандиозное сооружение, как этот канал, не могло не поразить воображения современников; оно само по себе было порождено наличием морских связей с восточными странами, а потому послужило причиной для возникновения рассказа, соединяемого с именем Скилака из Карианды. С этим же именем в более позднее время связывалось «Описание Внутреннего моря» (то есть Средиземного и Черного), появившееся, как полагают теперь, не раньше IV века до н. э. С именем Скилака связываются также отдельные отрывки сочинения «Об Индии» (или более пространного «Землеописания», содержавшего сведения об Индии), в котором сообщалось немало сказочных подробностей о скиаподах («тененогих» людях с такими большими стопами, что они укрывались в их тени в жаркое время), отоликнах (людях с ушами, огромными, как крылья веялки), монофтальямах (одноглазых) и энотоконтах (спящих на собственных огромных ушах). Уже одно это перечисление показывает, что сообщения об Индии, приписываемые Скилаку, содержали, по-видимому, мало реальных данных, но зато много всякого рода сказочных подробностей.

Так как Гекатей, Геродот и более поздние авторы, ссылающиеся на Скилака, называют очень мало местностей или племенных имен, связанных с побережьем Индийского океана или Красного моря, то, может быть, их почти и не было в том древнем сочинении, которое приписывается Скилаку.

Во всяком случае, все подлинно географические подробности, восходящие к описаниям, относящимся к VI веку до н. э., касаются лишь Северной Индии.

Из фрагментов сочинения Скилака, могущих относиться к юго-западу Индии, должен быть упомянут тот, в котором идет речь о живущих в пещерах пигмеях или троглодитах (эти наименования несколько позднее античные авторы

стали применять к различным пещерным жителям восточных и южных стран).

От Скилака, через Гекатея Милетского, могли стать также известны упоминаемые Геродотом мики — обитатели побережья Кармании (Керман), под которым подразумевается остров Кир в Персидском заливе, а также и острова Камарены близ южной оконечности Аравийского полуострова.

Возможно, впрочем, что эти древние описания Индии содержали предположения о связи части азиатского материка с Ливией (Африкой) и об индийских истоках Нила. Они высказывались на том основании, что в Инде, как и в Ниле, водятся крокодилы — мнение, которое многие разделяли еще и в эпоху Александра Македонского.

Что касается сказочных мотивов, содержащихся в Скилаковом описании Индии, то они, несомненно, отразились в какой-то степени даже в рассказе о плавании по Индийскому океану, составленном Нearchом — навархом (флотоводцем) Александра Македонского, руководившим знаменитым походом македонской флотилии на возвратном пути из Индии в Иран. Само это описание до нас не дошло, но им широко воспользовался греческий писатель II века н. э. Арриан в своей книге об Индии и о завоевании ее Александром Македонским.

Плавание Нearchа

Арриан в этом сочинении приводит из Нearchова описания морского пути довольно подробные выдержки. Нearch выступил от устья Инда в конце сентября 325 года до н. э. с командой около 5000 человек. Кроме того, на кораблях была вооруженная охрана из сухопутных войск. Он хотел было дожидаться северо-западных муссонов, но ему пришлось отплыть на месяц раньше предположенного срока вследствие враждебности со стороны индийских племен. Из-за неблагоприятной погоды македонские корабли принуждены были отстаиваться на протяжении двадцати пяти дней в гавани Александра (современный порт Карачи), после чего они за пять дней

достигли устья реки Арабис (нынешняя река Порали или река Хаб, километрах в пятидесяти к западу от Карачи). Во время плавания вдоль берегов племени орейтов, у которых была сделана остановка, они потеряли три корабля во время бури, но команда их спаслась вплавь. Добравшись до Кокалы (близ современного Гуринда), Нearch стал на якорь, сошел на сушу и соорудил лагерь для защиты от местных жителей. Пополнив свои запасы провиантом, подвезенным по распоряжению следовавшего сухим путем Александра, и починив корабли, он поплыл дальше при попутном ветре и добрался до реки Томер¹⁴. Здесь он высадился, несмотря на сопротивление местных жителей, которых македоняне насчитали около 600. Нearch нанес им поражение и захватил некоторых в плен.

После нового ремонта судов Нearch отплыл на шестой день. Вскоре он достиг Маланы (современный Рас-Малан), откуда он плыл двадцать дней вдоль берегов Гедрозии (соответствует современному Белуджистану), заселенных ихтиофагами («рыбьедами»). В первый день он проплыл Багисару (Кап-Сер у залива Ормир), на третий — Каламу (локализуется у маленькой речки Калами), где получил продовольствие у жителей. В ста стадиях¹⁵ отсюда находился остров Карбина (или Карнина), о котором он сообщает со слов обитателей побережья легендарные подробности. Этот сказочный остров — по всей вероятности, остров Астола, находящийся в пятидесяти километрах от мыса Рас-Джаджи, — являлся в древности, как, по-видимому, и в более позднее время, центром солнечного культа. Слава об этом острове проникла и в другую древнегреческую географическую и социально-утопическую литературу, о чем будет сказано ниже.

Прежде чем корабли Нearchа добрались до Мосарны (современная Пасни), запасы зерна у македонцев совершенно истощились. В Киизе (отождествляется по созвучию с современной Куизой) они поймали несколько диких коз. В Мосарне они взяли проводника-лоцмана, который обещал доставить их до берегов Кармании (Керман). Плодородная местность и мирный народ были ими встречены у селения Варна (современный Гватер). У Киизы впервые они увидели китов, встрече с которыми Нearch посвящает весьма красочное опи-

сание. Далее, в бухте Гватер, для пополнения запасов продовольствия они напали на укрепленное поселение, но нашли лишь рыбную муку, которой преимущественно и питались жители. Лучшую пищу они увидели только в плодородной Кармании, где раздобыли зерна и фруктов. Вскоре путешественники увидели большой мыс, который, как оказалось, был мысом Макета (современный Рас-Мейдани, глубоко вдающийся в Оманский залив). Неарх отверг совет находившегося при нем ученого Онесикрита, предлагавшего плыть по Персидскому заливу вдоль берегов Аравии.

Вскоре флот достиг реки Анамис (отождествляется с рекой Минаб) и плодородной Гармозии (близ современного Ормуза). Прервав дальнейшее плавание, Неарх направился внутрь страны (к современному Голашгирду) для встречи с Александром, о котором получил известие. Вернувшись оттуда, он, выполняя распоряжения царя, поплыл далее, обследуя северные берега и острова Персидского залива, пока не достиг порта Диридотис у устья Евфрата. Узнав о приближении Александра, он вступил в реку Паситигрис (отождествляется с рекой Карун), поднявшись по которой соединился с его войском.

Для того чтобы читатель получил представление о характере повествования Неарха, мы приводим несколько глав из названного выше сочинения Арриана, в которых он целиком опирается на Неарха:

«(23, 1) Отплыв от устья Арабиса, они плыли вдоль страны орейтов; пройдя приблизительно 200 стадий, они остановились в Пагалах у скалистого берега с сильным прибоем, но для того, чтобы бросить якоря, место это было удобное. Экипаж оставался на кораблях в открытом море, те же, кто добывал воду, сошли с кораблей. (2) На другой день, двинувшись с рассветом и проплыв около 400 стадий, к вечеру они подошли к Кабанам [современная Кингала] и стали у пустынного берега. Так как и здесь у берега были подводные камни и сильное волнение, то корабли стали на якорь в открытом море.

(3) Во время этого плавания сильный ветер с моря обрушился на корабли, и при этом погибли два военных судна и одно легкое [кипрское] судно; люди спаслись вплавь, так

как корабли плыли недалеко от земли. (4) Отчалив в середине ночи, они плыли вплоть до Кокал [современный Гуринд], которые от того берега, откуда они тронулись, отстоят на 200 стадий. Корабли оставались в открытом море на якоре, экипаж же Неарх высадил на землю и дал ему отдохнуть в лагере, так как все, сильно настрадавшись в море, жаждали передышки. Лагерь он укрепил стеной для охраны от нападения варваров.

(24, 1) Двинувшись оттуда, они поплыли с попутным ветром и, пройдя около 50 стадий, пристали у бурной реки, которая называлась Томер. (2) При впадении этой реки в море было болото; низины у берега населяли люди, жившие в тесных жилищах. Когда они увидели подплывавший флот, они почувствовали страх и, вытянувшись по всему берегу, стали в боевой порядок, как бы собираясь сражаться, если прибывшие станут высаживаться.

(3) У них были толстые копья длиной в шесть локтей, но у копий не было железных наконечников, а обожженное острие заменяло для них железо; числом их было до шестисот.

(4) Когда Неарх увидел, что они твердо держатся на месте и выстроились в боевом порядке вдоль берега, он велел кораблям стать на якорь в открытом море, на расстоянии полета стрелы, так чтобы стрелы с кораблей могли долетать до земли, копья же варваров, будучи тяжелыми, были пригодны для рукопашного боя, при метании же издали они не представляли никакой опасности. (5) Неарх, выбрав тех из солдат, которые были наиболее подвижны, вооружены самым легким оружием и лучше умели плавать, велел им по данному сигналу броситься в море.

(6) Им был дан приказ, чтобы каждый из них, выплыв [на мелкое место], стоял в воде, ожидая следующего за ним товарища, и не нападать на варваров, пока фаланга не установится в глубину по три человека; тогда, подняв военный клич, бегом идти на них. (7) И тотчас же те, которые были для этого предназначены, стали бросаться с кораблей в море, быстро плыли и устанавливались в порядке. Затем, построясь фалангой, они подняли боевой клич в честь Эниалия [бог войны у греков] и бегом двинулись на врага. Бывшие на кораблях в свою очередь подняли крик и стали метать в варваров стрелы и снаряды из метательных орудий.

(8) Враги, испуганные блеском оружия и быстротой нападения, поражаемые стрелами и другими снарядами, будучи полуголы, не решились обороняться даже и короткое время и обратились в бегство. Одни из них во время этого бегства были убиты, другие захвачены в плен, а некоторые бежали в горы.

(9) У взятых в плен как все остальное тело, так и голова были покрыты густыми волосами, а ногти у них были как бы звериные когти. По словам Непарха, этими ногтями они пользовались как железным инструментом, прокалывали и раздирали ими рыбу и разрезали деревья, которые помягче. Другие же деревья они рубили острыми камнями, так как не знали железа. В качестве одежды они носили звериные шкуры, а некоторые и толстые кожи больших рыб.

(25, 1) Тут греки вытащили корабли на сушу и починили те из них, которые в чем-либо пострадали. На шестой день они отправились в дальнейший путь и, проплыв около трехсот стадий, прибыли в местность, которая была крайней в земле орейтов. Название этого места Малана. (2) Орейты, которые живут внутри материка, носят такую же одежду, как и индийцы, и вооружены так же, как они, но язык у них, законы и установления — другие.

(3) Длина этого плавания вдоль берегов страны арабиев — 1000 стадий, с того места, откуда они отплыли, вдоль же страны орейтов — 1600. (4) Когда они плыли вдоль земли индийцев, по словам Непарха, тени отбрасывались неодинаково. (5) Когда они по морю уходили далеко к югу, то и самые тени, казалось, обращались к югу; когда солнце среди дня стояло в зените, то в этих местах можно было видеть, как у предметов не было тени. (6) Из звезд те, которые прежде были видны высоко в небе — одни становились вовсе невидимы, другие появлялись у самой земли на горизонте, и те, которые прежде всегда сияли на небе, теперь то заходили, то вновь появлялись.

(7) То, что здесь описал Непарх, мне кажется, не отступает от истины, так как в египетской Сиенне, когда летом бывает время солнцеворота [время равноденствия], показывают колодец, который в полдень не дает никакой тени. (8) Естественно, что и у индийцев, особенно у живущих на юге, проис-

ходят те же явления, и особенно в Индийском море, поскольку это море еще больше отклоняется к югу.

(29, 8)...Длина проделанного ими пути вдоль страны ихтиофагов была немногим более 10 000 стадий. (9) Эти ихтиофаги питаются рыбой, откуда у них и самое их наименование. Немногие из них занимаются рыбной ловлей. Некоторые из них строят для этой цели суда и знают искусство рыбной ловли. Но большую часть добычи дает им морской отлив. (10) Некоторые для этой цели имеют специальные сети величинной в большинстве случаев до двух стадий. Они плетут их из волокон финиковой пальмы, ссучивая эти волокна, как лен. (11) Всякий раз, когда море отступает и земля обнажается — там, где ровная земля, рыб почти не остается, где есть углубления и где задерживается вода, тут-то и бывает очень много рыбы, большей частью мелкой, но попадает и покрупнее. Закинув сеть, они вытаскивают рыбу.

(12) Самую нежную они поедают сырой, как только вытащат из воды, ту же, что покрупней и пожестче, они сушат на солнце. Когда эта рыба совершенно высохнет, как зажаренная на огне, они размалывают ее, делают из нее муку и готовят хлеб, а некоторые пекут из муки тонкие лепешки. (13) Их скот тоже ест сырую рыбу, так как их страна лишена лугов и не имеет травы.

(14) Они ловят здесь очень много крабов, улиток и раковин. Соль сама собою родится в этой стране. [Из тунцов] они делают масло. (15) Для тех из них, кто живет в пустынных местностях, где не растут деревья и нет никаких культурных плодов, — для тех все питание заключается в рыбе. Немногие у них засевают маленькие участки земли и пользуются полученным зерном и хлебом как приправой к рыбе, так как хлебом для них служит рыба. (16) Дома себе они строят следующим образом: самые богатые из них всякий раз, когда море выбросит на берег кита, собирают его кости и пользуются ими как деревянными шестами. Из более плоских костей они делают двери. Из тех же, кто победнее, большинство строит себе дома из костей обыкновенных рыб.

(30, 1) В открытом океане водятся огромные киты и гораздо более крупные рыбы, чем в нашем [Средиземном] море. (2) Нearch рассказывает, что, когда они плыли из Киизы, на рас-

свете они увидали, что вода в море бьет высоко кверху, подымаясь как бы силою какого-то раздувательного меха. (3) Испуганные этим, моряки спросили проводников на кораблях, что это такое и отчего происходит; они же ответили, что это киты. Плывя по морю, они выдувают воду кверху. Гребцы так испугались, что у них из рук выпали весла. (4) Тогда сам Неарх, проезжая по всей линии кораблей, обращался к людям со словами ободрения и воодушевления и тем, мимо кого он проезжал, приказывал повернуть нос корабля во фронт, как бы для сражения, и, поднявши боевой крик, частыми и сильными ударами весел производить возможно больше шума. (5) Они ободрились и все вместе, как было приказано, двинулись против китов. Когда они уже приближались к этим животным, подняли воинский крик, сколько хватало голоса, стали трубить в трубы и производить насколько возможно больший шум греблей. (6) И вот киты, которые виднелись уже у самого носа судов, испуганные шумом, опустились в глубину и немного позднее, вынырнув за кормой, держались на поверхности и вновь стали выкидывать кверху воду.

(7) Тут среди моряков поднялся шум приветствий при этом неожиданном спасении и раздавались похвалы смелости и мудрости Неарха. (8) Некоторые из этих китов, когда начинается отлив, захваченные на отмелях, так там и остаются. Иные из них выбрасываются на землю сильными бурями. Там они загнивают и погибают, и, когда распадается их кожа и мясо, остаются кости, которыми люди пользуются для постройки домов (9). Кости их ребер служат для этих зданий как бы большими балками, а кости поменьше употребляются как стропила; кости их челюстей употребляются как двери, так как многие из этих китов достигают величины до 5 оргий [около 10 метров]»¹⁶.

Детальность и обстоятельность этого рассказа позволяют поставить его в сравнение с лучшими образцами древнегреческих географических и этнографических описаний, принадлежащих перу Геродота, Гиппократы и Ксенофонта. Нельзя не заметить, однако, что Неарх приписывает сравнительно северным областям, лежащим у 25–30 градусов северной широты, такие физические и астрономические явления (например, отсутствие тени в полдень у предметов и даже

перевод тени на южную сторону), которые могли бы быть в действительности наблюдаемы лишь под экватором.

В книге II своей «Географии» греческий писатель Страбон, живший на рубеже нашей эры, сообщает, что в сочинении Непарха содержится немало небылиц, хотя и не так много, как в сочинениях таких ученых эпохи Александра Македонского, тоже писавших об Индии, как Деимах и Мегастен. Перечисляя эти небылицы, Страбон говорит о людях, спящих на своих ушах, безротых и безносых, одноглазых, большеногих и с пальцами, обращенными назад и т. п., то есть упоминает все то, о чем, видимо, писал впервые Скилак из Карианды. Далее Страбон сообщает о словах Непарха, будто тот сам видел муравьев, роющих золото, и повторяет тем самым легенду, известную еще Геродоту. В данном случае, как, может быть, и в некоторых других, Непарх поддался влиянию Скилака из Карианды (через посредство Гекатея Милетского) и Ктесия из Книды (младшего современника Геродота), писавших об Индии и передававших распространенные в их времена легенды. Страбон сомневается также в правильности утверждений Непарха о положении созвездий у устья Инда, но ему уже известно, что описанные Непархом явления в действительности наблюдались в Африке у лежащего значительно ближе к экватору пункта на берегу Нила — Мероэ.

Следовательно, на представления Непарха, прошедшего несколько лет в Индии и в действительности проделавшего путь вдоль побережья Индийского океана от Карачи до устья Евфрата, несмотря на его большую наблюдательность, значительное влияние продолжали оказывать более древние, восходящие к Скилаку, описания Индии. На это указывают различные сказочные географические и этнографические подробности в описании Непарха и его ошибочные теоретические представления, в силу которых Индия по своему географическому положению являлась как бы продолжением Ливии (Африки). К некоторым из этих сказочных подробностей и теоретических измышлений нам еще придется вернуться при рассмотрении древнейших плаваний вдоль (или вокруг) побережья африканского материка по водам Индийского океана.

Плавание финикийцев при фараоне Нехо

Древнейшим известием об этих предприятиях служит рассказ Геродота, сообщающий о плавании финикийцев из Египта по Красному морю и Индийскому океану на юго-восток вокруг африканского материка по приказу египетского фараона Нехо около 600-х годов до н. э. Геродот пишет об этом так:

«(IV, 42)...Ливия, оказывается, кругом омывается водой, за исключением той части, где она граничит с Азией. Первый доказал это, насколько нам кажется, египетский царь Нехо. Приостановивши прорытие канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикийян на судах в [Красное] море с приказанием плыть обратно через Геракловы столпы [Гибралтарский пролив], пока не войдут в Северное море и не придут в Египет. Финикийяне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и ждали жатвы. По уборке хлеба они плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геракловы столпы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания вокруг Ливии финикийяне имели солнце с правой стороны».

Об этом путешествии в старой и новой историко-географической литературе было высказано много различных мнений. Реальность этого плавания совершенно справедливо была неоднократно подвергнута сомнению. Однако в этом рассказе говорится о том, что к югу от экватора солнце оказывается справа для идущего или плывущего с востока на запад. Как раз эта подробность, в справедливости которой сомневается Геродот, убеждает в реальности наблюдений, положенных в основу рассказа о плавании финикийцев при фараоне Нехо.

Неарх о подобных наблюдениях сообщает при таких географических обстоятельствах, которые исключают их

реальную возможность, из одного, видимо, желания убедить читателя в том, что им наблюдались физические явления, характерные для экваториальной Африки. Замечание о положении солнца, сделанное в рассказе о финикийцах фараона Нехо, в какой бы связи оно ни находилось именно с этим рассказом, свидетельствует все же о подлинном наблюдении, когда-то произведенном жителем Северного полушария в полушарии Южном. Вполне допустимо, впрочем, что имя фараона Нехо фигурирует в рассказе лишь потому, что при нем, как позднее при персидском царе Дарии, предпринимались работы по расчистке и восстановлению канала между Нилом и Красным морем. Работы эти, несомненно, были продиктованы нуждами мореплавания по Красному морю, а может быть, и Индийскому океану.

Но такие подробности Геродотова рассказа, как трехгодичная продолжительность плавания, с перерывами для посева и получения урожая хлебных злаков, могут быть приняты лишь как романически-сказочные. Нельзя при этом не напомнить читателю, что соответственно библейскому рассказу, приведенному выше, плавание в Офир также отнимало три года. С посевом хлебных злаков во время длительного морского плавания вдоль африканского побережья нам еще также предстоит встретиться в описанном ниже и в столь же мало правдоподобном рассказе о плавании кизикенца Эвдокса. Таким образом, отмеченные подробности оказываются принадлежностью определенного жанра повествований о морских плаваниях, чем подтверждается их вымышленный характер. Тем не менее обращает на себя внимание, что в основе этих сказочных подробностей все же лежит какой-то более или менее определенный, реальный навигационный опыт. Вполне допустимо, что он был связан с плаваниями по Индийскому океану. Во всяком случае, эти и схожие с ними подробности встречаются в сообщениях о плавании по Индийскому океану, начиная с таких отвлеченных и явно романизированных сообщений, как рассказ Геродота о плавании финикийцев, и кончая настолько обстоятельным и конкретным отчетом, как Непархово описание похода македонского флота.

Плавания Эвдокса

Конкретность описания плавания из Индии в Иран представит особенно отчетливо при сравнении с сообщениями Страбона о плаваниях Эвдокса — грека из малоазийского города Кизика, — якобы имевших место во второй половине II века до н. э. Правда, Страбон сам не признает достоверности этих плаваний, но все же описывает их со слов своего предшественника, греческого философа, астронома и географа Посидония (135–50 до н. э.), приводя большое количество различных подробностей, скорее, однако, романтического, чем географического порядка.

Страбон, «География» (II, 3, 4): «Посидоний рассказывает, что некий Эвдокс из Кизика прибыл в качестве теора [священного посла] и спондофора [посла для заключения мирного договора] на Корейские игры [празднества в честь сельскохозяйственной богини Коры — Персефоны] в Египте, в царствование Эвергета II [Птолемея Фискона, царствовавшего со 146 по 117 год до н. э.]; он был представлен царю и его приближенным, которых расспрашивал в особенности о способе плавания вверх по Нилу, как человек, интересующийся особенностями этой страны и не без сведений об этом предмете.

В то же время случилось, что какой-то индеец был приведен к царю стражами Аравийского залива, которые сообщили, что они нашли этого человека полумертвым, одного на корабле, но не знают, кто он и откуда, потому что не понимают его языка. Царь передал его неким лицам, которые должны были обучить его греческому языку. Научившись по-гречески, индеец объяснил, что он, плывя из Индии, заблудился и спасся лишь один, потеряв всех спутников, которые умерли с голоду. Так как в его рассказе усомнились, он обещал указать водный путь в Индию тем, которым царь поручит отправиться туда; в числе последних был и Эвдокс.

Отплывши туда с дарами, он по возвращении привез взамен их различные благовония и драгоценные камни, из которых одни приносятся реками вместе с песком, другие же добываются из земли, образовавшись из жидкостей, как

наши кристаллы. Но Эвдокс обманулся в своих надеждах, потому что Эвергет отнял у него все товары. По смерти Эвергета его жена Клеопатра получила царскую власть. И она снова послала Эвдокса, на этот раз с большими приготовлениями. На обратном пути Эвдокс был занесен ветрами в страну, находящуюся далее к югу от Эфиопии.

Приставая к некоторым местностям, он располагал к себе жителей подарками: хлебом, вином, фигами, которых там не было. За это он получал от них воду и проводников, причем записал также некоторые слова туземного языка. Он нашел там оконечность передней части корабля, уцелевшую от кораблекрушения, на которой был вырезан конь, и он посредством расспросов узнал, что кораблекрушение потерпели прибывшие с запада. Отправляясь в обратный путь, он взял с собой этот обломок.

Когда он прибыл в Египет, где царствовала уже не Клеопатра, а ее сын, у него снова отняли все, да еще и уличили в присвоении себе некоторых вещей. Он понес на рынок фигурный нос корабля и узнал от моряков, что это обломок гадесского¹⁷ корабля. Ему рассказали о том, что гадесские купцы снаряжают большие корабли, а бедные жители — маленькие, именуемые ими “конями”, по изображениям на носу их кораблей. На этих маленьких кораблях они отправляются на рыбную ловлю к берегам Маврузии [современное марокканское побережье], вплоть до реки Ликса [эта река, по данным, приводимым ниже, отождествляется с рекой Уэд-Дра]. Некоторые из матросов узнали эту оконечность корабельного носа: она принадлежала одному из кораблей, заплывших далее Ликса и более не возвращавшихся. Эвдокс из этого заключил, что плавание вокруг Ливии возможно.

Вернувшись домой, он погрузил все свое имущество и вышел в море. Прежде всего он прибыл в Дикеархию [греческая колония, римские Путеолы, современные Поцциуоли в Неаполитанском заливе в Италии], потом в Массалию и далее в различные пункты по берегу, вплоть до Гадеса. Везде, куда он ни приезжал, он рассказывал о своем предприятии и, набравши торговлей достаточно средств, построил один большой корабль и два буксирных судна, подобные пиратским лодкам; посадив на них девушек-музыкантш,

лекарей и разных ремесленников, он отправился наконец морем в Индию, пользуясь постоянными западными ветрами.

Когда его спутники были утомлены плаванием, он неохотно пристал к берегу, опасаясь приливов и отливов. И действительно, произошло то, чего он и опасался: судно село на мель, но не резко, так что оно не погибло немедленно; товары, большая часть бревен и досок были выгружены на сушу. Из них Эвдокс соорудил третье судно, почти равное по величине пятидесятивесельному кораблю. На нем он продолжал путешествие, пока не прибыл к народу, говорившему на том самом языке, слова которого были им записаны прежде. Благодаря этому он узнал, что живущие там люди принадлежат к тому же племени, что и другие эфиопы, и что они соседят с царством Богоса [мавританский царь, живший на рубеже II—I веков до н. э.].

Прекратив путешествие в Индию, он возвратился назад. На обратном пути вдоль берега заметил он пустынный островок, обильный водой и растительностью, и обозначил его положение.

Высадившись благополучно в Маврузии и распродав свои суда, он пешком отправился к Богосу и советовал ему предпринять морскую экспедицию. Но друзья царя убедили его в противоположном [мнении]: они навели на царя страх, что вследствие этого Маврузия станет подвержена вражеским нападениям, потому что будет открыта дорога для тех, кто пожелал бы напасть на нее. Когда же Эвдокс узнал, что его посылают в плавание лишь на словах, а на самом деле хотят отправить на некий пустынный остров, он бежал в римские владения, а оттуда в Иберию [Испанию]. Снарядивши снова “круглое” судно [стронгил — небольшое греческое парусно-весельное судно, пригодное лишь для каботажного плавания] и длинное пятидесятивесельное, для того чтобы на этом плавать в открытое море, а на первом обследовать берега, он погрузил на них земледельческие орудия, семена и, взявши также плотников, отправился в ту же экспедицию, намереваясь, если плавание затянется, перезимовать на замеченном им раньше острове, произведя посев и собравши плоды, и завершить задуманное им плавание»¹⁸.

Быть может, впрочем, именно неверие Страбона в истинность сообщений Посидония о плаваниях Эвдокса и было причиной того, что он в своем изложении воздерживался от передачи географических деталей. Возможно, они и содержались в описании Посидония, но Страбон их опустил, с тем чтобы легче аргументировать свое неверие. Высказывая мнение о недостоверности или ошибочности некоторых сообщений Неарха, Страбон поступает, в сущности, именно таким образом: он воздерживается от детальной передачи текста сочинения Неарха, которую мы, к счастью, находим у Арриана.

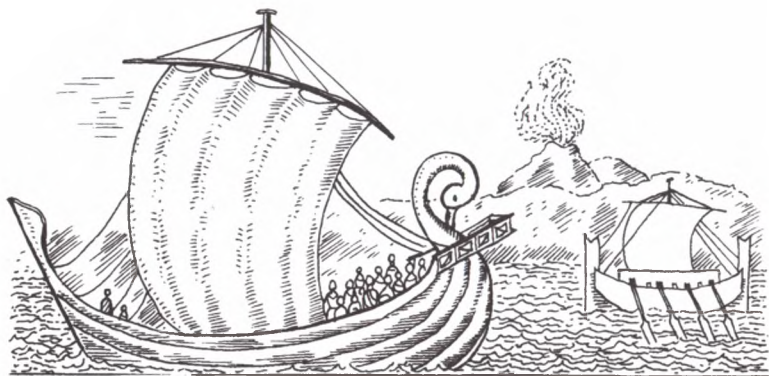
Однако даже если оно и так, все же у нас не может быть оснований для предположения, что Эвдокс или сообщивший о его плаваниях Посидоний называли какие-либо южноафриканские пункты. Допускать этого не следует потому, что даже более поздние и наиболее осведомленные из древних географов, суммировавшие весь предшествующий им географический опыт (например, упоминавшийся уже Клавдий Птолемей, живший в середине II века н. э.), не сообщают о тех местностях каких-либо детальных географических данных. Вспомним о том, что Птолемей находил возможным поддерживать мнение о соединении ливийского (африканского) и азиатского материков на юге, несовместимое с достоверным знанием о плаваниях вокруг Африки.

Страбон сравнивает описание Эвдоксовых морских предприятий с сочинениями Эфемера — автора философского социально-утопического романа об острове Панхайя, находившемся якобы где-то в Южном океане. И действительно, именно на такое сравнение напрашивается описание Эвдокса, стоит только сопоставить его с соответствующими страницами дошедших до нас древних приключенческих романов — «Золотого осла» Апулея, «Дафниса и Хлои» Лонга, «Эфиопики» Гелиодора и «Левкиппы и Клитофонта» Ахилла Татия. Так что, как бы ни относиться к самим фактам, лежащим в основе сообщений Посидония об Эвдоксе, следует признать, что сообщения эти определенным образом литературно обработаны и преподнесены в стиле греческого романа приключений. Есть в сообщениях Эвдокса, конечно, и такие детали, которые соответствуют фактам, имевшим

место в действительности, и которые невозможно было просто выдумать, поскольку подобная выдумка вряд ли кому-нибудь пришла бы в голову, не опираясь она на какой-либо реальный факт. Таковы рассказы об индийцах или жителях островов Индийского океана, занесенных бурей к аравийским берегам, и найденных в восточноафриканских водах обломках гадитанского судна, украшавших его носовую часть.

Любопытна деталь о намерении Эвдокса посеять хлеб во время путешествия на замеченном им плодородном острове. Она перекликается с соответствующей деталью из сообщения Геродота о плавании финикийцев вокруг Африки при фараоне Нехо и указывает на общие источники и одинаковые подробности того и другого сообщения, характерные, видимо, вообще для этого рода литературы. Сомнение в реальности подобных сельскохозяйственных предприятий во время краткого пребывания в чужих экзотических странах уже было высказано. Мы увидим далее, что названия местностей и некоторые детали их описаний связывают сообщения о плавании Эвдокса с другими, более древними сообщениями финикийско-карфагенского происхождения о плаваниях вдоль западных берегов Африки в атлантических водах. К их рассмотрению мы и перейдем.

Плавания по Атлантическому океану к югу от Геракловых столпов

Уже рассказ о путешествии финикийцев при фараоне Нехо предусматривает возможность плавания вдоль атлантического побережья Африки в северном направлении. В этом рассказе плавание по Атлантическому океану рассматривается как возвратный путь в Средиземное море для кораблей, обогнувших ливийский (африканский) материк с востока. Но в действительности открытие западноафриканских вод происходило в противоположном направлении — при плаваниях с севера на юг, совершавшихся финикийскими и карфагенскими торговыми судами.

Суда выходили из Средиземного моря за Геракловы столпы и направлялись к югу за золотом, слоновой костью, рабами и другой добычей. Страны, расположенные к югу от Гибралтарского пролива, представлялись финикийским мореходам сказочными и страшными. Возможно, что они не скупились на всяческие ужасы в своих рассказах об этих плаваниях в надежде нагнать страху на возможных конкурентов — на тех, кто ради быстрого обогащения пожелал бы проделать этот путь с теми же целями, что и они.

Плавание Сатаспа

Один из наиболее древних и, безусловно, один из наименее правдоподобных рассказов о таком плавании передает Геродот, называя его «карфагенским», хотя в самом рассказе нет ничего, что свидетельствовало бы о его карфагенском происхождении. Впрочем, приняв во внимание интерес карфагенян к западноафриканским странам, можно согласиться с данным Геродотом определением этого рассказа.

О плавании Сатаспа сказано следующее (Геродот, V, 43):

«Сатасп, сын Теаспия из рода Ахемена, утраченный продолжительностью плавания и пустынностью страны, не исполнил поручения матери — не объехал вокруг Ливии, с целью чего был отправлен в путь, и вернулся назад. Дело в том, что он изнасиловал девственную дочь Зомира, сына Мегабаза, за какое преступление царь Ксеркс [царствовал в Иране с 486 по 465 год до н. э.] решил было распять его, но мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование, прибавивши, что она сама наложит на него наказание более тяжелое, чем наказание царя, а именно: он будет обязан объехать вокруг Ливии, пока при этом плавании не войдет в Аравийский залив. После того как на этом условии Ксеркс сделал уступку, Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым столпам. Выплывши на другую сторону, он обогнул оконечность Ливии по имени мыс Солоэнт [отождествляется с мысом Кантен] и направился далее на юг. Так, в течение многих месяцев он проплыл значительную часть моря, но, так как предстояло проплыть еще больше пройденного, он повернул обратно и прибыл в Египет.

Оттуда он отправился к царю Ксерксу и сообщил ему, что очень далеко в море им пришлось плыть мимо страны, населенной людьми маленького роста, одевающимися в пальмовое платье. И каждый раз, как только они приближались к берегу, маленькие люди покидали свои города и убегали в горы. Со своей же стороны они, вошедши в их города, никого не обижали, только забирали с собою их скот. А почему не объехали Ливии вокруг, Сатасп объяснил тем, что суд-

но-де не могло идти дальше. Однако Ксеркс не поверил, что тот говорил правду, и велел его, как не выполнившего возложенного на него дела, пригвоздить к столбу, подвергнув его, таким образом, раньше объявленному наказанию».

Рассказ о предприятии Сатаспа, несмотря на чрезвычайную обстоятельность его родословной, звучит отвлеченно и неправдоподобно. Но при отвлеченности и неправдоподобии, заключающихся прежде всего в том, что плавание было предпринято персом и на египетском судне, то есть осуществлено при участии людей, вероятнее всего никогда и не подозревавших о реальной возможности подобных предприятий, рассказ этот содержит географические и этнографические подробности, с которыми нам еще придется столкнуться при рассмотрении гораздо более обстоятельного описания такого же путешествия. Имеется в виду перипл¹⁹ Ганнона, географическое сочинение, составленное от имени карфагенского правителя и мореплавателя, о котором речь пойдет ниже. Пока же этого упоминания будет достаточно для того, чтобы согласиться с утверждением Геродота о карфагенском происхождении рассказа о плавании Сатаспа или по крайней мере положенного в его основу реального материала.

Сам рассказ мог возникнуть и в среде тех ионийских (то есть малоазийских) греков, которые в VI веке до н. э. бороздили воды Западного Средиземноморья, заплывали в испано-финикийский Тартесс (город и одноименная область на юго-западе Пиренейского полуострова), находившийся по ту сторону Геракловых столпов, и не прочь были поживиться богатствами западноафриканских берегов. О реальности их интереса в этой области свидетельствует не только Геродотов рассказ о Сатаспе.

Путешествие Эвтимена

Греческие географы IV века до н. э. ссылались на сочинение массалиота Эвтимена, якобы совершившего плавание вдоль западных берегов Африки, вплоть до реки, в которой води-

лись крокодилы и гиппопотамы. Из этих же глухих ссылок, не позволяющих даже с точностью судить о времени жизни Эвтимена, хотя многие ученые относят его к VI веку до н. э. — ко времени наибольшего расцвета торговли и мореплавания древней Массалии, можно заключить, что Эвтимена интересовал вопрос об истоках Нила. Эта географическая проблема волновала уже древнеегипетских ученых-жрецов, стремившихся выяснить, откуда берет начало их река-кормилица и чем вызываются ее ежегодные разливы. От египтян интерес к истокам Нила передался греческим ученым.

Эвтимен, вероятней всего, никогда и не плывал вдоль берегов Африки, но, как это было принято в тогдашней литературе, придал своему повествованию об истоках Нила для большей убедительности форму перипла, то есть описания плавания в те неведомые страны, где, по его предположению, брала начало великая египетская река. Как мы уже знаем, нахождение истоков Нила подозревали в отдаленных местах, но именно там, где встречали крокодилов. На основании этого признака делались очень смелые географические выводы, соответственно которым истоки Нила следовало искать даже в Индии.

Допускают, что описание Эвтимена содержало, быть может, наименования некоторых пунктов на африканском побережье, известных также и из перипла Ганнона. В этом не было бы ничего удивительного. Упоминает же Геродот в описании плавания Сатаспа и еще в другом месте ливийский мыс Солоэнт, находящийся за Геракловыми столпами, куда в его время греческим торговцам не приходилось плавать. Знает он также и некоторые другие пункты западного берега Африки и проживающие там племена пигмеев, хотя при этом и не говорит ничего о плавании Ганнона. Эти сведения стали ему известны, вероятнее всего, не непосредственно от мореплавателей, а из каких-либо греческих географических сочинений (может быть, не только из сочинений Эвтимена), хотя он не упоминает ни разу имен авторов, из книг которых заимствует различные мнения об истоках Нила и о происхождении его разливов. Одно из этих мнений сводится к тому, что Нил вытекает из океана. Может быть, оно было заимствовано Геродотом из сочинения Эвтимена, пусть хоть и не непо-

средственно, а через Гекатея, «Землеописанием» которого он, несомненно, пользовался. Конечно, это все лишь догадки, но они более или менее вероятны.

Гораздо менее обоснованы предположения некоторых современных ученых, допускающих, что Эвтимен действительно плывал по Атлантическому океану и достиг устья Сенегала, приняв его за истоки Нила. Невероятным это представляется не только потому, что в силу политических обстоятельств того времени нелегко представить себе греческий корабль плавающим вдоль западных берегов Африки в карфагено-финикийских водах. Такое представление кажется маловероятным, в особенности оттого, что все сообщения о ливийском западе и о его атлантическом побережье, предшествующие по времени периплу Ганнона, не содержат в себе следов сколько-нибудь серьезных наблюдений, а представляют собой домыслы, основанные на рассказах людей, может быть там и действительно побывавших, но не ставивших своей целью научные наблюдения. Человек, побывавший у устья Сенегала, кто бы ни был, если он имел в виду хотя бы самые элементарные географические исследования, вряд ли стал бы утверждать, что вода в океане пресная, что река Сенегал течет на восток, а не на запад, что разливы Нила вызываются пассатными ветрами, дующими в Атлантике, и т. п. Однако именно это делали, по-видимому, Эвтимен и другие древнейшие греческие ученые, полагавшие, что Нил вытекает из океана.

Скорее следует предположить, что точка зрения Эвтимена представляет собой отвлеченную псевдоученую комбинацию из рассказов египетских жрецов о том, что Нил течет с запада, и рассказов карфагенских мореплавателей о том, что на западе Ливии имеется река, в которой водятся крокодилы и гиппопотамы. Геродоту это, видимо, было ясно, он категорически отвергает версию об истечении Нила из океана, как и самое существование пресноводной реки Океана, придуманной, по его мнению, древними поэтами.

Он отвергает также и предположение о разливах Нила вследствие действия пассатных ветров на океане или на Средиземном море. Но его собственные объяснения еще менее рациональны, чем те, которые он отбрасывает. Мы их при-

ведем, для того чтобы читатель мог судить об уровне знаний в области космографии и естествознания, которыми располагал Геродот.

«(II, 23) Кто говорит об Океане, тот впутывает в объяснение неизвестные предметы, и потому мнение его не подлежит даже и обсуждению. Я не знаю о существовании какой-либо реки Океан, мне кажется, что Гомер или другой какой-нибудь из древних поэтов выдумал это имя и ввел его в поэзию.

(24) Если, отвергая прежние мнения, необходимо высказаться самому о предмете темном, то я сообщу свое предположение о том, почему летом Нил разливается. В зимнюю пору солнце оттесняется бурями от своего обычного пути и проходит через Верхнюю Ливию [южную часть Африки]. Этим в кратких словах все сказано. Если только это божество Солнце находится очень близко к какой-нибудь стране и проходит прямо над нею, то естественно, что такая страна испытывает сильнейшую жажду и тамошние реки высыхают.

(25) Говоря более подробно, дело состоит в следующем. Проходя по Верхней Ливии, Солнце производит такое действие: так как в стране этой воздух всегда ясен, земля нагрета и нет ветров, то во время своего прохождения Солнце действует как в летнюю пору, когда находится на середине неба, а именно: оно притягивает к себе воду, а притянувши, снова отталкивает ее в верхние земли, ветры подхватывают воду, рассеивают ее, и пары снова превращают в жидкость. Вот почему дующие из этих стран ветры, южный и юго-западный, дождливы более всех прочих ветров. Однако мне кажется, что Солнце отпускает не всю ту воду, которую притягивает ежегодно из Нила; часть ее оно удерживает при себе. Когда зимние холода уменьшаются, Солнце опять возвращается на середину неба и с того времени тянет к себе воду одинаково из всех рек. До этой поры реки имеют высокую воду, потому что к ней в изобилии примешивается вода дождевая, когда землю орошают дожди и изрывают потоки; наоборот, летом, когда реки не получают от дождей, а Солнце притягивает к себе воду, они мелеют. Между тем Нил, вовсе не получающий дождевой воды, но притягиваемый Солнцем, как единственный из всех рек, должен быть в зимнюю пору гораздо

беднее водою, чем в летнюю. Ибо летом Нил притягивается Солнцем наравне с другими реками, а зимой Солнце пьет воду только из него одного. Таким образом, источником этих явлений я считаю Солнце».

Плавание Ганнона

Мы бы, вероятно, не знали почти ничего о карфагенском мореходстве вдоль Западной Африки, если бы не сохранилось описание одного из таких плаваний, предпринятого, должно быть, еще в V веке до н. э. Сохранилось, правда, не само описание, а его греческий перевод, сделанный, может быть, значительно позже, чем произошло это плавание, но, во всяком случае, не позже того времени, когда жил греческий историк Полибий (201—120 до н. э.), читавший текст в связи со своим собственным путешествием вдоль западных берегов Африки, о котором, к сожалению, подлинного отчета не уцелело.

Греческий текст называет Ганнона карфагенским царем — это соответствует наименованию той высшей правительственной должности, которая в Карфагене была выборной и исполнители которой назывались суфетами. Ганнон предпринял свое плавание по постановлению карфагенского сената или народного собрания, для того чтобы основать (в действительности же, вероятно, лишь возобновить и пополнить новыми колонистами) ливифиникийские города на западноафриканском побережье.

Ливифиникийцами карфагеняне называли смешанное население тех пунктов, которые были основаны финикийскими торговцами. Отчет о своем плавании, высеченный в виде надписи на каменной плите, Ганнон поставил в качестве посвящения божеству в храме Кроноса (который соответствует карфагенскому богу-родоначальнику Баал Хаману). Достоверность этого вряд ли может быть подвергнута сомнению. Это, видимо, было в обычае карфагенян, так как позже подобным же образом поступил знаменитый карфагенский полководец Ганнибал, поставивший в храме Геры

в южноиталийском городе Кротоне надпись на камне с отчетом о своих военных успехах.

Прежде чем высказать какие-либо соображения о географических и этнографических подробностях отчета Ганнона, приведем его текст:

«Ганнона, царя карфагенян, описание обплыва ливийских земель, находящихся за пределами Геракловых столпов, посвященное в храме Кроноса и гласящее так: (1) Карфагеняне решили, чтобы Ганнон отправился в плавание за Геракловы столпы и основал города ливифиникийцев. И он отплыл, имея шестьдесят пятидесятивесельных кораблей, множество мужчин и женщин, числом до 30 000²⁰, пропитание и прочее снаряжение. (2) Отчалив и выплыв за Столпы, мы плыли два дня и потом основали первый город, который назвали Тимиатерием [где-либо близ современной Мехдии]. При нем была большая равнина.

(3) Затем, направившись к западу, мы прибыли к Солоэнту, ливийскому мысу, покрытому густым лесом.

(4) Здесь, основав святилище Посейдона, снова двинулись на восток на полдня пути, пока не пришли к озеру, расположенному недалеко от моря, заросшему многочисленным и густым тростником. Были тут и слоны, и многие другие пасущиеся животные. (5) Мы поплыли вдоль озера на день пути и населили приморские города, именуемые Кариконтейхос [буквально — крепость кариков], Гитта, Акра, Мелитта и Арембис [все эти пункты располагались где-то близ мыса Гир]. (6) Отплыв отсюда, мы прибыли к большой реке Ликсу, текущей из Ливии. Близ нее номады ликситы [то есть жившие по берегам Ликса] пасли стада; у них мы провели некоторое время, ставши их друзьями. (7) Далее них жили негостеприимные эфиопы, населяющие землю, обильную зверями и перерезанную большими горами, из которых, как говорят, вытекает Ликс. У гор живут люди чудного вида — троглодиты; ликситы уверяют, что они бегают быстрее лошадей.

(8) Взяв у ликситов проводников, мы поплыли вдоль пустыни на два дня к югу, а затем на один день к востоку. Там нашли мы в глубине залива небольшой остров пяти стадий в окружности; мы его заселили и назвали Керна²¹. Мы заключили по нашему плаванью, что он лежит соответствен-

но Карфагену: путь от Карфагена до Столпов равняется пути от них до Керны. (9) Оттуда, проплыв по большой реке, называемой Херет²², мы прибыли в озеро. На этом озере было три острова, больших, чем Керна. Отплыв от них на один день пути, мы прибыли к концу озера, над которым возвышались громадные горы с множеством диких людей, одетых в звериные шкуры, которые, бросаясь камнями, препятствовали нашей высадке.

(10) Плывая оттуда, мы прибыли в другую реку, большую и широкую, со множеством крокодилов и гиппопотамов [отождествляется с рекой Сенегал]. Возвратившись оттуда, мы снова прибыли в Керну. (11) Отсюда мы плыли к югу двенадцать дней вдоль земли, населенной эфиопами²³, убежавшими, не дожидаясь нашего приближения. Язык их был непонятен и для бывших с нами ликситов. (12) В последний из этих дней мы прибыли к большим лесистым горам. Стволы деревьев были разнообразны по окраске и душисты. (13) Проплыв мимо них два дня, мы очутились в огромном морском заливе, на другой стороне которого была равнина. Там мы заметили ночью по всем направлениям огни, сверкавшие то ярче, то слабее.

(14) Запасшись водой, мы плыли далее пять дней вдоль берега, пока не прибыли в большой залив, который, по словам переводчика, называется Западным рогом [быть может, залив, образуемый устьем реки Гамбия]. В нем есть большой остров, а на острове озеро с морской водой, на котором другой остров. Причаливши там днем, мы не видели ничего, кроме леса, ночью же — много пылающих огней; мы слышали звуки флейт, кимвалов и тимпанов и громкие крики. Тут нас охватил страх, и прорицатели велели покинуть остров. (15) Поспешно отплыв оттуда, мы прошли мимо знойной и полной благовоний страны, из которой в море изливались огненные потоки. Земля была недоступна вследствие жара.

(16) Охваченные страхом, мы быстро уплыли оттуда. Проплыв четыре дня, ночью мы увидели землю, охваченную пламенем. Посредине находился очень высокий и больший, чем остальные, огонь — казалось, что он касается звезд. Днем это оказалось высочайшей горой, называемой Теон охе-ма [“Колесница богов”, отождествляется с горой Лома].

(17) Через три дня, проплыв мимо огненных потоков, мы прибыли в залив, именуемый Ноту керас [отождествляется с заливом у острова Шербро]. (18) В глубине его был остров, похожий на прежний, ибо на нем было озеро, на котором был другой остров с множеством диких людей. Более многочисленны были женщины; тела их были покрыты шерстью, и переводчики их называли гориллами. Мы преследовали мужчин, но не могли их поймать — они все убежали, ловко цепляясь за скалы и защищаясь камнями. Трех женщин мы захватили, но они, царапая и кусая тех, кто их ташил, не пожелали за нами следовать. Убив их, мы содрали с них шкуры и привезли их в Карфаген. Дальше же мы не поплыли, так как у нас не хватило припасов»²⁴.

Не приходится сомневаться в том, что описание Ганнона составлено по материалам плавания, имевшего место в действительности, хотя, может быть, и не на всем протяжении описываемого им маршрута. При чтении перипла сразу бросается в глаза разница в характеристике африканского побережья до острова Керна и после него. Первая часть маршрута представляет собой весьма реалистическое и, в общем, без особого труда поддающееся нанесению на современную карту географическое описание, тогда как вторая часть наполнена подробностями, с большим трудом находящими себе реальное объяснение, и содержит весьма туманные и неопределенные данные для увязки ее с современной картой западных берегов Африки. Следует думать поэтому, что описание Ганнонова плавания от острова Керна до горы под названием Теон охема основывается не на каком-либо индивидуальном впечатлении, а на рассказах и баснях, передававшихся из поколения в поколение финикийскими и карфагенскими моряками, где-то, вероятно, зафиксированных уже и до Ганнона, поскольку кое-что из этого материала известно Геродоту.

В историко-географической литературе было предпринято немало попыток отождествления упомянутых в описании Ганнона географических наименований и объектов с реальной географией Африки. И хотя сделанные выводы различаются, нетрудно заметить, что различия не столь уж велики и существенны, пока речь идет об отрезке маршрута между

Гибралтарским проливом и островом Керна, который обычно помешают где-либо на широте Канарских островов, тогда как Колесницу богов ищут на пространстве от Сьерра-Леоне до реки Нигер.

Археологические находки на марокканском побережье дают общую дату для карфагенских плаваний в этих водах и для основания карфагенянами там своих колоний: обломки карфагенской глиняной посуды, находимые в разных пунктах западноафриканского побережья — у устья реки Уэд-Дра, на острове Герна, в Могодоре и других местах, — не древнее VI века до н. э. Тем самым косвенным образом подтверждается и дата Ганнонова перипла. Подтверждается этим и реальный диапазон плавания Ганнона, поскольку соответствующий археологический материал не встречается к востоку от мыса Сент-Поль.

Было предпринято немало попыток рационального объяснения всех удивительных явлений природы, якобы наблюдавшихся Ганноном: огненные потоки, пылающая земля, огнедышащие, достигающие неба горы, необычайные существа — не то обезьяны, не то люди. Нет сомнения, что все эти устрашающие зрелища имеют в основном какие-то реальные явления: степные пожары, извержения вулканов с потоками огненной лавы и т. п. Но разумеется, при недостаточной конкретности и нарочитой сказочности в описаниях у Ганнона трудно настаивать на чем-либо определенном. Такого же характера и некоторые этнографические подробности, содержащиеся у Ганнона: троглодиты, бегающие быстрее лошадей, страшные люди в звериных шкурах, швыряющие камни и напоминающие описанием сказочных гомеровских разбойников-лестригонов или весьма им подобных гигантов-гегенов, встреченных на пути аргонавтами около города Кизика в Малой Азии.

Ганноновых троглодитов знает также и Геродот под именем живущих в пещерах эфиопов, отличающихся очень быстрым бегом. В дополнение к тем чудесам, о которых сообщает Ганнон, Геродот рассказывает о собакоголовых людях и о людях безголовых, с глазами, расположенными на груди, живущих, по рассказам северных ливийцев, в юго-западной части Африки. Знает он, быть может, и под именем

Киравны остров Керна, на котором имеется озеро, откуда местные девушки добывают золотой песок с помощью вымазанных смолой перьев. Однако Геродот помещает этот остров скорее у северного, чем у западного берега Африки. Но в данном случае гораздо важнее достаточно неопределенной локализации известное сходство наименований и несомненная реальность этнографических наблюдений, помогающих отчасти конкретизировать интерес карфагенян к этому острову и образ жизни его обитателей.

Геродот (IV, 195): «Подле гизантов²⁵, как сообщают карфагеняне, лежит остров Киравна, узкий, но в длину имеющий 200 стадий, легко достижимый с материка; он изобилует оливковым деревом и виноградной лозой. На острове есть озеро, из ила которого туземные девушки добывают золотой песок с помощью птичьих перьев, вымазанных смолой. Верно ли это, не знаю, сообщаю, что слышал...»

Это сообщение Геродота кое в чем существенно дополняет данные Ганнонова перипла и конкретизирует торговые интересы карфагенян на западе Африки. В особенности же интересно и красочно сообщение Геродота о «немой» торговле, которую вели карфагенские купцы с западноафриканскими жителями.

«Карфагеняне рассказывают еще следующее: есть в Ливии страна и народ по ту сторону Геракловых столпов; приходя к ним для торговли, карфагеняне выгружают товары с кораблей, раскладывают их рядом на морском берегу, потом возвращаются на свои суда и разводят дым. Заметивши дым, туземцы приходят к морю, за товары оставляют золото и удаляются обратно. Карфагеняне выходят на сушу и рассматривают, достаточно ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забирают и уплывают; если же недостаточно, то снова садятся на корабли и там выжидают, туземцы же появляются снова и прибавляют золота столько, чтобы удовлетворить карфагенян. По словам карфагенян, никогда одна сторона не обижает другую, карфагеняне никогда не прикасаются к золоту, прежде чем по стоимости оно не сравняется с товаром. Точно так же туземцы уносят с собой товары только тогда, когда золото взято карфагенянами» (IV, 196).

Сообщаемые Геродотом сведения, касающиеся Западной Африки, показывают, что в его распоряжении были какие-то описания, отчасти подобные Ганноновым и основанные, как он это указывает прямо, на сообщениях карфагенян. Скорее всего, можно думать, что речь идет о сочинении, идентичном или подобном сочинению Эвтимена.

Выше уже говорилось, что греки, быть может, еще в IV веке до н. э. познакомились с периплом Ганнона или с аналогичными ему описаниями. Аристотель, во всяком случае, знает африканскую реку Херет (под именем Хремет), близ которой расположилась наиболее удаленная к югу карфагенская колония на острове Керна. Упоминалось и о том, что описанием Ганнона, по всей вероятности, воспользовался известный греческий историк Полибий, посетивший Северную Африку в середине II века до н. э. в составе свиты римского полководца Сципиона Эмилиана в его победоносном походе против Карфагена. Вероятно, уже по окончании кампании Полибий предпринял на предоставленных ему Сципионом кораблях плавание вдоль западного побережья Африки с целью его изучения, как сообщает об этом римский географ и естествоиспытатель Плиний Старший в книге V своей «Естественной истории».

Плавание Полибия

Плиний, «Естественная история» (V, 1, 8): «Во время командования Сципиона Эмилиана в Африке²⁶ составитель анналов Полибий получил от него флот, с которым совершил плавание с целью изучения этой страны. Он сообщает, что на пути от Атласа к западу встречаются леса, населенные большим количеством животных, обычных для Африки, вплоть до реки Анатис [отождествляется с рекой, именуемой ныне Уэд-Умм-эр-Рбия], на пространстве 485 миль. От этой реки до Ликса 205 миль. Там залив, называемый Сагути [у современного Аземмура]. На мысу расположен город Мулелаха [Старая Мансара], реки Субур [отождествляется по созвучию наименования с современной рекой Уэд-Себу] и Сала [пред-

положительно незначительная речка Уэд-Бураграг], гавань Рутубис [у современного города Мазаган] в 213 милях от Ликса. Оттуда Мыс Солнца [предположительно мыс Кантен — Солоэнт греческих источников], гавань Ризардир [отождествляется по созвучию наименований с современным портом Агадир], племя гетулы аутололы, река Козенум [предположительно Уэд-Акасса], племена скелатиты и мазаты, река Мараггат [предположительно Уэд-Хибика], река Дарат [отождествляется с бухтой Рио-де-Оро], в которой водятся крокодилы. Затем следует залив в 616 миль, закрываемый мысом, называемым Сурранциум [современный мыс Барбас], выступающим к западу с горой Баркой. Далее река Сальсус [Рио-Сен-Жан], за которой эфиопы перорсы, а сзади них фарусии, гетулы дары, соседящие с ними в глубине страны. На берегу эфиопы даратиты²⁷, река Бамботус [отождествляется с рекой Сенегал], с множеством крокодилов и гиппопотамов, далее длинные цепи гор, продолжающиеся вплоть до той горы, которую мы называем Теон охема. Оттуда до Западного мыса [быть может, мыс Сьерра-Леоне] [Полибий] полагает десять дней и десять ночей плавания».

Судя по весьма лаконичному сообщению Плиния, плавание Полибия было совершено по маршруту Ганнона. Плиний приводит некоторые наименования, известные нам уже из перипла Ганнона: река Ликс, гора Теон охема. Однако все прочие наименования мест, рек и племен, позволяющие утверждать, что Полибий в своем плавлении достиг реки Сенегала, звучат у Плиния в его изложении Полибиева сообщения о проделанном им пути совершенно иначе, чем у Ганнона. Плиний высказывает известное недоверие по отношению к сообщениям Ганнона и утверждает, что от основанных им поселений во времена Полибия не осталось и следа. Краткость пересказа Полибиева отчета у Плиния не позволяет сопоставить топографически описания берегов Западной Африки у Ганнона и Полибия. Такое сопоставление тем более затруднительно, что Ганнон указывает расстояния между названными им пунктами в днях плавания, а у Плиния расстояния между некоторыми из указанных Полибием пунктов исчислены в римских милях. Плиний опускает к тому же все географические и этнографические характе-

ристики, содержащиеся, вероятно, в отчете Полибия, за исключением того только, что в реке Бамботусе живет очень много крокодилов и гиппопотамов, на основании чего эта река может быть сопоставлена с безымянной рекой у Ганнона, отождествляемой с современным Сенегалом.

Плиний пишет, что плавание Полибия было исследовательским предприятием. На этом основании современные ученые связывают с путешествием Полибия одно отрывочное сообщение, известное из найденной в Геркулануме греческой надписи II века до н. э. В этой надписи упоминается об участии стоического философа Панаития, как и Полибий являвшегося другом Сципиона, в научном путешествии, предпринятом на семи кораблях «после того, как он был на войне». Однако, к сожалению, никаких данных, кроме краткого пересказа Плиния, которые позволили бы судить о познавательном значении плавания Полибия, нет. Во всяком случае, оно мало что прибавило к географии и этнографии Западной Африки, несмотря на то что Полибий был одним из наиболее выдающихся ученых своего времени, отличался большой эрудицией и наблюдательностью. Следует думать поэтому, что в плавании своем он был лишен возможностей для выполнения серьезных научных задач — потому, может быть, что оно было предпринято из каких-либо более практических соображений. Вероятно, Сципион был не прочь поживиться тем золотом, о котором много говорилось в старинных карфагенских и греческих рассказах о Западной Африке, и ради этого он послал свои корабли по пути Ганнона.

Финикийские плавания на «Острова блаженных»

Для того чтобы закончить рассмотрение данных о древнейших плаваниях к югу от Геракловых столпов, нам остается сказать еще несколько слов о так называемых «Островах блаженных», расположенных к западу от Африки в океане.

Древние писатели, и среди них в первую очередь Диодор Сицилийский (I век до н. э.), сообщают о них некоторые

подробности, ссылаясь на рассказы финикийцев. Эти описания, содержащие восхваление климата лежащего в океане острова (или нескольких островов), растущих на них в изобилии плодов и их животного мира, заставляют вспомнить поэтические характеристики «Островов блаженных» у Гомера и Гесиода, которые ведут речь о заведомо потусторонней стране, населенной умершими (или бессмертными) героями. Однако если у Гомера описание «Островов блаженных» связано лишь с отвлеченными, чисто мифическими представлениями²⁸, то более поздние описания приобретают черты известной географической конкретности, хотя бы в определении их местоположения, позволяющем отождествить эти острова с островом Мадейра и Канарскими островами.

Вот описание «Островов блаженных» в биографии римского полководца Сертория у Плутарха (гл. 9): «Два разделенные проливом острова удалены на сто тысяч стадий от Испании, они называются Островами блаженных. Редко выпадает там весьма умеренный дождь. Частые, мягкие, приносящие влагу ветры заменяют их и не только делают почву пригодной для посевов и посадок, но и производят дикорастущие богатые и вкусные плоды, которыми жители без труда и каких-либо усилий питаются в достаточной степени. Здоровый воздух, при едва заметных сменах времен года, порождается всегда умеренными температурами, так как дующие из большого отдаления северные и северо-восточные ветры теряют свою силу в неизмеримых промежуточных пространствах, а западные ветры приносят с моря или производящие дождь облака, или освежают их влагой, так что варвары пришли к убеждению, что здесь-то и находятся Елисейские поля и еще Гомером воспетое местопребывание блаженных».

К этому могут быть прибавлены любопытные штрихи, сообщаемые Псевдо-Аристотелем в сочинении «О чудесных слухах» и имеющие в виду, очевидно, остров Мадейра: «Говорят, что за Геракловыми столпами в море карфагенянами был открыт остров, богатый лесами, судоходными реками и плодами в изобилии. Он отстоит от материка на несколько дней пути. После того как карфагеняне стали часто его посещать и некоторое их число, вследствие его плодородия, вовсе туда переселилось, карфагенские суфеты запретили под страхом

смерти плавать на этот остров и истребили его население, для того чтобы слава о нем не распространялась и чтобы народ не устроил против них заговора в стремлении захватить остров под свою власть и лишить Карфаген благополучия».

Собственно, эти черты конкретности появляются уже в гомеровском эпосе, правда применительно не к «Островам блаженных», а к острову Сирия, родине мифического героя Эвмея, расположенному в Западном океане и также являющемуся «блаженной землей». Наименование этого острова — Сирия — не может не быть сопоставлено с наименованием страны Сирии на востоке Средиземного моря, откуда приплывали финикийские корабли, направлявшиеся в Тартесс, за Геракловы столпы. Да и само название «Острова блаженных» (по-гречески «Μακαρον νησοι») может быть рассматриваемо как переделка и приспособление для греческого уха финикийского наименования «Мелькартовы острова», то есть острова сирийского божества Мелькарта, главного бога финикийского города Тира, отождествлявшегося с греческим Гераклом. На дальнем западе, и именно в Атлантическом океане, древнейшие сказания, нашедшие выражение в эпической поэзии, помещали также сад Гесперид, с его золотыми яблоками. В этих плодах можно усматривать отражение реальных известий о невиданных золотых плодах, произрастающих на берегах и островах Западного океана.

Финикийцы и карфагеняне, плававшие вдоль западного побережья Африки, не могли не знать о существовании Мадейры и Канарских островов, так как последние бывают видны из прибрежных африканских вод (пик Тейде на острове Тенерифе в группе Канарских островов виден на расстоянии 180 километров).

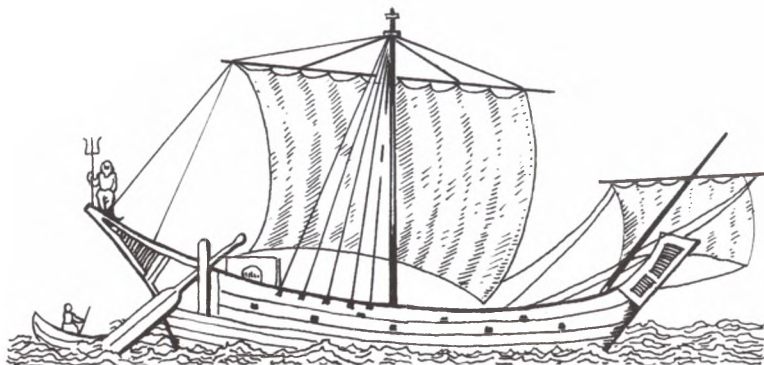
О том, что карфагеняне посещали Мадейру и Канарские острова и вели там торговлю, свидетельствуют археологические находки древних монет и обломков греческой и карфагенской керамики.

В древних сообщениях не один раз повторяется рассказ о том, что карфагенское правительство запрещало не только иноземцам, но и своим жителям посещать «Острова блаженных» из боязни, что, прельщенные их климатическими условиями, богатством и легкостью тамошней жизни, люди,

однажды туда попавшие, не захотят более возвращаться на родину. Эта легенда (даже если в основе ее и лежат какие-либо известия о реальных запретах, вызванных причинами религиозного или торгово-протекционистского порядка) связана с весьма распространенным в древности представлением об особых условиях жизни во всякого рода «блаженных», «счастливых» и т. п. странах и островах, расположенных в океане, где люди равно подчиняются законам и нет социального неравенства, рабства, войн, несправедливого суда и т. д.

К этой весьма интересной теме, отчасти опять-таки связанной с реальными данными о заокеанских странах, нам еще предстоит вернуться, после того как будет рассмотрен последний цикл древнейших океанских плаваний — по Северной Атлантике и Северному океану. Под Северным океаном в древности понимали Северное и Балтийское моря, а иногда также и Каспийское море (многие древние географы считали его заливом Северного или Амальхийского океана).

Плавания по Атлантическому океану к северу от Геракловых столпов

Связи Средиземноморья со странами северо-запада Европы, лежащими у Атлантического океана, относятся, несомненно, еще к эпохе бронзы. Однако для подтверждения этих связей в столь древнее время имеются лишь косвенные свидетельства. Кроме того, в точности не известно, какими путями эти связи осуществлялись: вероятнее всего, не по океанскому побережью, а посредством перевалочного судоходства по рекам средиземноморского бассейна и бассейна Северной Атлантики. Отзвуком этих материковых связей служат представления, нашедшие место в легендах о плавании аргонатов по рекам, имеющим устья, согласно представлениям древних, и в Средиземном и в Северном море, — такой рекой считалась, например, река Эридан (По), северное устье которой отождествлялось с Рейном.

По реке Эридану (то есть, может быть, именно по Рейну и По) привозился в Средиземноморье балтийский янтарь, и поэма Аполлония Родосского «О походе аргонатов», написанная в III веке до н. э., сохранила любопытные предания о плаваниях по этим материковым водным путям, представленных в поэме в виде мифического океанского плавания:

- (IV, 627) Выплыв оттуда, вступили реки они в русло Родана²⁹,
 Чьи глубочайшие воды когда в Эридан³⁰ попадают,
 То подымаются кверху и громко шумят при смешеньи.
- 630 Проистекает река эта области самой из крайней,
 Там ли, где ночи ворота и трон, и оттуда стремится
 Руслом одним к Океана далекому берегу, к морю
 Руслом другим Ионийскому и к Сардонийскому³¹ — третьим,
 В чей беспредельный залив ниспадает семью рукавами.
- 635 Плыли оттуда по морю они беспокойному кельтов
 Вдоль берегов бесконечных. Беда с ними там приключилась
 Злая: поток их увлек далеко к Океана заливу;
 Не понимали они, заплывая туда, что ведь нету
 Им ни пути из него, ни спасения больше, но Гера
- 640 Им кричала с вершины Геркинской³², спустившись с неба,
 Грозно так вдруг зазвучал этот окрик в эфире. С испугом
 Все они вняли ему и тотчас же назад повернули
 По повеленью богини. И вот лишь тогда-то узнали
 О предначертанной им возвращенья дороге. И после
- 645 Долгих скитаний и по указанию Геры достигли
 Моря они берегов и затем продвигались незримо
 Между племен без числа они кельтов и лигиев³³ — скрыла
 Их в беспросветном тумане на плаванье это богиня.

Поэма сохранила и миф, соответственно которому янтарь — это слезы нимф — Гелиад (дочерей бога солнца — Гелия), оплакивающих брата Фазфонта, Гелием сброшенного с солнечной колесницы, или слезы юноши Аполлона, наказанного его отцом Зевсом.

- (IV, 596) Мчалось под парусом судно, их в глубь унося Эридана,
 Некогда Гелия там огнепламенной в грудь пораженный
 Молнией, полусожженный упал Фазфонт с колесницы
 В устья речного глубины. Оттуда поныне тяжелый
- 660 Дух подымается вверх от его огнедышашей раны.
 Птица на крыльях легких над этой промчатся водою
 Даже не может, пути посредине, сожженная жаром,
 Падает, а с тополей высочайших стволов Гелиады
 Все там стенают и слезы, с глубокою скорбью, роняют.
- 605 Из опечаленных глаз их прозрачными каплями долу
 Светлый янтарь нистекает все время на землю, и там-то
 Капли те пересыхают на почве песчаной при солнце.
 Волны на темном когда же, стремясь, разбиваются море

С силой о берег, под ветра звучащим широко разлетом,
 640 В реку при этом их все Эридан загоняет течением
 Кругообразным. Молва сохраняется промежду кельтов,
 Будто бы слезы из глаз это сына Лето — Аполлона.
 В водовороты упавшие. Он же их множество пролил,
 Рода когда объявился для гипербореев священных,
 615 Светлое небо покинув свое, по отцовскому слову.

Олово и свинец также поступали в Средиземноморье из северо-западных стран. Геродот упоминает о неких Касситеридских (то есть «оловянных») островах, расположенных где-то в Атлантическом океане, о которых он, впрочем, ничего достоверно не знает.

Древнейшими мореходами, проникшими ради приобретения серебра, олова и свинца за пределы Средиземного моря, были финикийцы из Тира, основавшие еще в конце II тысячелетия до н. э. торговый город Гадес (или Гадейр). Он находился близ современного Кадиса в Испании и использовался финикийцами для торговли с Тартессом — центром одноименной области, славившейся своими серебряными рудниками, расположенными при устье реки Гвадалквивир. Древнейшие упоминания об этой тартесско-финикийской торговле, относящейся примерно к VIII—VII векам до н. э., содержит Библия.

Плавание Гимилькона

К несколько более позднему времени (а по утверждению Плиния Старшего, не известно, однако, на чем основанному, — ко времени путешествия Ганнона) относятся сообщения о плавании карфагенянина Гимилькона вдоль западных берегов Иберии (Испании) и на север, вдоль побережья Кельтики (Франции) до Эстримнидских островов, которые должны соответствовать Касситеридским островам греческих писателей.

Добычей олова в древности, по свидетельству Юлия Цезаря и преимущественно на него опиравшегося Страбона, который написал свою «Географию» в начале I века н. э. славил

лась область Корунны на юге Англии (позднейший Корнуэлл). Многие современные ученые на основании этого полагают, что Гимилькон достиг в своем плавании берегов Англии. К сожалению, судить об этом серьезно совершенно невозможно ввиду того, что от Гимилькона до нас дошло не описание, подобное периплу Ганнона, а лишь краткие, достаточно неопределенные и почти лишенные подробностей сообщения Плиния Старшего да столь же краткий и малоконкретный поэтический пересказ в географической поэме IV века н. э. «Морские побережья» латинского писателя Руфа Феста Авиена. Некоторые скудные подробности рассказа о плавании Гимилькона могут быть почерпнуты именно из этого сочинения:

«(80) Широко раскинувшись, лежит земной круг, и вода омывает тот круг со всех сторон. Но там, где волны глубоких вод, изливаясь из Океана, изгибаются заливом, чтобы затем раскинулась пучина нашего [Средиземного] моря, тут начинается атлантическое побережье. (85) Тут есть город Гадейр, он прежде назывался Тартессом, тут колонна Геркулеса, неутомимого в трудах, Абила [гористый мыс Мавретании, один из отрогов Малого Атласа] с Кальпой [древнее название Гибралтарской скалы, вместе с мысом Абила на африканском берегу Гибралтарского пролива образовывавшей Геракловы столпы], последняя на левой стороне, на той земле, о которой я веду рассказ, а по соседству с Ливией Абила. Шумит вокруг них могучий северный ветер, они же стоят незыблемо.

(90) Выдаваясь вперед, высокий горный кряж подымает здесь к небу свою главу — Эстримнидой³⁴ называлась она в более древние времена. Вздываясь вверх, вся громада каменных вершин обращена преимущественно к югу, к дыханию теплого [ветра] Нота. Внизу же у этих гор, у самого их подножия, где выступает мыс, (95) перед глазами жителей широко открывается Эстримнидский [Бискайский] залив. В нем лежат те острова, которые называются Эстримнидами: широко раскинувшись, они богаты металлами — свинцом и оловом. Здесь живет много гордого духом народа, настойчивого и ловкого. (100) Им всем прирождена любовь к торговле. На шитых своих судах они далеко бороздят и бурное море, и океанские бездны, полные чудищ.

Не из соснового [дерева] строят они корабли, не из клена и не из ели, как обычно, (105) сгибают они кили своих челнов, но чудесным образом они делают корабли из сшитых шкур, и часто на таких судах из крепкой кожи переплывают они широкие моря. Оттуда до острова Священного³⁵ — такое название придали ему древние — лежит двухдневный путь для кораблей.

(110) Среди вод он подымается широкой поверхностью, и на большом пространстве живет и трудится на нем племя гиернов. Поблизости от него лежит остров племени альбионов [Британия, или Англия]. Было привычно для жителей Тартесса вести торговлю в Эстримнидских пределах. Но и поселенцы Карфагена, (115) и народ, живший у Геркулесовых столпов, не раз плавали по этим морям. Пуниец Гимилькон, сообщающий, что он сам испытал все это на деле, с трудом доплыв сюда, говорит, что проделать этот путь возможно лишь за четыре месяца.

(120) Там нет движений ветра, чтобы подгонять корабль, ленивая поверхность тихих вод стоит неподвижно. К этому добавляется еще и то, что среди пучин там растет много водорослей, и не раз, точно лесные заросли, они препятствуют движению судов. (125) К тому же, по его словам, и дно морское здесь не очень глубоко, и мелкая вода едва только прикрывает землю. Нередко встречаются там стаи морских зверей, и между медленно и с задержками движущихся кораблей ныряют морские чудовища...

По старинному обычаю его называют Океаном, но иначе он называется Атлантическим морем. Его пучины ширятся на огромное пространство (405) и далеко разливаются в беспредельном очертании берегов. По большей части вода его настолько мелка, что едва покрывает лежащие под ней пески. Над поверхностью воды поднимаются густые водоросли, и ил препятствует здесь течению. Огромное количество чудищ плавает в этом море, и от морских зверей великий страх обьемлет соседние земли. В древности пуниец Гимилькон рассказывал, что сам видел их на волнах Океана и сам испытал на себе [эти страхи]. Все эти подробности, переданные с древнейших времен пуническими летописями (415) через дальние века, в свою очередь я передаю теперь тебе»³⁶.

Итак, мы узнаем из этого описания, что путешествие Гимилькона продолжалось четыре месяца и было связано с очень большими препятствиями, мешавшими движению корабля.

Упомянутые среди препятствий заросли водорослей позволили некоторым современным комментаторам этого текста думать, что Гимилькон был отнесен далеко к западу и попал в так называемое Саргассово море, заполненное плавающими водорослями, встречи с которыми очень боялись плававшие уже в Новое время через Атлантический океан мореплаватели.

Быть может, однако, в подобных толкованиях текста Авиена больше проницательности, чем в данном случае требуется. Мы уже знаем, что описания путешествий вдоль западных берегов Африки, в частности рассказы о плаваниях Сатаспа и Эвдокса, также содержат указания на какие-то препятствия, не позволяющие судам плыть дальше. Видимо, эти устрашающие препоны фигурировали в финикийских и греческих сообщениях об экзотических плаваниях, отчасти романтики ради, а главным образом для отпугивания возможных конкурентов.

Подобного рода устрашения применительно к океанским путешествиям в особенности свойственны эпической поэзии. Поэт Пиндар (V век до н. э.) даже характеризует плавание за Геракловыми столпами как нечто реально невыполнимое.

Можно допустить, что в основе тех рассказов Авиена, какие сообщают о помехах в плавании Гимилькона, заложено нечто подобное реальному знакомству с покрытыми водорослями морскими пространствами. Известно ведь, что обрывки таких переплетенных водорослевых ковров ветрами и течениями приносит иногда и к европейским берегам. Но это еще не значит, что подобные переживания соответствовали действительным условиям плавания вдоль берегов Испании и Галлии. В связи с этим более уместным представляется вопрос о реальности самого плавания. Оно, как и другие подобным же образом описанные путешествия, вследствие очень малой конкретности сообщаемых подробностей, естественно, вызывает сомнение. Быть может, эта недостаточная конкретность объясняется тем, что сведения о плавании

Гимилькона дошли до нас из вторых или из третьих рук. Но еще более вероятно то, что и оригинальное описание этого плавания «в пунических летописях», если таковое существовало в действительности, представляло собой в силу недостаточной осведомленности карфагенян и греков о географии западных берегов Иберии, Кельтики и тем более Британии что-либо вроде описания плавания Скилака.

Как бы то ни было, этот рассказ может быть признан непреложным свидетельством морских связей карфагенян с берегами Северной Испании, Кельтики (по побережью Бискайского залива) и, может быть, Британии и Ирландии.

Плавание Публия Красса

Для суждения о трудно идентифицируемых Касситеридских (или Эстримнидских) островах существенным является сообщение Страбона о плавании к ним в начале I века до н. э. римского военачальника Публия Красса, со слов которого (не известно, впрочем, где зафиксированных) он его, видимо, и описывает:

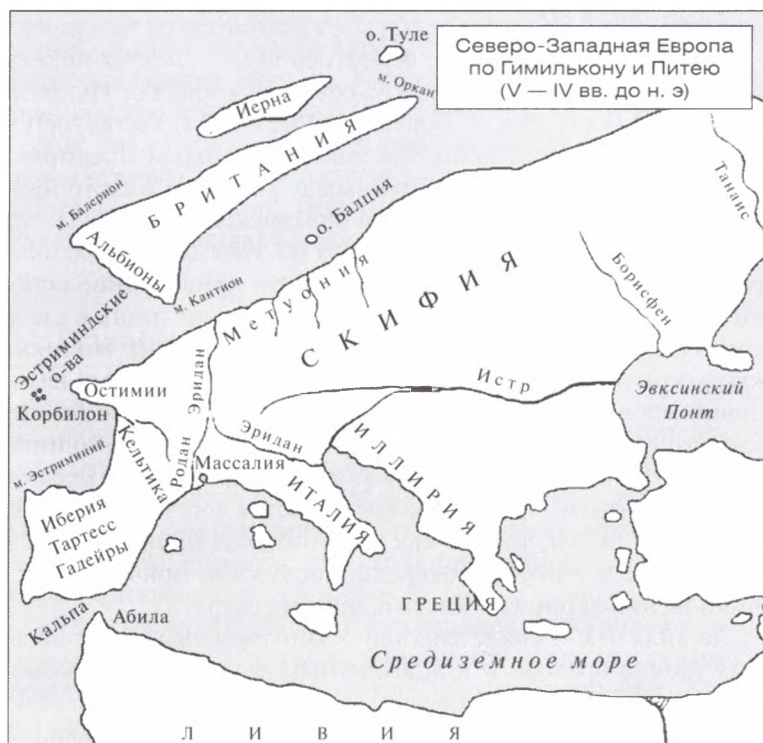
«(География, III, 5, 11) Касситеридских островов десять. Лежат они в открытом море близко друг от друга к северу от гавани артабров³⁷. Один из них пустынен, прочие населены людьми, носящими черные плащи и хитоны длиною до пят. Они перепоясывают грудь и ходят с посохами, подобные богиням Пойнам из трагедий³⁸. Питаются они от своих стад и ведут кочевую жизнь. У них имеются оловянные и свинцовые рудники, и они выменивают у морских торговцев на эти металлы и на кожи глиняную посуду, соль и медные изделия. В древности эту торговлю вели с ними одни только финикияне из Гадейр, скрывая от всех других дорогу. Когда однажды римляне стали преследовать владельца корабля с целью узнать эти места торговли, то он из корысти намеренно навел свой корабль на мель и, погубив таким образом своих преследователей, сам спасся на обломках кораблекрушения и получил от казны вознаграждение за утраченные товары. Однако римляне после неоднократных попыток открыли наконец этот мор-

ской путь, и, когда потом Публий Красс прибыл к островам и увидел, что металлы добываются там на небольшой глубине и что тамошнее население мирно, он сообщил подробные сведения всем желающим плыть по этому морю, хотя и более широкому, чем то, которое отделяет Британию от материка».

В этом Публию Крассе, вероятнее всего, следует видеть того Публия Лициния Красса, который управлял Испанией в 95—93 годах до н. э. Более поздние свидетельства, основанные на данных, добытых завоевательными предприятиями Юлия Цезаря на северо-западе Галлии и в Британии, знакомят нас с добычей олова в британском Корнуэлле, но не содержат более никаких данных об этих загадочных островах. Поэтому приходится думать, что приведенное сообщение Страбона упоминает об этих островах лишь в силу многовековой традиции и имеет в виду реально не что иное, как открытие и захват Крассом оловянных рудников, находившихся где-то на крайнем северо-западе Испании (о чем кое-что было известно уже и Посидонию) и функционировавших, быть может, еще и в глубокой древности. Весьма вероятно, что это испанское олово, более доступное с моря, чем сухим путем, так же как и британское олово, а может быть, даже и в первую очередь, послужило причиной возникновения легенды о Касситеридских островах.

Легенда эта — свидетельство о заинтересованности древних греков в олове и в драгоценных металлах, привозившихся с северо-запада Европы. По той же причине возникли и другие легенды и рассказы, всякий раз отображающие связи стран, расположенных на Эгейском море, с Испанией, а быть может, даже и Британией. У Плиния сохранилось отрывочное сообщение о греке по имени Мидакрит, который якобы впервые привез с Касситеридских островов олово.

Это искусственным образом созданное имя должно быть сопоставлено с именем знаменитого фригийского царя Мидааса, жившего в Малой Азии в конце VIII — начале VII века до н. э. Оно, вероятно, служит отголоском каких-то древних рассказов о торговле металлом и о плаваниях, которые принимали ионийские греки из Малой Азии к берегам Испании за оловом и драгоценными металлами, чтобы затем перепродать их фригийцам и лидийцам.

Милетяне, самосцы, фокейцы и другие малоазийские и эгейские греки в VII—VI веках до н. э. в погоне за металлами наперебой устремлялись в западные воды, к берегам Италии и Испании. Весьма характерный и вполне правдоподобный рассказ об этом передает Геродот.

«(I, 163) Фокеяне раньше всех эллинов стали предпринимать далекие путешествия по морю, открыли Адриатический залив, Тиррению, Иберию, Тартесс. Для этого они пользовались не круглыми судами, а пятидесятивесельными. В Тартессе они снискали себе расположение тартесского царя по имени Аргантония³⁹, царствовавшего в Тартессе 80 лет и прожившего не менее 120 лет. Фокеяне так понравились Аргантонию, что он предложил им покинуть Ионию и поселиться в его земле, где им угодно...

(IV, 152)...Корабль, принадлежавший самосцу Колаю, на пути в Египет был занесен на остров Платея [островок к западу от Крита]. Когда они отплыли от острова по направлению к Египту, восточным ветром их отнесло в сторону; ветер не унимался, пока они не прошли через Геракловы столпы и не прибыли, по указанию божества, в Тартесс. В то время этот торговый город был еще не тронут никем, благодаря чему самосцы по возвращении назад извлекли такую прибыль от продажи товаров, как никто из эллинов».

Однако это греческое мореплавание в испанских водах должно было прекратиться уже в конце VI века до н. э., по мере усиления Карфагена, прочно и надолго запершего для греков, а позднее и для римлян Гибралтарский пролив. Поэтому мы очень долго не слышим ничего о греческих плаваниях в атлантических водах, пока наконец во второй половине IV века до н. э. в Массалии (современный Марсель), крупнейшем из тогдашних греческих торговых центров Западного Средиземноморья, не появился человек, имя которого связано с самыми смелыми географическими открытиями древности. По его собственным словам, известным нам, правда, далеко не из первых рук, он проплыл по Атлантическому океану до Британии и острова Туле (Скандинавии), а оттуда также проплыл или прошел пешком, как передает Страбон, вдоль побережья Северной Европы до реки Танаис (то есть, как полагают, во всяком случае, до Эльбы или даже до Вис-

лы). Уже в древности человек этот по имени Питей был объявлен обманщиком и фантазером. Спор о реальности плавания Питея продолжается в науке и по настоящее время.

Плавание Питея из Массалии

Неверие, которым были проникнуты древние критики Питея, в особенности Полибий и несколько в меньшей степени Страбон, в значительной мере является причиной того, что в нашем распоряжении имеются лишь самые краткие и при этом далеко не всегда достаточно внятные отрывки его собственных текстов. Письменная традиция сохранила наименование двух его сочинений — «Землеописание» и «Об океане». Возможно даже, что это лишь по-разному переданные названия одного и того же текста.

При этом очевидно, что почти все известия о Британии и других североевропейских местностях, относящиеся ко времени, предшествующему походам Цезаря, восходят так или иначе к Питею. Да от его сочинений сохранились лишь весьма незначительные фрагменты, содержащие в себе к тому же вполне вероятные искажения, но нельзя исключать, что эти искажения возникли при цитировании и не в последнюю очередь связаны с желанием цитировавших авторов представить данные Питея в фантастическом свете. Все это необходимо принять в расчет при рассмотрении приписываемых Питею маршрутов и произведенных им при посещении северных стран наблюдений.

Тем не менее, насколько можно судить по кратким и довольно сбивчивым сообщениям Полибия, Страбона и Плиния, из коих первые два всячески старались подвергнуть сомнению передаваемые ими сведения, Питей проник к берегам Британии, затем в Англию, оттуда до острова Туле, лежащего на расстоянии шести дней плавания от Англии, и, наконец, прошел вдоль северного побережья Европы до реки Танаис.

Подобное плавание должно представляться невероятным по многим причинам: в IV столетии карфагеняне прочно владели Гибралтарским проливом, что делало практически

невозможным проход через него для греческих судов; сообщения о размерах острова Британии, возводимые к Питее, резко противоречат действительности; локализация острова Туле и в древности, и современной науке вызывала оживленные споры, до сих пор не приведшие к убедительному решению вопроса; сообщение о Танаисе, впадающем в Северное море, не нуждается в подтверждении его фантастичности. И однако, наряду со всем этим среди сообщений о Питее и о его открытиях и наблюдениях имеются и такие факты, достоверность которых не может быть поколеблена, и их огромное научное значение для того времени не может быть обесценено.

Реальная почва и практический смысл подобного предприятия для массалиотов, ведших торговлю с североевропейскими племенами, представляются несомненными. Поиски собственных путей к британскому олову и балтийскому янтарию имели чисто практическое значение и сулили огромные выгоды. Поэтому на осуществление подобного предприятия массалиотами могли быть отпущены достаточные средства, и предприятие Питее могло осуществляться не как личная затея некоего бедняка — подобным образом не прочь изобразить его Полибий у Страбона, — а как государственное и коммерчески важное начинание одного из крупнейших колониальных центров древнегреческого Запада. К тому же то, что хотя и очень отрывочно известно о Питее, характеризует его как одного из наиболее выдающихся ученых своего времени.

Так, он определил широтное положение своего родного города Массалии, чем впоследствии воспользовался другой великий физик и астроном древности, Гиппарх, для проведения параллели через Массалию и Византий (Стамбул). Гиппарх воспользовался также и тем определением, которое дал Питей для точки Северного полюса, являвшейся для того времени, по его расчету, одной из вершин треугольника, образованного звездой β созвездия Малая Медведица и звездами δ и χ созвездия Дракона. Питей произвел также определение высоты солнца и измерение широты для четырех точек, соответствующих 48, 54, 58 и 61 градусу северной широты. А так как измерение полуденной высоты солнца, необходимое для этих расчетов, могло быть получено лишь на месте,

следует допустить, что Питей или сам побывал под указанными широтами, или же пользовался данными каких-либо доверенных лиц. Однако чтобы допустить, будто он сам или какой-либо другой грек из Массалии мог произвести эти измерения, необходимо решить вопрос о реальной возможности подобного путешествия в ту эпоху.

Первое затруднение, с которым приходится сталкиваться при изучении данных о путешествии Питей, заключается в необходимости решения вопроса о его пути к северным берегам Атлантики. Судя по отдельным замечаниям Страбона, ссылающегося на Полибия, Питей в своей книге, написанной, видимо, по образцу периплов, описывал Гадес, иберийское побережье Атлантического океана и берега Бискайского залива.

Строгость, с какой карфагенское правительство оберегало берега Испании и Гибралтарский пролив от посягательств греков и этрусков (что явствует из первого договора Карфагена с Римом, заключенного в последние годы VI века до н. э. и полностью приводимого в «Истории» Полибия), делает маловероятной возможность плавания греческого корабля в атлантических водах в IV веке до н. э. Также нелегко себе представить, чтобы грек мог проделать этот путь на каком-либо карфагенском судне. Однако остается еще возможность для материковых сообщений с Северной Кельтикой по Роне и Луаре, о чем вскользь была уже речь немного раньше.

На возможность подобного пути для массалиотов указывает в своем перипле «Морские побережья» позднеримский географ Руф Фест Авиен. Что же касается путешествия к Гадесу и вдоль испанского побережья, то, во-первых, оно могло быть совершено вне связи с северным плаванием Питей, а с другой стороны, он мог воспользоваться для своих описаний литературными источниками, имея под рукой перипл Гимилькона или сочинения своего соотечественника Эвтимена. Противоречит предположению о плавании Питей по рекам через Кельтику главным образом лишь то, что в его книге, видимо, не содержалось об этом сколько-нибудь подробных упоминаний, а путешествие, им предпринятое, не увеличило ничуть познаний греков о внутренних областях Галлии в доцезареву эпоху.

Но, принимая во внимание, что Полибий со ссылкой на Питея сообщает о торговом городе Корбилоне, расположенном на берегу реки Лигер (Луары), можно думать, что греки проникали к североатлантическому побережью ради приобретения олова и янтаря именно этим путем. На существование такого пути в древнее время намекает известный уже нам позднееримский географ Руф Фест Авиен в своих «Морских побережьях». Однако нужно думать, что если Питей действительно воспользовался этим путем, то в своем описании такой серьезный наблюдатель, каким себе его приходится представлять, должен был бы сообщить о нем какие-либо подробности. Тем не менее вплоть до походов Цезаря античная наука не располагала почти никакими сведениями о внутренних областях Кельтики (современной Франции).

Питей сообщает некоторые данные о северо-западной части Кельтики как об области племени остимиев. Западную оконечность этой области он называл мысом Кабайон. Имя остимиев (которых Страбон называет осисмиями), по-видимому, следует сопоставить с эстримниями других древних авторов, по которым были поименованы Эстримнидские (они же Касситеридские) острова. Для одного из этих островов Питей сообщает имя Уксисама, отождествляемое с современным Уэссаном, до которого, по Питею, от берегов Кельтики необходимо плыть трое суток. Далее Питей сообщает, некоторые сведения о Британии (Англии), придавая этому острову искусственную, треугольную форму.

Следует думать, что Питей побывал на острове Уксисама лично ввиду его интереса к добыче олова, равно как побывал он и в Британии, описание которой, сделанное им впоследствии, легло в основу данных, предложенных Эратосфеном, представлявшим себе Британию в качестве треугольника с обращенной к северо-востоку вершиной, основание которого было параллельно берегу Кельтики и имело протяжение, равное семи с половиной тысячам стадий. Углы основания этого треугольника образуют два мыса — Кантион на востоке и Белерион на западе, у вершины же его располагается мыс Орка, или Оркан, удаленный от мыса Белерион на огромное расстояние, равное двадцати тысячам стадий. Страбон инкриминирует Питею преувеличение размеров

Британии, передавая в то же время маловероятное сообщение, основанное, быть может, на искаженном чтении, будто Питей исходил всю Британию пешком (II, 1, 1). Трудно сказать, чем вызваны такие ошибки в определении размеров острова, принятых Эратосфеном со слов Питея. Быть может, эти размеры определялись на основании расчетов каботажного плавания с учетом длины всего берегового рельефа. А быть может, Питей и действительно представлял себе остров значительно большим, чем на самом деле, полагаясь на сообщения местных жителей, добытые через переводчиков⁴⁰.

По-видимому, Питей сообщал также какие-то сведения о добыче олова у племени бриттов недалеко от мыса Белерон (современный Корнуэлл), в юго-западной части острова, о мирном и трудолюбивом характере туземцев, имевших сношения с заморскими торговцами, которым они продавали металл. Этими сведениями значительно позднее воспользовался греческий историк Диодор Сицилийский⁴¹.

На расстоянии шести дней плавания от мыса Оркан, в северном направлении, Питей помещает остров Туле, который фигурирует во многих более поздних географических описаниях. Этот остров, по представлению Питея, являлся северным пределом Вселенной, так что если плыть от него еще дальше на север, хотя бы на протяжении одного дня, то не будет уже ни воды, ни земли, ни воздуха, а лишь какая-то смесь всех этих трех стихий, которую он именует «морское легкое». Там невозможно передвигаться ни пешком, ни на корабле.

О положении острова Туле и о реальном смысле описанных Питеем удивительных физических явлений, якобы наблюдаемых к северу от этого острова, еще в древности, а также и в Новое время происходило немало споров. Некоторые ученые (начиная со Страбона) склонны были объявить Туле просто выдумкой Питея. Другие же пытались так или иначе согласовать его данные с реальной географией. Ввиду того что Питей представлял себе Туле как обитаемую землю, расположенную где-то у полярного круга, знаменитый полярный исследователь и путешественник Фридьоф Нансен высказал предположение, что Туле — это северо-западная часть Норвегии, примерно у Тронхеймского фиорда.

Положение этой местности, по его мнению, вполне подходит к данным Питея о двух-трехчасовой продолжительности летних ночей на Туле. Островом же Скандинавию продолжали считать и значительно позднее Питея — вплоть до XI—XII веков.

Страбон отрицал возможность существования обитаемой земли под столь высокими широтами. Критикуя сообщения Питея о Туле, он замечает, что, сколько ему известно, даже и в Британии, расположенной значительно южнее Туле, условия жизни настолько суровы, что ее следует считать границей обитаемого мира. Плиний называет ряд островов к северу от Британии: Скандию, Думну, Верги и самый большой из них Беррику, также отождествляемую нередко с островом Мейнленд, откуда, по его словам, имеют обыкновение плавать в Туле. Это свидетельство подтверждает, быть может, правильность предположения Нансена, хотя вероятней всего то, что Питей не заходил сам в столь отдаленные северные воды, плавание по которым могло быть связано с большим риском, а сообщал о Туле, равно как и о северных пространствах за Туле, со слов обитателей Северной Кельтики или Британии, в чьих рассказах содержалось, несомненно, немало легендарных сведений о неизвестных северных пределах.

Пользуясь указаниями Питея, Плиний в своей «Естественной истории» сообщает, что к северу от острова Туле находится «свернувшееся» море, называемое-де некоторыми писателями Кроновым. Это сопоставление северной части Атлантического океана с легендарным Океаном бога Кроноса, царя царства блаженных в потустороннем мире, вполне соответствует сказочным представлениям о Крайнем Севере. Такие картины не могли не возникать из сообщений Питея, основывавшихся в какой-то степени все на тех же баснях, какие и раньше звучали в рассказах финикийских мореплавателей о чудесах Атлантики и об ужасах «непроходимого» моря, легенда о котором в своей основе имеет не что иное, как отдаленное и завуалированное представление о полярных морских льдах. Надо также полагать, что сведения об острове Туле, лежащем не то у самого полярного круга, не то несколько к югу от него, на широте современных Шетландских островов, основаны, скорее всего, на отвлечен-

ных и полулегендарных данных об островах Северного моря, поэтому его точная локализация так же маловероятна, как и локализация Эстримнидских (Касситеридских) островов.

Измерения высоты солнца, произведенные Питеем для этих широт, могли основываться на показаниях тех людей, которые либо сами плавали на север, либо были более или менее подробно осведомлены о таких плаваниях. В одном из отрывков сочинения Питея, сохраненном греческим астрономом I века до н. э. Геминном в его «Элементах астрономии», сообщается о том, что «варвары показали нам место, где Солнце удаляется на покой. В этой местности ночь была очень коротка — в одних местах она продолжалась два, а в других три часа, так что Солнце по прошествии короткого времени после захода появляется вновь». Из неопределенности и невнятности этого отрывка следует заключить, что речь здесь идет не о чьих-либо личных наблюдениях, а лишь об описаниях явлений, далеко не вполне ясных самому рассказчику. Следует, разумеется, считаться и с возможными позднейшими искажениями сообщений Питея, которые могли породить или, во всяком случае, усугубить неясность и туманность Питеевых рассказов о северных странах.

По возвращении из Британии, как об этом со слов Полибия сообщает Страбон (II, 4, 1), Питей прошел по северному берегу Европы вплоть до реки Танаис. Наряду с этим, вызвавшим большие недоумения сообщением, которое Страбон, как и прочие исходящие от Питея сведения, объявляет ложью, сохранились и другие, более определенные свидетельства о его путешествии и наблюдениях у северных берегов Кельтики. Так, Диодор и Плиний с его слов сообщают о «скифских» берегах и островах, близ Кельтики на Северном океане, где в больших количествах собирается местными жителями янтарь. Естественно, что Питей интересуется также обстоятельствами происхождения янтаря — важной статьи древней торговли Западного Средиземноморья с северо-европейскими странами.

Как мы убедились выше, в более древние времена греки располагали лишь чисто легендарными данными о реке Эридан, близ устья которой рождается янтарь, да обладали смутными сведениями о тех путях, по которым он проникал в Средизем-

номорье. Поэтому все более точные сведения об этих местах, сообщаемые Диодором, а также Плинием, без особых колебаний могут быть отнесены к Питею. Последний, несомненно, полагал, что к востоку от Кельтики, границу которой он помещал на Эридане-Рейне, начинается Скифия. Германские племена еще не обособились в IV веке до н. э. от смешанной кельтско-скифской среды, к которой принадлежало тогдашнее население Центральной Европы. Скифо-сарматский и кельтский этнические элементы и в более позднее время, во II—I столетиях до н. э., в эпоху древнегерманского этногенеза, были весьма значительны не только к югу, но и к северу от русла Дуная и играли в этом этногенезе весьма существенную роль. Нет поэтому ничего удивительного в том, что Диодор и Плиний причисляют к Скифии те берега Северного моря, которые, по словам Полибия, были обследованы Питеем.

Наименования эти вводили многих новейших комментаторов Диодора и Плиния в заблуждение, и считалось, что Питей посетил или по крайней мере получил сведения о прибалтийских странах, которые и более поздними авторами, например Птолемеем, относились к Скифии. Однако различные признаки указывают на то, что страна янтаря, описанная Питеем, не лежала так далеко на востоке. Плиний, очевидно, на основании своих собственных или чьих-либо еще позднейших соображений называет германским племя гвинонов, живших, по словам Питея, на низменном и заливаемом приливом побережье Северного моря, которому Плиний дает наименование Ментономия, или (по более правильному чтению) Метуония; видимо, ту же самую местность имеет в виду Плиний и в другом месте, называя ее на сей раз Баунонской Скифией и ссылаясь при этом на Тимея, сведения которого также должны были восходить к Питею.

На расстоянии одного дня плавания от названного побережья находится остров, на который в весеннее время волны выбрасывают янтарь, происходящий из «свернувшегося» моря. Жители острова употребляют его в качестве топлива и для продажи. Плиний дает этому острову янтаря имя Абалус, другими авторами засвидетельствованное как Абалция, Балтия, Басилея и Глессария. Если в последнем из этих наименований звучит в латинской передаче соответствующ-

шее англосаксонскому *glaer* (французское *clair*) древнекельтское наименование янтаря *glaesum*, то прочие наименования представляют из себя варианты какого-то местного имени, в котором мы вправе слышать отголосок имени Балтики. Диодор, называющий остров Басилеей и передающий о нем сведения, аналогичные тем, которые содержатся у Плиния, добавляет, что жители острова переправляют янтарь на континент, откуда он посредством торговли доставляется в средиземноморские страны.

Что касается до отождествления этих труднолокализуемых местностей, то к вышеизложенным описаниям Диодора и Плиния более всего подходят в качестве Метуонии современная Ютландия, а в качестве острова Абал — Гельголанд, отвечающий условиям как по своему положению на море на расстоянии одного дня пути от материка, так и по нахождению на нем янтаря. Хотя, разумеется, в данном случае, как и в случае с островом Туле, речь могла идти о более или менее отвлеченных и легендарных представлениях. Остров Абал, быть может, не более реален, чем Электридские (то есть Янтарные) острова, которые Аполлоний Родосский по связи их с устьем реки Эридан поместил в глубине Адриатического моря, но которые ассоциируются также и с островами у берегов Фрисландии.

Несомненно, что именно скифские ассоциации заставили Питея упомянуть в связи с берегами Северной Европы название Танаиса. Однако трудно представить себе в точности, что именно он хотел этим сказать: то ли в угоду возникшим в IV столетии до н. э. теориям о разделении таких рек, как Истр и Эридан, он предположил в одной из североевропейских рек северный рукав Танаиса, то ли он употребил это имя лишь в качестве символа евразийской границы, желая дать понять этим своим читателям, что его осведомленность простирается до северо-восточного предела Европы. Всего вероятнее второе истолкование, поскольку Полибий сообщает, будто Питей утверждал, что им исследованы европейские берега от Гадеса до Танаиса. Но не исключается и первое толкование, в силу которого пришлось бы представить себе, что Питей принял за Танаис какую-либо из рек, впадающих в Северное море. А так как его осведомленность ограничивалась, видимо,

лишь незначительным пространством к востоку от Рейна, то вероятнее всего представить, что в качестве северного устья Танаиса, по Питею, должно фигурировать устье Эльбы⁴².

Что парадоксально, авторы, отрицавшие достоверность сообщений Питея, основывали свои представления о североевропейских странах на данных того же Питея. Так поступал широко использовавший Питея — через Полибия — Страбон, оказавшийся, однако, несколько справедливей к нему, чем его посредник Полибий. Высказав целый ряд, и при этом далеко не всегда безосновательных, сомнений в истинности или точности данных Питея, он под конец отдает ему должное хотя бы по части ценных астрономических сведений, а заодно и сведений, касающихся условий жизни и быта североевропейских племен. Эти сообщения этнографического характера не могут не поразить своим удивительным соответствием северному быту и, следовательно, вряд ли вымышлены; они лишней раз подчеркивают добросовестность Питея как исследователя и наблюдателя. Страбон сообщал о странах Северной Европы как о местностях суровых и бедных в природном отношении, где мало домашних животных и плодовых растений. Население их, по его словам, питается преимущественно просом, а также дикими плодами и кореньями. Там, где есть хлеб и мед, из них готовится питье, заменяющее северным жителям вино. Молотьба хлеба производится в больших закрытых строениях, куда складываются хлебные колосья. Так делается из-за обилия дождей и скудности солнечного тепла, не допускающего сушки и молотбы на открытых токах. Сведения эти вполне соответствуют тому, что узнали о северных народах римляне, впервые столкнувшиеся с галльскими и германскими племенами в результате походов Цезаря и войн, ведшихся при Августе и более поздних императорах. Они характеризуют Питея как внимательного наблюдателя, быстро ориентировавшегося в совершенно чуждых и необычных для тогдашнего грека условиях жизни Европейского Севера.

Таким образом, уже Страбону было вполне ясно то, чего еще не в состоянии были оценить многие из его предшественников, а именно что Питей оказал своими измерениями неоценимые услуги географии, чем сумели воспользоваться

лишь самые выдающиеся из его ближайших потомков — Эратосфен и Гиппарх. Он обогатил греческую науку сведениями об отдаленных северных странах, находившихся еще вне поля зрения образованных людей; поэтому его сообщения не были приняты на веру, а объявлены ложью и выдумкой. Это недоверчивое отношение к рассказам Питея в соединении зачастую с непониманием того, о чем в этих рассказах идет речь, привело к значительным искажениям его слов в позднейшей их передаче, мешающим и теперь еще оценить с достаточной точностью размеры и результаты проведенных им исследований.

Непосредственным же результатом сообщений Питея было то, что он, не уничтожив полностью скептического отношения, установившегося со времен Геродота, к возможности познания северных стран, все же возродил интерес к легендам о Северном океане, в реальности которого со всеми его чудесами после плавания Питея трудно было более сомневаться. А это, в свою очередь, создало почву для возникновения новых представлений о величине и форме обитаемой земли, послужило пищей для развития географических легенд и создававшегося на их материале эпоса.

Материалы наблюдений Питея послужили серьезным аргументом в поддержку теории существования сплошного водного океанского пространства на севере Европы и Азии, соединяющегося на востоке с Индийским или Восточным (Эойским) океаном. Так, в значительной степени опираясь на исследования Питея, представлял себе положение вещей в III веке до н. э. Эратосфен. Влияние этих представлений было достаточно глубоко. Оно сказывалось также и в тех случаях, когда реальные географические факты были не известны, а лишь предполагались соответствующими этим представлениям, влиявшим подчас на выводы весьма серьезных наблюдателей.

Плавание Патрокла

В восьмидесятые годы III столетия до н. э. имело место еще одно экзотическое плавание — не столь выдающееся, как плавание Питея, но значение его для познания северных

стран и для развития общих географических представлений в эллинистическо-римское время трудно переоценить.

На этот раз предметом исследования послужило Каспийское море, о котором удерживалось древнее, высказанное еще, может быть, Гекатеем (а вернее, кем-либо из его современников), предположение, что оно представляет собою залив океана. В качестве имени Каспийского моря от Гекатея до нас дошло наименование его Гирканским, что, несомненно, указывает на иранский источник. Геродот называет его лишь Каспийским и, видимо, противопоставляет это название Гекатееву. Аристотель же употребляет оба имени, при этом в такой связи, как если бы речь шла о двух разных морях.

В Каспийское море впадала река Аракс, о которой у Геродота было смутное и двойственное представление, так как в этом имени для него соединялись вместе с носящей его и поныне кавказской рекой слившиеся в единый образ две великие среднеазиатские реки — Окс и Яксарт. Аристотель тоже употреблял имя Аракса применительно к Яксарту и Оксу, но произведенное спутниками Александра Македонского отождествление Аракса (Яксарта) с Танаисом и в то же время непреложная достоверность нахождения устья Танаиса на Азовском море принудили Аристотеля представить себе его русло в виде рукава Аракса, а многих современников Аристотеля признать соединенными между собой Каспийский и Азовский бассейны.

О наличии известного интереса к Каспийскому морю со стороны греков в эпоху Александра Македонского свидетельствует переданное Аррианом сообщение о том, что Александр живо интересовался географией Каспийского бассейна и что якобы только преждевременная смерть помешала ему предпринять задуманные исследования. Интерес этот мог быть продиктован планами скифского похода или хотя бы планами установления определенных отношений со скифами, жившими на Танаисе.

Геродот утверждает, что Каспийское море — замкнутый бассейн. В то же время Патрокл, управитель прикаспийских областей в царстве одного из преемников Александра Македонского — Селевка Никатора (306—280 до н. э.), считал Каспийское море заливом Северного, или Скифского, океана.

По словам Страбона и Плиния, Патрокл полагал возможным приплыть из Каспийского моря в Индию.

Плиний сообщает, что царь Селевк Никатор будто бы собирался соединить Каспийское море с Меотидой (то есть с Азовским морем) посредством канала, который должен был проходить по современной Манычской низменности. Плавание Патрокла по Каспийскому морю, происходившее в 80-е годы III века до н. э., могло быть предпринято в связи с этими планами. Впрочем, скифский север был вне сферы интересов и влияния Селевка Никатора. Скорее всего, путешествие Патрокла имело перед собой чисто практические цели: приведение в повиновение прибрежных южнокаспийских племен и наведение порядка и спокойствия на одном из важнейших торговых путей из Индии в Малую Азию; этот путь шел по впадающим в Каспийское море среднеазиатским рекам, затем вдоль его южного побережья до устья Аракса и Куры и далее, через Кавказский хребет, в Колхиду.

Именно интересы торговли побудили Патрокла заняться поиском водного пути из Каспийского моря в Индию. Подобное предприятие вытекало из его непосредственных обязанностей в качестве управителя Гиркании. Страбон определенно характеризует Патрокла как лицо, управлявшее областями, расположенными близ Гиркании и Каспийского моря (II, 11, 7). До этого он известен в качестве правителя Вавилона (около 312 года до н. э.), а затем Патрокл состоял в совете Селевка Никатора (факт этот свидетельствуется Плутархом для 286–285 годов до н. э.). Из приведенных хронологических сведений следует заключить, что пребывание Патрокла на посту управителя прикаспийских областей, равно как и самое его плавание по Каспийскому морю, могло иметь место, скорее всего, между 285–280 годами до н. э., когда после смерти Селевка преемник его Антиох Сотер направил Патрокла в качестве полководца в Малую Азию.

Несмотря на административно-военный характер своей деятельности, Патрокл в качестве «мужа, умудренного в науках», каким его изображает Плутарх, должен был находиться в курсе новых географических идей. Одна из таких идей, возможно, заключалась в том, что Каспийское море является океанским заливом. Не исключено, что подобное утвер-

ждение содержалось в перипле Патрокла, так как Плиний на основании каких-то данных говорит о нем как о человеке, проплывшем из Каспийского моря в Индию.

Страбон писал:

«(География, II, 1, 17)...Вход [в Каспийское море из Северного океана] отстоит от середины Каспийского моря, а также от Армянских и Мидийских гор почти на 6000 стадий, и кажется, что этот пункт приморского берега наиболее северный и туда можно приплыть из Индии, как свидетельствует Патрокл, долгое время управлявший этими местами».

Не исключено, однако, что сам Патрокл, скорее всего, имел в виду не столько океанское плавание, сколько перевалочное судоходство по рекам, а представление о связи Каспийского бассейна с Индийским океаном возникло лишь в умах читателей его перипла и нашло свое отражение в словах Плиния вследствие неправильно понятого или слишком широко истолкованного сообщения Патрокла о торговом пути из Индии к Черному морю через Каспий и по рекам Каспийского бассейна. Об этом пути, ведущем по Араксу и Фасису, первоначально, вероятно, к одноименному греческому эмпорию⁴³ при устье Фасиса, а позднее к соседней Диоскуриаде, сохранились любопытные свидетельства у Страбона и Плиния. Последний ссылается на Тимосфена, писателя III столетия до н. э., который сообщает, что в Диоскуриаду собирались со всех концов света торговцы, ведущие дела на семидесяти (у Плиния на трехстах) языках. Путь этот именовался в древности по имени моря, через которое он следовал, Каспийским путем, а горный перевал через Кавказ, который ему приходилось преодолевать, именовался горой Каспием — имя, по словам Страбона, тождественное местному наименованию Кавказа (XI, 2, 15).

Искажения и преувеличения значения предприятия Патрокла и в древности, и в новое время, когда считалось вполне вероятным, что Патрокл проник, по крайней мере в пределах Каспийского моря, достаточно далеко на север, побуждают изучить заново данные о маршруте и попытаться определить действительное протяжение его плавания.

Сразу оговоримся, что нет никакого сомнения, что Патрокл действительно плывал вдоль южного и западного бере-

гов Каспийского моря и составленное им описание этого плавания частично сохранено для нас в «Географиях» Страбона и Птолемея, а также в «Естественной истории» Плиния.

Путь, проделанный Патроклом вдоль Каспийского моря, выясняется из сопоставления данных о протяжении каспийских берегов, приводимых Страбоном и Плинием, — все эти данные восходят к Патроклу, что подтверждается, в частности, их почти обязательным совпадением во всех случаях. Страбон упоминает две части перипла Патрокла (XI, 6, 1): первая касается плавания вдоль берегов албанов и кадусиев на расстояние, равное 5400 стадиям (Плиний называет эти племена в обратном порядке и указывает расстояние в 5300 стадий); вторая — плавания вдоль берегов анариаков, мардов и гирканов протяженностью в 4800 стадий (у Плиния, 4900 стадий).

Из этого следует прежде всего то, что Патрокл из какого-то определенного пункта, за который, вероятней всего, нужно принять устье реки Марда (современная Сефидруд), служившей границей между землями племен мардов (амардов) и кадусиев, совершил два похода — один в северном, другой в восточном направлениях.

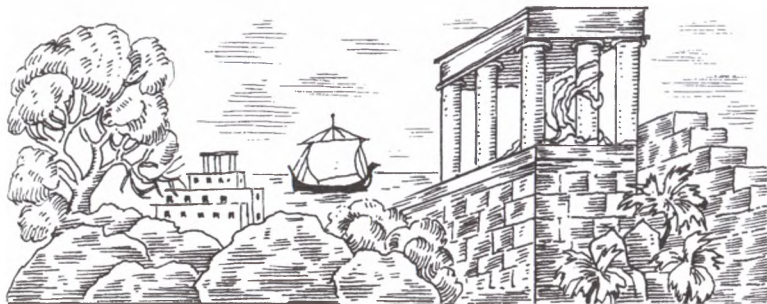
Приведенные у Страбона и Плиния цифры перипла Патрокла преувеличены чуть ли не вдвое. К такому заключению приводит их сопоставление с более поздними и базирующимися в значительной доле на других источниках данных Птолемея. Однако надо помнить, что Птолемей представляет прикаспийские местности в весьма искаженном виде; само Каспийское море приобретает у него (как, впрочем, и у Геродота) совершенно неправильную форму и представляется значительно более протяженным в долготном, нежели в широтном направлении. Поэтому строить что-либо на сопоставлении с численными данными Птолемея представляется делом рискованным. Впрочем, в нашем распоряжении остается, хотя и менее точный в математическом отношении, но, по-видимому, все же гораздо, более надежный способ: соотнесение расположения прикаспийских племен с периплом Патрокла.

Страбон дважды упоминает прикаспийские племена южных и западных берегов в связи с именем Патрокла.

В первом случае, как мы уже знаем, это албаны и кадусии на западе и анариаки, марды и гирканы на юге. Во втором же случае, упоминая наряду с жителями побережья также и жителей ближайших горных местностей, он называет к западу от Гиркании албанов, армян, гелов, кадусиев, амардов, витиев и анариаков. Кадусии, как мы уже говорили, должны быть локализованы к северо-западу от реки Марды. Патрокл называет их племя самым значительным на западном побережье Каспия, живущим на пространстве 5000 стадий вдоль морского берега. Это соответствует действительности в том смысле, что имя кадусиев являлось собирательным для ряда других племен и, во всяком случае, покрывало собой, по свидетельству Плиния, названных ранее гелов, а также, может быть, и анариаков.

Если принять во внимание, что Патрокл считал Каспийское море более широким на юге, чем на севере, и наибольшей ширины достигающим именно у своего южного побережья, то следует допустить, как наиболее вероятное предположение, что Каспийское море было ему известно не далее Апшеронского полуострова. Называемые им кавказские племена — албаны, армяне, гелы, кадусии и витии — все умещаются к югу от Апшеронского полуострова. Витиев, называя их удинами, Плиний, по-видимому также со слов Патрокла, помещает у самого выхода в океан, что может служить дополнительным подтверждением того, что Патрокл изучил западное побережье Каспия вряд ли многим далее устья реки Куры. Дальнейшее, расположенное к северу от Апшеронского полуострова и расширяющееся к западу морское пространство Каспия, скорее всего, было принято Патроком за Северный океан.

Острова античных утопий

При рассмотрении древних легенд и реальных географических данных, касающихся «Островов блаженных», уже отмечалось наличие в соответствующих сообщениях некоторых элементов социальной утопии. Происхождение утопических идей, связанных с определенными географическими представлениями, коренится в древних религиозных верованиях, относящихся к культу божеств плодородия, в частности таких, как греческий Кронос и римский Сатурн, почитавшихся царями потустороннего царства блаженных и царями «золотого века», некогда якобы существовавшего на Земле и завешанного людям в будущем.

Царство Кроноса — Сатурна не знало ни войн, ни рабства, ни других социальных несправедливостей. Оно представлялось полной противоположностью реальной действительности рабовладельческого общества. Исторически легенды связывали «золотой век» с первобытной эпохой, когда между людьми царил равенство и человеческое племя жило в естественных условиях, без изнурительного труда, пользуясь благами природы. Подобную картину «золотого века» впервые в греческой литературе нарисовал Гесиод в своей поэме «Тру-

ды и дни»; соответствующий ее раздел, изображающий смену веков — золотого, серебряного, бронзового и железного, с постепенным ухудшением условий существования и ожесточением социальных порядков, был первой из известных в древнегреческой литературе попыток социального философствования, отразившей в себе тенденции, отрицающие и осуждающие рабовладельческий общественный строй, с его классовым угнетением и односторонней моралью.

В гомеровских поэмах мы находим упоминания об отдаленных и первобытных народах Севера как о народах «счастливых» и «справедливых», не знающих разрушительного действия тех сил, которые разъедали античное общество.

С увеличением роли рабства в хозяйстве и с усилением классовой борьбы утопические тенденции в античной литературе сделались еще более явными. Развился специальный жанр утопического философско-географического романа, целью которого было изображение справедливого социального порядка, существующего на каком-либо экзотическом и изолированно расположенном в океане острове. Зачатком нового жанра может быть признано описание Атлантиды в диалогах Платона «Тимей» и «Критий», где изображалась жизнь необычайного народа атлантов. Описание острова, на котором жили атланты, во многих чертах соответствовало тому, с чем мы познакомились в связи с характеристикой «Островов блаженных», созданной на реальном географическом материале, почерпнутом из впечатлений от острова Мадейры и Канарских островов.

По мере развития нового жанра и углубления его социально-утопической стороны в нем все более экзотические и яркие краски приобретала географическая сторона. В качестве примера можно привести такие произведения, как «Священная летопись» Эвгемера, в которой описывается чудесный остров Панхайя, и «Государство Солнца» Ямбула, написанные в III веке до н. э. и известные лишь по краткому пересказу Диодора. И Панхайя у Эвгемера, и Солнечный остров у Ямбула находятся где-то к югу от Аравии среди вод Индийского океана и своими природными условиями соответствуют островам Мадагаскар или Цейлон, о которых после походов Александра Македонского и плавания Неар-

ха — в эпоху написания рассматриваемых нами произведений — в географическую литературу могли проникнуть различные сведения.

Остров Панхайя

Жизнь на острове Панхайя протекает при царях-богах Уране, Кроносе и Зевсе, во многом напоминая описания жизни на «Островах блаженных» или на гомеровском острове Сирия. Жители Панхайи не знают частной собственности на землю. Убойный скот и сельскохозяйственные продукты поступают на общественные склады. Всеми общественными делами на Панхайе заправляют жрецы как наиболее разумные члены общины, а ремесленники и художники по общественному положению ставятся с ними в один ряд. Система распределения продуктов, основанная на принципе равенства, предусматривает поощрительные премии для лучших работников. Все это мы узнаем из «Исторической библиотеки» Диодора:

«(V, 42) Что касается самой Панхайи, то остров обладает многими достопримечательностями исторического значения. Он населен людьми местного происхождения, называемыми панхейцами, тогда как иностранцы зовутся океанитами, индийцами, скифами и критянами. На острове имеется большой город, называемый Панара, необыкновенно благоденствующий. Его жители называются приспешниками Зевса Трифилия. Одни лишь обитатели острова Панхайя живут по своим собственным законам и не имеют царя над собою. Ежегодно избирают они трех правителей. Эти правители не имеют права выносить смертные приговоры, но судят по прочим делам. Во всем важнейшем они обращаются к жрецам. Стадиях в шестидесяти от Панары находится храм Зевса Трифилия, стоящий на равнине и почитаемый за его древность, красоту сооружения и местонахождения.

(43) Местность вокруг храма покрыта разнообразной растительностью, не только приносящей плоды, но и радующей глаз. На равнине растут кипарисы огромной величины, платаны, лавры и мирты, между которыми бьют многочисленные

родники. Недалеко от священной ограды бьет такой сильный родник сладкой воды, что он обращается в реку, по которой могут плыть лодки. Вода из этой реки проведена в разные концы равнины, она орошает леса из высоких деревьев, где множество людей проводит летнее время и где масса птиц вьет гнезда и услаждает слух своим пением. Там много различных садов и лугов, с разнообразными кустами и цветами...

Там были пальмы с могучими стволами и прекрасными плодами, разных сортов ореховые деревья, приносящие жителям богатое пропитание. Вдобавок ко всему этому там растет в большом количестве виноград разных сортов, лозы его вьются высоко, их переплетения приятны глазу и доставляют радость без приложения труда...

(45) Между горами и в других местах страны панхейян живет много разнообразных зверей. Там много слонов, львов, леопардов, газелей и огромное число разных других животных, различного вида и удивительной силы. На острове было еще три больших города: Гиракия, Далида и Океанида. Вся страна очень плодородна и производит много вина разных сортов. Люди ее воинственны и употребляют боевые колесницы на древний манер. В политическом отношении они делятся на три категории: первая — жрецы, к которым присоединены и ремесленники, вторая — земледельцы, а третья — воины, к которым прибавлены пастухи. Жрецы верховодят во всех делах, решают споры и руководят общественными делами. Земледельцы, обрабатывающие землю, приносят урожай в общественные склады, и тот из них, кто лучше работал, получает особое вознаграждение при разделе, а жрецы решают, кто из них первый, кто второй, и так до десяти, и это делается для поощрения остальных. Так же точно пастухи пригоняют жертвенных животных и всех других в общественные гурты, с точным указанием их числа и веса. Ничто там не является личной собственностью, за исключением дома и сада, доходы же все сдаются жрецам, которые делят все справедливо, давая каждому его долю, жрецы же одни получают вдвойне...»

Еще далее по линии развития социально-утопических общественных порядков, соответствующих народно-мифологическим мечтаниям о «золотом веке», уводит читателя картина, нарисованная в «Государстве Солнца» Ямбула.

Остров Солнца

На Солнечном острове все жители трудятся равно и все работы исполняются по очереди. Производство и потребление продуктов одинаково регламентируются, вплоть до установления рациональных смен растительной и мясной пищи. Справедливость является высшим благом «Солнечного государства». В нем при обобществлении средств производства и потребления прокламируется также общность жен и совместное воспитание всех детей.

Ямбул рисует природу, жизненные условия, так же как и самих обитателей Солнечного острова, в подчеркнуто сказочных тонах. Остров находится где-то близ экватора, что обеспечивает его жителям постоянное равенство дня и ночи и прекрасный умеренный климат, подобный «вечной осени». Плодородная почва производит в изобилии всевозможные плоды. Горячие и холодные источники содержат воду для питья и купания. Люди, живущие на острове, отличаются гармоническим телосложением, эластичными членами, лишенной растительности кожей. Они обладают необыкновенной силой и красотой. Ямбул попадает на этот остров после разного рода сухопутных и морских приключений.

Диодор, «Историческая библиотека»: «(II, 55) Что же касается острова, открытого в океане на юге, и чудесных рассказов про него, то мы считаем должным сообщить кратко об этом, после того как расскажем об обстоятельствах, приведших к его открытию. Жил некий Ямбул и с детства был предан обучению, а после смерти отца, который был торговцем, сам занялся его делом. Отправившись за благовониями в Аравию, он и его попутчики были захвачены разбойниками. Сначала он вместе с одним из пленников был определен в пастухи, но потом они были захвачены эфиопами и уведены на эфиопийский берег. Их похитили затем, чтобы они, будучи чужеземцами, послужили для очищения страны. И вот эфиопы, устроив ночной праздник на берегу моря, по принесении жертв, украсили венками из цветов тех людей, которые посылались на остров для совершения очищения. И эти люди, проплыв по большому морю, кидаемые четыре месяца бурей, прибы-

ли к тому острову. Он был круглый и имел в окружности около 5000 стадий. (56) Климат [Солнечного острова] весьма умеренный, имея в виду, что он находится у экватора и жители не страдают ни от жары, ни от холода. Плоды на нем спеют круглый год, подобно тому как пишет поэт:

Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Гроздь же за гроздью, пурпурные, там созревая, сменялись.

[«Одиссея», VII, 120–121]

И день там всегда столь же долог, как и ночь, и в полдень ни один предмет не отбрасывает тени, так как солнце находится в зените.

(57) Островитяне живут родственными и общественными группами, не превышающими 400 человек. Члены этих общин проводят время в лугах, так как земля приносит им все необходимое. Благодаря плодородию острова и умеренности климата плоды произрастают сами собой, в количестве большем, чем им нужно для пропитания... На острове много родников — те, что с теплой водой, служат для омовения и избавления от усталости, вода холодных — прекрасна на вкус и сообщает бодрость...

Жители [острова] весьма долговечны, они живут до ста пятидесяти лет, почти никогда не испытывая болезней. Если же кто становится калекой или страдает от физической немощи, то в силу необходимого закона он должен сам уйти из жизни. И есть у них еще закон, по которому они должны жить лишь определенное количество лет. По прошествии их они должны сами умирать удивительной смертью: у них есть растение особого рода, и если кто ляжет под него, то легко засыпает и умирает. (58) Они не вступают в брак, но воспитывают детей сообща, обращаясь с ними, как если бы они были родителями им всем, и любят их одинаково. Кормилицы часто меняют младенцев по порядку, чтобы матери не могли знать своих детей. И так как между ними нет никакого соперничества, они не испытывают общественных несогласий, придавая высокую цену внутреннему правопорядку».

Этот литературный жанр, как мы легко могли убедиться, довольно тесно связан с определенного рода географи-

ческой литературой, такой, как, например, описание плавания Эвдокса. Породившие же его идеи оказывали влияние на более серьезную географическую и этнографическую литературу. Черты «атлантизма» и социальной утопии неоднократно проступают у авторов, описывающих экзотические и первобытные племена. Они очень ярки у Страбона в его описании племени кавказских албанов. Особенно же отчетливо эти признаки проявились у Плиния при описании общественного устройства жителей острова Тапробан (Цейлон). В описании Плиния можно одновременно наблюдать влияние и жанра географического романа, и социально-утопических идей.

Остров Тапробан

Плиний сообщает в книге VI своей «Естественной истории», что знакомство с общественными порядками острова Тапробан произошло благодаря вольноотпущеннику римского откупщика Анния Плокама, жившего в I веке н. э. и ведавшего сбором пошлин на берегах Эритрейского моря. Во время плавания этот вольноотпущенник бурей был занесен на остров Тапробан. Прожив там некоторое время, он изучил сингалезский язык, а затем возвратился вместе с послами от тапробанского царя к императору Клавдию. Плиний рассказывает об этом так:

«Естественная история, VI, 86): «До сих пор мы передавали древние предания, однако при императоре Клавдии мы получили более точные сведения об острове Тапробан, и даже послы с этого острова прибыли в Рим. Вот как это случилось. Анний Плокам собирал для казны пошлину на Красном море; один из его вольноотпущенных, плывший в Аравию, был занесен бурей дальше Кармании. Он прибыл на пятнадцатый день в Гиппур, порт на Тапробане. Принятый с радушием царем и изучив за шесть месяцев местный язык, он рассказал царю о римлянах и императоре. Царь, решив завязать с ними дружбу, отправил в Рим четырех послов во главе с Рахией. От них мы узнали, что на острове 500 городов, порт на южной стороне, близ города Палезимунда, самого прекрасного и [являю-

шегося] царской резиденцией с 200 000 жителей. Самый близкий от острова мыс Индии называется Колиакум, в четырех днях пути, а посередине находится остров Солнца. Море там светло-зеленого цвета и полно растений, которые цепляются за рулевые весла. Послы любовались у нас на Большую Медведицу и Плеяды, небо для них было как бы ново. Они уверяли, что и Луна у них видна над землей только с восьмого по шестнадцатый день [месяца]. Они рассказывали, что у них ночью блеснит Канопа — большая звезда с ярким светом; но что их удивляло больше всего, так это то, что тень от их тел падала в сторону нашего, а не их неба и что Солнце подымалось слева и заходило справа, вместо того чтобы проделывать это в обратном порядке. Они говорили, что их богатства больше наших, но у нас больше [частные] состояния. У них нет рабов. У них не спят утром допоздна или в течение дня, дома не высоки, цены на хлеб всегда одинаковы, нет ни судей, ни наказаний. Почитают они Геракла, в цари выбирают старца, отличающегося мягким характером».

Плиний отмечает, как видим, черты социальной справедливости в общественном устройстве острова Тапробан как бы в противовес римским политическим порядкам времен ранней империи, которыми он, Плиний, будучи сторонником сенаторской партии, имел основания быть недовольным.

Среди недавних находок греческих надписей на берегу Красного моря получено подтверждение реального существования раба или вольноотпущенника Анния Плокама, по имени Лисас, примерно в указанное Плинием время. Он оставил надпись на греческом и латинском языках и этим зарекомендовал себя в качестве грамотного человека. А это обстоятельство заставляет допустить, что Плиний, вероятно, воспользовался каким-либо сочинением этого Лисаса, имевшим социально-утопический характер и отражавшим мечты и надежды низших слоев античного общества в такой же, а может быть, даже и в большей мере, чем это имело место в произведениях Эвгемера и Ямбула.

Из пересказа, содержащегося в тексте Плиния, явствует, что как природа острова Тапробан, так и социальное устройство населения во многом напоминает порядки Солнечного острова Ямбула, послужившие в известной степени прото-

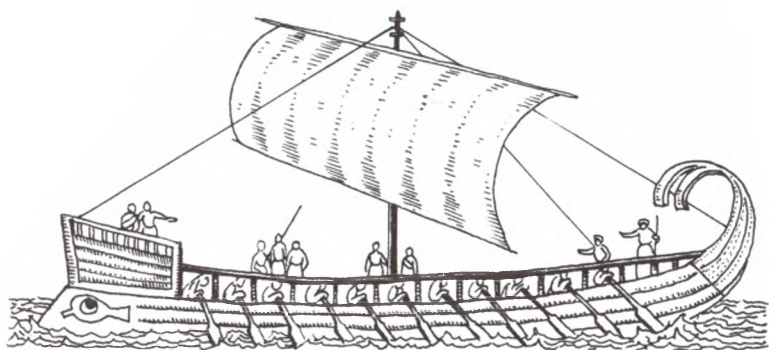
типом для исторически реального «Солнечного государства», созданного восставшими пергамскими рабами под руководством их вождя Аристоника в Малой Азии в 30-е годы II века до н. э.

Из всего сказанного следует, что носители социально-утопических и революционных идей древности — поэты, философы и ученые, бывшие нередко сами выходцами из рабов, — весьма охотно пользовались соответствующей географической литературой и сами прибегали к жанру географического романа для популяризации своих социальных мечтаний, поскольку география заокеанских стран была связана с представлениями о чудесных землях с райским климатом и плодородием, населенных людьми, живущими по справедливым законам, в условиях «золотого века». Картины эти служили живым укором тем общественным порядкам, которые утвердились в средиземноморских странах, но которые, как твердо верили эти античные мечтатели, должны исчезнуть с наступлением нового «золотого века».

Наряду с этими социальными мечтаниями мы находим в рассказе Плиния все аксессуары, характеризующие жанр «океанского романа»: тут и кораблекрушения, и бури, и водоросли, препятствующие продвижению судна, и чужие созвездия на небе, и тень, падающая не в ту сторону, как в Северном полушарии, и Солнечный остров поблизости от Тапробана, как бы для пушей связи этого рассказа с островом Солнца Ямбула.

География, в особенности же описания экзотических стран, наполненные мифическими подробностями, давала для ищущих и недовольных умов древности весьма благоприятную пищу. Океанские плавания, сообщая тем, кто знакомился с их описаниями, всю остроту путешествия в неизвестность, вызывали в читателях также ощущение возврата в отдаленное, счастливое и блаженное прошлое человечества, в образе которого отдельные умы пытались предвосхитить и угадать черты вожделенного будущего.

Древние представления о северных странах

Маршруты возвратного плавания аргонавтов

Сказание об аргонавтах со всеми его вариантами, возникшими на протяжении того долгого времени, пока эта легенда продолжала питаться за счет эпической поэзии и других жанров античной литературы, весьма интересно в историко-географическом отношении. История его показывает, как легендарная география приспособлялась к географии реальной.

В основе сказания о походе аргонавтов лежит беотийская культовая легенда о Фриксе, сыне орхоменского царя Атаманта, спасшегося бегством на овне с золотым руном, в то время как его должны были принести в жертву Зевсу Лафестию. С ней переплетается фессалийская легенда о царе Пелии и его племяннике Ясоне, мстителе за своего отца, несправедливо лишенного престола в Иолке — одном из древнейших центров торговли на Пагасийском заливе, служившем гаванью и для расположенного в глубине материка Орхомена. Торговая слава Иолка связана с судьбой древней-

шей Калаврийской амфикионии (союза городов), в состав которой, помимо Иолка (Орхомена), входили также города Гермiona, Эпидавр, Эгина, Афины, Прасии и Навплия и под знаком которой происходила колонизация северных островов Эгейского моря и северных (эолийских) берегов Малой Азии⁴⁴.

Упоминание о «прославленном» корабле «Арго» в «Одиссее» заставляет предполагать существование в эпоху создания гомеровских поэм соответствующей эпической песни⁴⁵. О том, что она вошла в известной доле в «Одиссею» и послужила материалом для описания Одиссеевых приключений на море, заставляет думать присутствие в «Одиссее», помимо эпизода со сталкивающимися скалами — Планктами, где имеется прямая ссылка на предшествующую аргонавтику, также и эпизодов «Скилла и Харибда», «Сирены», «волшебница Кирка», «лестригоны», «остров Тринакрия», одинаково известных гомеровскому эпосу и эпосу об аргонавтах.

Таким образом, IX и X песни «Одиссеи» дают известное представление и о древнейшей эпической аргонавтике, которой в такой же мере, как и «Одиссее», была свойственна значительная неопределенность в географической локализации как упомянутых выше, так и многих других эпизодов.

Но если для «Одиссеи» возможны споры относительно «океанизма» Одиссеевых странствий, то миф о походе аргонавтов предполагает плавание по океану в качестве неременного условия. Знания о гомеровской географии позволяют представить себе, что в эпоху сложения древнейшего эпоса о походе аргонавтов водные пространства за пределами Эгейского моря казались еще достаточно неопределенными и представление о границах моря сливалось с представлением об Океане как об омывающем землю потоке, берега и острова которого населены обитателями потустороннего мира.

Трудно сказать, предполагалось ли плавание корабля «Арго» сразу же как кругосветное плавание и позволяли ли тогдашние представления об ориентации такое плавание себе вообразить. Но во всяком случае, пример «Одиссеи» показывает с несомненностью, что даже гомеровский эпос, знавший четыре стороны света и четыре дующих в соответствующих направлениях ветра, весьма далек от какой бы то ни было

определенности в ориентации Одиссеевых странствий. Не было этой определенности не только в эпической поэзии, ее не было, видимо, и в реальной географии эпохи колонизации, ибо если тогдашние греческие мореплаватели, несомненно, умели отличать практически северо-западное направление от северо-восточного, они не могли осмыслить этой разницы теоретически, и людям, плывущим на северо-запад, несомненно, не раз казалось, что они плывут туда же, куда и мореплаватели, поворачивавшие на северо-восток. Этим, скорее всего, следует объяснить наличие одинаковых мифических и этнических имен как на севере, так и на востоке: двойную локализацию острова Ээи, Схерии, Эритии, дублирование племенных наименований иберов (в Испании и на Кавказе), элимов (в Сицилии и в Малой Азии), тирренов (в Италии и в Эгейском море) и т. п.

Позволительно думать, что сама идея кругосветного плавания «Арго» могла появиться уже при наличии определенной мифологической и культовой традиции, утверждавшей пребывание «Арго» в тех или иных пунктах его средиземноморского маршрута, непонятное без предположения о кругосветном плавании.

Первоначальная аргонавтика оперировала географическим и мифологическим материалом, почерпнутым из опыта освоения северо-западных берегов Малой Азии, Фракии и Пропонтиды. Коринфская экспансия на запад шла также под знаком аргонавтики. Эвмел обогатил аргонавтику коринфским (Эвмел саму Медею производил из Коринфа) и коркирским эпизодами, а также, может быть, некоторыми эпизодами, связанными с плаванием аргонавтов по Адриатическому морю.

Колонизация Сицилии и берегов Италии привела аргонавтов в Тирренское море и на остров Эльба. Насколько позволяют судить отдельные места «Теогонии», эпическая аргонавтика обязана Гесиоду немало в разработке западного маршрута аргонавтов. Именно он заставляет Ээту и Кирку отправиться на солнечной колеснице в Италию и помещает в связи с этим в Тирренском море соответствующие эпизоды аргонавтики. Колонизация Киренаики также повлияла на аргонавтику. У Пиндара в IV пифийской оде, посвящен-

ной царю Кирены Аркесилаю, находим отчасти тот материал, который обогатил аргонавтику ливийским эпизодом, сопряженным с плаванием аргонавтов по Южному океану и Тритонидскому озеру, встречей с Тритоном и, наконец, с введением в число аргонавтов Эвфема, героя-родоначальника острова Феры, колонизовавшего Кирену.

Можно представить себе, что та аргонавтика, которая была использована в «Одиссее», обнимала в своем повествовании маршрут по известной части Черного моря. Как далеко — трудно сказать с точностью, но, во всяком случае, «Илиада» знает уже реку Сингарий, впадающую близ Гераклеи Понтийской, а также племя кавконов, населявших территории в районе той же Гераклеи, занятые позднее мариандинами. Несомненно, что локализация Эи и Колхиды на кавказском берегу Черного моря не имела места в ранней аргонавтике. «Одиссея» помещает к востоку от Эи Планкты — блуждающие скалы, преграждающие дорогу к выходу в океан. Позднее, отождествляемые иногда с Планктами, Кианеи были локализованы при выходе из Боспора Фракийского (Константинопольского пролива) в Черное море.

Эта локализация могла основываться на достаточно древних представлениях, связанных прежде всего с тем, что довольно сильное течение, возникающее иногда в Константинопольском проливе, должно было служить серьезным препятствием для древних парусных судов. Самое имя Колхиды на Кавказе произошло, вероятно, из столкновения греческого χαλχός — медь с засвидетельствованным уже Гекатеем именем кавказского племени колов (Κόλοι) и колхов (кулха древнеуратских текстов), а также и самих уратов-халдов (калду, Καλδαίοι у Стефана Византийского, помещающего их близ Колхиды).

Халкида⁴⁶ — Халкидика — Халкитида — Халкедон — вот тот вероятный путь, который предшествовал проникновению этого имени на Кавказ. Оно возникало там, где наличествовал соответствующий металл. Милетские мореплаватели направились на Кавказ, привлеченные серебром, медью и железом, может быть, уже Гомеру известных халибов, локализация которых в пределах южного побережья Черного моря подвергалась в древности значительным колебаниям —

от области к западу от реки Галиса до Котиоры и предгорий Кавказа. Легкость перетолкования Халкиды в Колхиду подтверждается наличием параллельных форм Халкедон — Калхедон на северном берегу Малой Азии, на пути аргонавтов в Черное море.

Упоминание Колхиды на Кавказе отсутствует не только в гомеровском эпосе, но и в более поздних произведениях Гесиода, Эвмела и Мимнерма. Само имя Кавказа встречается впервые у Гекатея, а вслед за ним у Эсхила. Последний, однако, локализует его не на востоке, а на севере Причерноморья, отождествляя, видимо, с Рипейскими горами, Под этим наименованием Кавказ известен был в финикийской и библейской географии (Рифат Библии, Рафа апокрифической Книги юбилеев).

Необходимо отметить сохранившееся в виде некоторых косвенных указаний в источниках колебание в выборе северного или южного маршрута вдоль берегов Черного моря. Для доказательства существования северного маршрута может быть привлечен в качестве свидетельства отрывок из Гесиода, где речь идет о Финее, гонимом гарпиями на север, «в земли галактофагов, живущих на повозках». Именем галактофагов гомеровский эпос обозначает, по распространившемуся уже в древности мнению, северочерноморских скифов. Из других данных, позволяющих говорить о северочерноморском маршруте, упомянем факты, свидетельствующие о локализации Колхиды и Фасиса на Боспоре Киммерийском.

Южный маршрут возобладал, несомненно, лишь с утверждением и умножением греческих колоний на берегах Пафлагонии, Каппадокии и Кавказа. Путешествие аргонавтов вдоль берега Малой Азии стало излагаться с включением в него местных генеалогических и культовых мифов и с упоминанием местных легенд о Синопе, Сезаме и т. д. Имена Ээта и Медеи были при этом связаны с местной топонимикой. Имя же брата Медеи Апсирта являлось, быть может, и в действительности местным, кавказским по происхождению, поскольку в других версиях имя этого персонажа засвидетельствовано как Фаетон или Эгиалей; имя же Апсирт (Аксирт) восходит к Ферекиду и сопоставляется с наименованием важного торгового пункта и гавани Апсар, между Тра-

пезунтом и Фасисом, которое уже древними толкователями производилось от имени Апсирта.

Наряду с местными источниками милетские рапсоды в погоне за сказочными подробностями обращались, однако, и к другим данным. При описании подвигов Ясона в Колхиде к сказанию были приплетены подробности, заимствованные из беотийско-ионийских рассказов о Кадме, убийстве им дракона и о посеве драконовых зубов, из которых выросли земнородные люди; рассказ о стерегущем руно драконе и о его убийстве Ясоном также имеет своим прототипом сказание о Кадме, которое было известно не только на беотийской, но и на малоазийской почве. После того как границы средиземноморского бассейна определились точнее, для мифа, стремившегося вывести «Арго» в океан, стали возникать все более и более серьезные препятствия. Черное море не соединялось непосредственно с океаном, и Кианей-Планкты прочно стали у входа в него из Боспора Фракийского. Между тем стремление к объединению восточного и западного маршрутов понуждало мифотворческую фантазию к преодолению этих препятствий, выставленных реальной географией.

Первые указания на поиски такого «круглого» пути находим у Гесиода, ведущего аргонавтов из Черного моря в океан по реке Фасис и далее вдоль берегов Азии в Ливию. Аргонавты переносят свое судно на руках от берега океана до Тритонова озера, откуда Гесиод ведет их к Сирту, в Средиземное море. Подобный маршрут согласовался с теми географическими представлениями, которые мы застаем на заре ионийской науки, как они были запечатлены на карте Анаксимандра, составленной в первой половине VI столетия до н. э. и делящей мир, имевший форму диска, окруженного океаном, на две части (на два материка — Европу и Азию). Меотида соединялась с океаном посредством Фасиса. Подобное разделение мира основывалось, в частности, на мифологическом представлении, удерживавшемся и в более поздние времена, будто все водные бассейны, реки и источники возникают из океана и исчезают в нем. Отсюда и возникло представление о Фасисе как о границе материков. Представление о Ниле как о реке, тоже соединяющейся с океаном и отде-

ляющей Азию от Ливии, Гесиоду, несомненно, еще известно не было, иначе он не заставил бы аргонавтов совершать пеший переход от ливийского побережья океана до Тритонова озера, с «Арго» на плечах.

Вслед за Гесиодом подобным же путем ведет аргонавтов Пиндар, а также Антимах в его утраченной поэме «Лида».

Гекатей Милетский, впервые подытоживший опыт ионийской географии, обогащенный данными греческого мореплавания и колонизации, знал мир от Тартесса до Инда и привел это знание в систему, господствовавшую в общих чертах вплоть до эпохи Александра Македонского. Он привнес несколько существенных дополнений к карте Анаксимандра, которую в исправленном виде приложил к своему «Землеописанию». На этой карте им был показан Нил в качестве реки, разделяющей азиатский материк и выделяющей из него Ливию. По догадке Гекатея, видоизменяющей версию Гесиода и его последователей, аргонавты должны были, покинув Эвксинский Понт и по Фасису выйдя в океан, возвратиться в Средиземное море по Нилу. Трудно, впрочем, предположить, чтобы Гекатей в качестве географа, а не мифографа мог допустить реальную возможность плавания в океан по Нилу или Фасису без волока. Вероятней всего, он имел в виду лишь приближение истоков этих рек к берегу океана, так что в этом отношении его представления совпадали, вероятно, с представлениями Гесиода, а привнесенная им поправка предполагала лишь более естественный и короткий путь. Но при этом не следует упускать из виду того, что если Гесиод относился к сказанию об аргонавтах как поэт, ищущий лишь художественной логики и убедительности, то Гекатей впервые, может быть, в греческой литературе подошел к этому мифу как ученый-рационалист, взглянув на дело с чисто практической стороны.

Для Гесиода, как и для авторов начального эпоса об аргонавтах, плавание по океану было потусторонним плаванием. Однако ко времени Гекатея накопилось немало фактов, устанавливающих реальную возможность океанических плаваний. Финикийцы в это время выходили уже за Геракловы столпы (Гибралтар) и основывали свои фактории на берегах Атлантического океана, а Геродот сохранил для нас предания

об океанических плаваниях, совершенных в VII—VI веках до н. э. Речь идет о путешествии финикийцев вокруг Ливии по почину фараона Нехо и плавании грека Скилака, по поручению персидского царя Дария Гистаспа, из Индии в Эритрейское море.

Распространение географических знаний в V веке до н. э. привело к тому, что рационалистическая мифография стала отказываться от океанического маршрута аргонавтов ввиду невозможности выхода в океан из восточной части средиземноморского бассейна. Геродот и предшествующий ему Геродор из Гераклеи ведут аргонавтов из Колхиды в Элладу тем же путем, каким они туда прибыли, то есть по Черному и Эгейскому морям. Версию эту, как свидетельствует комментатор Аполлония Родосского, принял и Софокл в «Скифах», сделав это с тем большей легкостью, что драма была в силу своей художественной специфики мало заинтересована в географической стороне дела. Эта версия, однако, убивала художественно-мифологическое зерно сказания, питавшееся сказочно-географическими представлениями, и эпос в своем развитии не мог с нею примириться.

Мифотворческая мысль и следовавший за ней эпос обратились на поиски других возможностей. Одной из таких возможностей, которой суждено было долговременное развитие и широкая популярность в мифографической литературе, стал возвратный путь по реке Танаису в Северный океан, а оттуда вдоль западных берегов Европы по Атлантическому океану, через Геракловы столпы в Средиземное море (толчком к чему послужили данные, сообщенные в перипле массалиота Питея в IV столетии до н. э.). От предшествующего этот маршрут отличается тем, что он предполагал возможным плавание по Северному океану, в чем сомневался Геродот, впервые, может быть, констатировавший полную неизвестность северных стран как в реальном, так и в мифико-географическом отношении.

Из сказанного следует заключить прежде всего, что, хотя возможность северного океанического маршрута существовала и раньше, она не использовалась ни мифографией, ни эпосом, нуждавшимся, очевидно, в каком-либо прецеденте или в сопроводительном легендарно-географическом

материале, который полностью отсутствовал. И так же, как в отношении южного маршрута, опиравшегося на сообщения о финикийских плаваниях вдоль южных берегов Африки, толчком к использованию северного маршрута послужили сообщения о плавании Питея из Массалии в IV столетии до н. э. к острову Туле и далее на восток.

Наиболее раннее упоминание о североокеаническом маршруте аргонавтов содержится в схолиях (комментариях) к Аполлонию Родосскому (со ссылкой на Скимна Хиосского — автора, жившего, быть может, несколько раньше Аполлония), где говорится, что аргонавты достигли области Северного океана по Танаису, откуда перенесли «Арго» на копьях до океанского берега.

Версия Скимна, под именем которого сохранился не принадлежащий ему, однако, перипл Средиземного и Черного морей, претендовала на известный рационализм, хотя и вела аргонавтов по весьма неизведанному маршруту.

Танаисская версия могла быть достаточно популярна в эпоху расцвета Боспорского царства и активных сношений Греции с меотийской Скифией. С этим предположением согласуется утверждение Диодора, что многие древние и новые писатели вели аргонавтов возвратным путем по Танаису. Из их числа Диодор называет, однако, одного лишь Тимея из Тавромения, известного историка первой половины III века до н. э.

В своем описании маршрута аргонавтов Тимей проводит их по Танаису к его верховьям, откуда они волоком перетаскивают свой корабль к верховьям другой реки, впадающей в Северный океан. Достигнув последнего, аргонавты плывут к Средиземному морю, имея слева от себя европейский материк. Миновав Гадес (Кадикс), они вступают в Средиземное море и направляются к берегам Италии.

На начертание подобного маршрута могли повлиять какие-либо сведения о возможности сообщения по европейским рекам между Черным и Балтийским морями, которое и было принято Тимеем за Северный океан. Перед его глазами, кроме того, несомненно, был перипл Питея, описывавший плавание от северных берегов Европы мимо Испании в Средиземное море. Под впечатлением этих географиче-

ских идей, развитых Тимеем, тем же маршрутом ведет аргонавтов и Дионисий Скитобрахий — мифограф, написавший свою «Аргонавтику», послужившую источником для Диодора Сицилийского, на рубеже II—I столетий до н. э.

Эти же географические представления отразились в сложном и запутанном маршруте, каким ведет аргонавтов в результате одновременных наслоений «Аргонавтика», приписываемая мифическому Орфею. Первоначально, как и в древнемилетском эпосе, аргонавты следуют по Фасису, затем по Сарангу, притоку индийской Гиароты (Гидраорты) — деталь, навеянная, несомненно, мифической географией похода Александра Македонского, — к Киммерийскому Боспору, далее через Меотиду и по Танаису, сквозь ущелье в Рипейских горах, в Северный океан, воспроизводя, следовательно, в этой части маршрута танаисско-океаническую версию Тимея из Тавромения. Далее путь аргонавтов лежит по океану, мимо Иернских островов (то есть Ирландии — наименование, проникшее в Псевдо-Орфееву «Аргонавтику» лишь в позднеэллинистическое время, так как имя это в литературе встречается впервые у Страбона и Диодора), через Геракловы столпы в Средиземное море.

Однако та критика, которой были подвергнуты сочинения Питея и основывавшегося на них Тимея, со стороны Дикеарха, Полибия и Страбона и отрицание возможности какой-либо связи Танаиса с Северным океаном не могли не повлиять и на судьбу мифа об аргонавтах. Во всяком случае, уже в эллинистическую эпоху на смену танаисскому маршруту приходит еще одна версия, которой более всего повезло в позднеэллинистические времена. Эту версию можно считать последним важным этапом в истории мифического маршрута корабля «Арго».

После того как плавание по Черному морю стало делом совершенно прозаическим и обыкновенным и выяснилось, что выход из черноморского бассейна в Северный океан через реки Фасис и Танаис отсутствует, в распоряжении художника оставалась еще одна, как будто бы и реальная, но в то же время совершенно неизведанная возможность плавания в западном направлении по реке Истру (Дунаю). Относительно этой реки, истоки которой были выяснены с точностью

лишь в конце I века до н. э., уже в IV столетии до н. э. распространилось мнение, будто она имеет два устья, впадающие одно в Черное, другое в Адриатическое море. Основанием для этих мифико-географических представлений служили, несомненно, те смутные сведения о торговом судоходстве по европейским рекам, на которые мы уже ссылались при обсуждении танаисского маршрута, и легенды, связанные с торговлей янтарем в адриатических городах.

Сведения о Дунае очень медленно становились достоянием греческой географии. Если Гесиод называет лишь его устье, то Эсхил указывает и его истоки в Рипейских горах. Геродот ищет их в Пиренеях (II, 33: «у города Пирены»). Он называет также некоторые из притоков Дуная, но они с трудом поддаются отождествлению на современной карте. О течении Дуная и его берегах в III—II столетиях до н. э. было известно очень мало. Именно поэтому в греческой науке, начиная уже с Аристотеля и вплоть до Гиппарха, господствовала теория разделения русла Дуная на две ветви. Помимо тех оснований, о которых уже говорилось выше, для поддержания этой теории служили смутные данные о связи Адриатического и Черного морей. Так, в перипле Псевдо-Скилака (§ 21) сообщается о реке Истр, впадающей в Адриатическое море, и говорится: «Эта же река впадает и в Понт». Теорией этой, имевшей хождение в самой серьезной науке, воспользовалась немедленно мифографическая и эпическая литература.

Несколько более отвлеченно (и поэтому более приемлемо для эпоса) выразил свой вариант разделения Дуная Тимагет, автор сочинения «О гаванях», живший в IV столетии до н. э. По его мнению, Истр, вытекая из Кельтских гор, протекает через Кельтское озеро и разделяется вслед за тем на два рукава, из которых один впадает в Кельтское, а другой в Черное море. Близкую точку зрения содержит схолий к Аполлонию Родосскому (IV, 284), в соответствии с которым Истр, вытекая из Гиперборейских гор, дойдя до местности между Скифией и Фракией, разделяется надвое, при этом один рукав впадает в Эвксинское, а другой в Тирренское море.

Весьма вероятно, что последняя из изложенных схем разделения Дуная, с двумя его устьями — в Черном и Тирренском морях, принадлежит Тимею, сочинение которо-

го, несомненно, было использовано Каллимахом. известным александрийским поэтом III столетия до н. э., в его «Причинах». Каллимах ведет аргонавтов, подобно Геродору и Софоклу, обратным путем через Пропонтиду, а погоню за ними направляет также и по Истру. Об этом свидетельствует упоминание им о колхах в Истрии, равно как и указание схождения к Аполлонию Родосскому (IV, 498) на то, что, по Каллимаху, часть колхов, заплывшая в Адриатику, не нашла аргонавтов; нашла же их та часть, которая прибыла через Боспор в Коркиру. Каллимах был первым из поэтов, последовавших за Тимеем и Тимагетом в использовании Истра для плавания аргонавтов. Каллимах пользуется Тимеем весьма широко и при локализации отдельных эпизодов, и при описании самого пути.

Трудно сказать, в какой степени воспользовался Каллимах существовавшими в эллинистическую эпоху представлениями о связи бассейна реки Родан (Роны) с Эриданом (По) и, в свою очередь, со впадающим в Северный океан Эриданом-Рейном. Судя по тому, что их использует зависящий от Каллимаха Аполлоний Родосский, следует полагать, что, плавание по Рейну-Эридану наличествовало уже у Каллимаха, который навряд ли отказался бы от этого столь важного в художественно-мифологическом отношении штриха, позволяющего связать дунайский маршрут аргонавтов с океаном.

Аполлоний Родосский — ученый-поэт, современник, выученик и соперник Каллимаха, использовал в своей аргонавтике большой историко-мифологический, географический и этнографический материал. Однако и он не мог сообщить почти никаких подробностей о дунайском пути, по которому посылал аргонавтов, после того как они изучили этот маршрут по карте, якобы оставленной в Колхиде египтянами. В своем выборе возвратного маршрута аргонавтов Аполлоний Родосский следует Тимагету. Однако описание течения Дуная (Истра) основано не только на представлениях Тимагета и Тимея. Аполлоний, очевидно, пользовался обоими названными авторами, но не следовал им в точности.

В описании плавания по Дунаю Аполлоний называет некоторые племена и местности, отсутствующие у других извест-

ных нам авторов. Если устье реки с его многорукавной дельтой описано, скорее всего, по Эратосфену, а Ангурские горы, отождествляемые с высотами Железных ворот, могут быть сопоставлены с именем названной Геродотом реки Ангрос (IV, 19), то Лаврийские поля и живущие на них синды могут быть отождествлены лишь предположительно с областью Страбоновых синдонов (VII, 3, 17), части племени бастарнов, которые, в свою очередь, быть может, соответствуют известным Гекатею Милетскому синдонейм. Упомянутым Аполлоном сигиннам соответствуют, вероятно, Страбоновы сигинны, локализуемые им, однако, близ Кавказа (XI, 11, 8). Из других источников не известно вовсе имя гравкениев — племени, помещаемого Аполлоном по нижнему течению Истра (IV, 321).

Дунай, по представлениям Аполлония вытекающий из Рипейских гор, разделяется на два рукава между Скифией и Фракией, у неких Кавлиакских скал, с точностью не локализующихся на современной карте (предположительно какие-либо небольшие возвышенности в районе Белграда). В отличие от Тимагета и Тимея аргонавты у Аполлония попадают не в Тирренское, а в Адриатическое море, для чего поэт воспользовался, вероятно, наличием Малого Истра, упомянутого, как мы знаем, уже Псевдо-Скилаком.

Двумя столетиями позже авторы римского времени, располагавшие значительно большими подробностями как в отношении течения Истра, так и в отношении гидрографии Паннонии и Истрии — такие, как Диодор, Страбон и Плиний, опровергавшие теорию разделения русла Дуная, но не отрицавшие истинности мифической традиции, ведшей аргонавтов по Дунаю в Адриатику, — начертали тот реальный перевалочный путь к Дунаю, которым пользовались греческие и римские торговцы и который, несомненно, имел в виду также и Аполлоний Родосский или, точнее, его географические источники. Путь этот, по описанию Плиния, шел по реке Саве до Эмоны (Любляны), где в нее впадает речка, названная по проплывшим здесь аргонавтам Наупортос (современный Лайбах). Поднявшись по Наупорту, аргонавты должны были волоком перетащить «Арго» в речку, впадающую в Адриатическое море у Тергесты (Триеста).

Необходимо отметить как весьма знаменательное явление то, что, в противоречие со своими источниками — Тимеем и Тимагетом, Аполлоний выводит аргонавтов в Адриатическое, а не в Тирренское море. Не желая, однако, опустить приключений, пережитых аргонавтами (по Тимею) в Тирренском море, и стараясь сохранить связь этого маршрута с традиционным океаническим плаванием, он ведет аргонавтов из Адриатического моря по реке Эридану (По) к Кельтским (то есть Альпийским) озерам, где эта река соединялась будто бы своими верховьями с истоками рек Родана (Роны), впадающего в Средиземное море близ Массалии, и Северного Эридана (Рейна), впадающего в Северный океан.

Плавание по Эридану и Родану описано Аполлонием в самых общих чертах, без каких-либо географических и этнографических подробностей, характеризующих предшествующие части маршрута. Это указывает на смутность представлений о бассейне верхнего течения По и ее положении по отношению к Роне; какие-либо реальные сведения на этот счет могли быть получены эллинистическими географами лишь после похода Ганнибала по кельтскому берегу Средиземного моря и перехода через Альпы в 218 году до н. э.

Добравшись до слияния рек Родана и Эридана, аргонавты у Аполлония поворачивают было по Северному Эридану в океан, но по наущению богини Геры исправляют ошибку и направляются на юг, в Тирренское море. Стремление к поддержанию древней эпической традиции сказывается у Аполлония и в том, что, несмотря на изменившиеся географические представления, он стремится всячески удержать прежние мифологические наименования и эпитеты, утратившие свою убедительность перед лицом реальных знаний. Так, глубинную часть Адриатики он продолжает называть, по примеру древнеионийских и коринфских мореплавателей, морем Кроноса — именем, с которым связано представление о загробном мире, об «Островах блаженных», и которое прилагалось к Адриатическому морю лишь в порядке перенесения на него представлений о Северном океане. Истр именуется у него «великим рукавом Океана», что должно было напоминать читателю о неразрывной связи маршрута аргонавтов с океаническим и потусторонним миром.

Валерию Флакку, римскому поэту I столетия н. э., не удалось закончить свою «Аргонавтику», насыщенную мифологическим, географическим и этнографическим материалом применительно к тому уровню, на каком эти отрасли знания находились в эпоху Страбона и Плиния. Если бы он это осуществил, то мы получили бы, вероятно, весьма подробное описание маршрута по Дунаю, Роне, а может быть, и по Рейну, так как этот подражатель Аполлония Родосского обещал, подобно ему, возратить аргонавтов домой по Дунаю. Следует думать, что прибытие аргонавтов в Адриатику связано было бы у Валерия Флакка с преодолением того трудного пути по Саве и впадающим в Венецианский залив речкам, описание которого содержится у Плиния и других названных выше авторов. Возможно также, что Валерий Флакк заставил бы аргонавтов проделывать волок через Альпы не так, как это описано у Аполлония Родосского, с переносом «Арго» на плечах, а с транспортировкой его на особых катках, как это описывал поэт Писандр в начале III века н. э., заимствуя такой способ из римской военной практики⁴⁷.

Рассмотрев различные варианты возвратного маршрута аргонавтов, мы могли убедиться в том, что мифотворческая фантазия и эпическая поэзия живо реагировали на географические открытия и новые географические идеи, возникавшие под влиянием больших политических сдвигов, вроде колонизации берегов Черного моря, походов Александра Македонского в Азию или римских завоеваний на северо-западе Европы, а также под влиянием активных торговых связей, прокладывавших новые пути в неизвестные до тех пор области.

Мифическая география аргонавтики, старавшаяся идти всегда впереди реального знания, посылала аргонавтов именно теми путями, овладение которыми представляло практический и научный интерес, как бы подзадоривая исследователей и мореплавателей. Во всех этих маршрутах Черное море и впадающие в него с севера великие европейские реки играли весьма существенную роль — наиболее значительная и интересная часть истории аргонавтики протекла в создании вариантов маршрута аргонавтов по областям Северной или Центральной Европы, под влиянием того неослабеваемого

практического и теоретического интереса, какой античная наука проявляла к познанию и освоению этих стран.

Эпос, мифографическая и генеалогическая литература оказали существенное влияние на древнюю причерноморскую топонимику. Наименования многих пунктов и даже целых племен толковались в древности из имен круга мифов об аргонавтах: так, на Кавказе мы находим реку Фасис, остров и город Эю, города Диоскуриаду, Китей и Апсар (Апсирт), несколько святилищ Фрикса, племя гениохов, названных так от возниц диоскуров Реки и Амфистрата, наконец, имя армян, производившееся от фессалийца Армена, спутника Ясона.

У берегов Меотиды находим опять-таки Фасис (Гипанис), Китей и Бриксабу, толкуемую как производное от имени Фрикса. Если к этому присоединить большое количество местных наименований, связанных с аргонавтами, на южном берегу Черного моря, то нам станет еще более ясно, какое огромное значение имело сказание об аргонавтах в культурной жизни древних обитателей берегов Черноморья и прилежащих стран.

«Аримаспея» Аристея из Проконнеса

В сообщении об отдельных северо-восточных странах и племенах Геродот (IV, 13) ссылается на Аристея из Проконнеса, о котором тут же сообщает некоторые подробности. По его словам, сын Каистробия Аристей, один из знатнейших граждан города Проконнеса, по вдохновению Аполлона после своей смерти или исчезновения, отправился к исседонам и, возвратившись обратно, составил поэму под названием «Аримаспея», в которой, видимо, излагались причины вторжения киммерийцев в Малую Азию.

Что названная весьма интересная поэма существовала в действительности (а это пытался отрицать уже Дионисий Галикарнасский, живший в I веке до н. э.), показывают сохранившиеся отрывки. В этих отрывках речь идет об исседонах, людях с косматыми волосами, и живущих далее них одноглазых аримаспах, любящих коней. Павсаний и Пли-

ний также передают, что Аристей писал в своей поэме об ари-маспах, на которых, мол, он перенес характерную для киклопов одноглазость, толкуя на основании этого и самое их имя, а также о стерегущих золото грифах, с которыми из-за этого золота воюют аримаспы. Весьма вероятно также, что к Ари-маспее может быть возведено то место в «Прикованном Прометее» Эсхила, где речь идет о горгоннах и одноглазых коневодах аримаспах, встречающихся на пути беглянки Ио.

Из сказанного об Аристее у Геродота с несомненностью явствует, что перед нами некий помощник Аполлона, его пророк, именем своим связанный более всего с Малой Азией (с Проконнесом, Артакой близ Кизика и с рекой Каистрой), но также с Сицилией и с Южной Италией, где Геродот был сам свидетелем его культа в Метапонте. Сообщение об исчезновении его, равно как и существование его в образе ворона, сближает Аристея с героизированными вождями, или ктистами (основателями общин), отождествлявшимися с божествами плодородия. В свете этих данных понятно и его «авторство» «Аримаспей» — поэмы, проникнутой идеями Аполлонова культа, сообщавшей о мифических народах гиперборейско-амазонского толка (гиперборейцах, аримаспах, исседонах), а также пророчествовавшей о нашествии киммерийцев и раскрывавшей его смысл и причины. Это обстоятельство должно служить указанием на время возникновения поэмы. Оно не может быть очень отдалено от 40–30-х годов VII столетия до н. э., когда состоялось нашествие киммерийцев, и относится, вероятней всего, к концу VII — началу VI столетия до н. э., как ее и датировали с некоторыми колебаниями уже в древности.

По мнению Аристея (в изложении Геродота), причиной нашествия киммерийцев были постоянные склоки между северными народами, которые все воюют между собой, за исключением гипербореев. Аримаспы вытеснили исседонов, исседоны — скифов, а скифы, в свою очередь, — киммерийцев, живших у Южного (то есть, очевидно, у Черного) моря. Геродот критикует Аристея, утверждая, что его повествование не согласуется с рассказами скифов. Однако версия самого Геродота, которую он, очевидно, и считает скифской версией, отличается от Аристеевой лишь тем, что скифов потес-

нили не исседоны, а ближе к ним расположенные массагеты, имени которых Аристей, по-видимому, не знает. В остальном же Геродот в точности следует «Аримаспее», что весьма важно для выяснения происхождения представлений Геродота о киммерийцах и для истории самой киммерийской легенды.

Трудно сказать, базировалась ли «Аримаспея» на той ионийской периэгесе⁴⁸, на основании которой Геродот излагает географию скифских стран и стран, лежащих к северо-востоку от Скифии, а также поправляет Аристeya. Скорее надо представить себе, что, наоборот, древняя ионийская периэгеса, составленная на основании данных греческих и иранских купцов, включила в себя также и мифико-географический материал, положенный в основу «Аримаспеи».

В пользу этого предположения говорит то, что позднейшие авторы, пересказывающие Аристeya, связывают с ним лишь мифические географические имена. К их числу может быть причислено также и, вероятно, реальное имя исседонов, известное Гекатею Милетскому. Однако более или менее реальным в географическом отношении оно могло стать лишь со времен Кира Старшего, открывшего дорогу иранским купцам в Индию. На основании этих более точных сведений ионийские периэгесы и древнеионийские карты локализовали исседонов достаточно определенно: к северу от массагетов и к востоку от аргиппеев. Впрочем, следуя этим же источникам и повторяя почти в точности перечисление племен, содержащихся у Геродота, Помпоний Мела, пользовавшийся, вероятно, картами, основанными на древнеионийских данных (в частности, картой римского ученого-энциклопедиста Марка Теренция Варрона), локализует исседонов между живущими на крайнем северо-востоке аримаспами и Меотидой. О том, что имя исседонов было связано первоначально с чисто мифическими представлениями, говорит, помимо их соседства с гиперборейями и аримаспами, засвидетельствованного «Аримаспеей», также и упоминание об исседонах (исседах) поэтом VII столетия до н. э. Алкманом в то время, когда греки еще не могли иметь определенных сведений о закаспийских странах. Впрочем, и в том, что сообщает об исседонах Геродот, достаточно мифических и преломившихся через источники культового характера черт,

а локализация их Мелой вплоть до Меотиды подчеркивает лишний раз, что мифическая география исседонов была связана с Рипейскими горами, в основе представления о которых следует предполагать Кавказ.

Рассказывая об обычаях исседонов, Геродот (IV, 26) сообщает о них то же, что ранее сообщал о массагетах (I, 216), а именно что они варят труп умершего родственника вместе с мясом различных домашних животных и поедают его. Обычай отделки золотом священных чаш, изготавливаемых из человеческих черепов, также подходит к обычаям массагетов, хотя бы в том смысле, что, по словам Геродота (I, 215), у них много золота. Несомненно, что исседоны и массагеты в его рассказе дублируют друг друга в некоторых отношениях и обоим народам свойственны «гиперборейские» черты: у массагетов нет предела жизни, но они считают весьма счастливой описанную выше смерть, а исседоны почитаются «справедливым» народом, и женщины у них пользуются равными правами с мужчинами. Следует думать, что подобная характеристика исседонов, отдельные черты которой сообщались также и массагетам, заимствована из «Аримаспеи» или из других подобных сочинений, окрашенных в тона гиперборейской легенды.

Если в рассказе о массагетах, так же как и в рассказе об аргипеях, у Геродота содержится наряду с легендарными чертами много этнографически правдоподобного материала, то в отношении исседонов, так же как и в отношении гипербореев, рассказ опирается почти лишь на одни мифологические данные. Для того чтобы представить себе более отчетливо мифические и реально этнографические связи имени исседонов, необходимо присмотреться еще к одной категории данных Геродота, на первый взгляд к исседонам отношения не имеющих. Мы видели, что с аримаспами, с одной стороны, и с массагетами, с другой, исседонов сближает общая черта — наличие у них золота.

По повествованию «Аримаспеи», широко использованному Геродотом, Эсхилом, Павсанием и многими другими писателями, аримаспы отнимали золото у живших близ Гиперборейских гор грифонов, с которыми вели из-за этого непрерывную войну; в связи с этим от нашего внимания

не должен ускользнуть рассказ Геродота, касающийся североиндийских стран и почерпнутый им, вероятно, из того же источника, что и сообщение о путешествии Скилака из Карианды, предпринятом по распоряжению Дария по Инду и вдоль берегов Эритрейского моря. Речь идет об индийских племенах, живущих к северу от того же Каспатира (Каспапира), из которого начал свое путешествие Скилак. К северу от этого, локализуемого на месте современного Кабула, пункта обитали индийские племена, образ жизни которых был подобен во всем образу жизни бактрийцев. Они были наиболее воинственными из индийцев и совершали походы за золотом через пустыню в страну, населенную муравьями величиной с собаку. Эти муравьи при рытье для себя жилищ извлекали наружу золотой песок, который и похищали у них приезжающие на верблюдах индийцы (IV, 104).

Пункт Каспапир в области Гандарике знает уже Гекатей Милетский, помещающий его «напротив скифов». Примечание Гекатея о нахождении Каспапира в известной связи со скифами позволяет отнести этот пункт к этапу (может быть, конечному) на пути из европейской Скифии в Индик), описанием которого пользовался Геродот; это описание было известно также Гекатею. Этим путем шло в Скифию индийское золото, а вместе с ним и порожденные интересом к нему легенды. Если мы обратимся теперь ко Ктесию Книдскому, младшему современнику Геродота, жившему при персидском дворе, слышавшему подобные же легенды и передававшему их в несколько иной, чем у Геродота, редакции, то мы увидим, что связь между легендами о похищающих золото у муравьев индийцах с легендами об отнимающих золото у грифонов аримаспах и о богатых золотом массагетах и исседонах гораздо теснее, нежели это заметно из рассказа Геродота.

Пересказывая эти легенды, Ктесий сообщает, что добывающие золото индийцы переправлялись через реку Кампин (не поддающуюся ближайшему отождествлению), находящуюся в земле исседонов. В другом случае, передавая легенду, рассказанную бактрийцами, он говорит, что индийцы предпринимали за золотом походы в страну грифонов. Мы видим, следовательно, что в этих легендах чудовишные муравьи могут быть сопоставлены с грифонами, тогда как

северные индийцы, жившие в Гандарике и Пактиике (в северо-восточной части Афганистана), должны быть сопоставлены с легендарными аримаспами и исседонами. И если Геродот помещает массагетов за Араксом, а далее к северу (или северо-востоку) исседонов, то позднейшие авторы, отождествлявшие, видимо вслед за Страбоном, Аракс Геродота с Яксартом (Сырдарьей), как, например, Птолемей, помещают массагетов за Яксартом, а к северо-востоку от них, в Скифии за горой Имав, город Исседон Скифский, тогда как само племя исседонов отодвинуто Птолемеем еще далее на восток, в Серику (Восточный Туркестан), где он помещает также город Исседон Серический.

Мы видим, таким образом, как имя исседонов, пришедшее к грекам вместе с легендами об азиатском золоте и с названием реки Аракс), передвигается от Кавказа (что обеспечило ему связь с Рипеями и с племенем гипербореев) в Азию, по мере расширения сведений об этом материке и о положении населявших его народов.

Таковы связи и подоплека легенды об Аристее из Проконнеса, пророке Аполлона, побывавшем у сказочных исседонов и изложившем в приписываемой ему «Аримаспее» иранские и индо-бактрийские сказания о счастливых и справедливых народах, обладающих золотом и другими фантастическими богатствами Азии, а также о причинах бедствий, причиненных эллинам варварскими набегами. Легенда эта свидетельствует об остроте впечатлений, полученных греками при столкновении их мира с во многом для них загадочным и романтическим миром азиатского варварства, и о том социальном аспекте, который приобрели эти впечатления, преломившись через насыщенные идеями «золотого века» культовые представления, разрабатывавшиеся в святилищах солнечного божества плодородия.

Северные страны на карте Анаксимандра

В древности утвердилось мнение, что составителем первой карты мира был Анаксимандр из Милета, живший в первой половине VI столетия до н. э. и известный в качестве одно-

го из старейших ионийских космологов. Так как традиция связывает с ним введение в обиход греческой науки гномона (солнечных часов), бывшего, по словам Геродота, первоначально в употреблении у вавилонян, то следует думать, что с именем Анаксимандра были соединены впоследствии многие древнейшие успехи ионийской науки в области естествознания, и в, частности, земледения.

Примитивные древневавилонские карты, или, точнее, абстрактные изображения Вселенной, должны были уже и в VII столетии послужить примером для подобных же попыток у ионийцев. В качестве художественного прототипа такой древнейшей греческой «карты» следует принять знаменитое изображение на щите Ахилла, описанное в «Илиаде». Опыт для создания ионийских карт мира, известных позднее под названием «карты Анаксимандра», мог накапливаться и объединяться по двум руслам. С одной стороны, это должны были быть изображения отвлеченных представлений о Вселенной, наподобие упоминавшихся древневосточных, а с другой — следует себе представить накопление известного опыта по части составления планов и схем земельных участков и поселений. Когда в «Облаках» у Аристофана Стрептиад узнает от одного из учеников Сократа о том, что предметом геометрии является измерение Земли, то первое, что ему приходит в голову, — это измерение земли надельной, то есть полевых участков.

Из подобных планов и схематических изображений отдельных местностей могла возникнуть картография целых стран или каких-то частей Вселенной; наличие такой картографии у ионийцев засвидетельствовано Псевдо-Гиппократовым сочинением «О числе семь». В главе XI этого произведения, между прочим, излагается представление о разделении всей Земли на семь частей, а Земля при этом сравнивается с человеческим телом: «(1) в качестве головы она имеет Пелопоннес, местожительство благомыслящих людей; (2) Истм, соответствующий спинному хребту; (3) Ионию, в качестве грудобрюшной преграды; (4) Геллеспонт — в качестве бедра; (5) Фракийский и Киммерийский Боспор — в качестве ног; (6) Египет и Египетское море — в качестве (верхней части)

живота; (7) Понт Эвксинский и Меотиду — в качестве (нижней части) живота и прямой кишки».

Это сочинение рассматривается его издателями и комментаторами в качестве натурфилософского трактата, написанного на основе древнеионийского образца, созданного в Милете и относящегося к VI столетию до н. э. Цитируемая его часть должна быть признана, следовательно, древнейшим, из числа дошедших до нас, географическим описанием обобщающего характера. Несомненно, что ассоциации, подобные изложенным в этом сочинении, могли возникнуть лишь при созерцании географической карты. Карта эта относится ко времени до Гекатея и, следовательно, представляет собой образец ионийской картографической продукции того именно времени, которое связывается позднейшей традицией с именем Анаксимандра. Однако это была не карта Анаксимандра, или, вернее, нечто не совсем то, что имела в виду традиция, сообщавшая об Анаксимандровой карте всего мира. Созданная в Милете, эта карта обнимает лишь те страны, которые были в кругу торговых и колониальных интересов Милета: материковую Грецию, бассейн Эгейского моря, Египет и Восточное Средиземноморье, а также Черное и Азовское моря.

Как ни туманны в географическом отношении ассоциации с частями человеческого тела очертаний соответствующих стран и морей на древней карте, однако данные гл. XI трактата «О числе семь» позволяют высказать чрезвычайно важные предположения об изображении северных стран на древнейших ионийских картах. Прежде всего Псевдо-Гиппократово сравнение Фракийского и Киммерийского Боспора с ногами человека предполагает известную параллельность расположения Константинопольского и Керченского проливов на древнеионийской карте. Из этого следует со значительной вероятностью, что Азовское море изображалось ионийцами как восточное продолжение Черного моря, а не как северный его придаток. Сравнение же Египетского моря (Восточного Средиземноморья) с верхней частью живота, а Эвксинского Понта с нижней его частью допускает мысль о том, что Черное море на ионийской карте было расположе-

но значительно восточней египетско-сирийского угла Средиземного моря.

Сопоставление же Меотиды с прямой кишкой заставляет предполагать, что на ионийской карте Азовское море было представлено в качестве открытого бассейна, соединяющегося с внешним океаном. Это отнюдь не противоречило, как мы знаем, древним мифико-географическим представлениям. Не противоречит им и восточное положение черноморского бассейна, по которому, соответственно древнейшей версии аргонавтики, лежал путь в царство Ээта, жившего в океане, на острове, расположенном у солнечного восхода. Многие из этих представлений сохранились еще и в описании пути Ио в «Прикованном Прометее» Эсхила, основывавшегося, однако, в общем уже на других, более развитых географических представлениях.

Использованная Псевдо-Гиппократом карта обладает существенной особенностью, указывающей на ее безусловную древность, — она отражает политико-географическую обстановку, предшествующую завоеванию Киrom Старшим Лидийского царства в 546 году до н. э. Эта карта выставляет на передний план Пелопоннес — несомненно, ввиду процветания и могущества в VI столетии до н. э. Спарты и крупнейших торговых центров материковой Греции Истма, Коринфа и Мегары, — а также Ионию и ее колонии. Нечто подобное следует предполагать и для Анаксимандровой карты мира. Не менее характерно игнорирование Аттики, возвысившейся лишь в самом конце VI — начале V столетия до н. э., и Персидского царства, или царства Лидийского, которое также осталось вне поля зрения Псевдо-Гиппократа. Несомненно, что и ионийская карта мира, сделанная в VI столетии до н. э. на основании географического опыта, полученного в результате греческой и финикийской колонизаций в Западном Средиземноморье (хотя на ней, вероятно, и было показано все Средиземное море от Геракловых столпов, а также берега Испании, Италии и Ливии), тоже должна была наиболее отчетливо показывать именно те страны, с которыми ионийцы находились в постоянных сношениях, а сама Иония должна была находиться в ее центре.

Критикуя ионийских географов, Геродот (IV, 36) вменяет им в вину то, что они изобразили землю круглой, как бы очерченной циркулем, а материки Европы и Азии представили противлежащими и равными друг другу. Но дискообразная форма соответствовала тем древнейшим и простейшим представлениям о Земле, которые мы находим впервые у вавилонян; они проистекают из элементарных наблюдений земного круга, ограниченного горизонтом. Существенным отличием, однако, древнеионийских карт от вавилонских, изображавших Землю обтекаемой рекой-океаном, было то, что их земля, мыслившаяся также в кругу океана, изображалась обтекаемой уже не рекой, а так называемым внешним морем, окружавшим, по учению ионийцев, земную сушу со всех сторон.

Подобно тому как Анаксимандр знал два материка: на севере Европу и на юге Азию, знал он и два соединяющихся между собой океана — Северный и Южный. И если при этом Южный океан известен был на основании опыта финикийских мореплавателей, плававших уже в VII—VI столетиях за Геракловы столпы и вдоль восточного берега Африки, а может быть, даже и вокруг нее, то Северный океан мог быть известен ионийцам лишь из легенд финикийских и фокейских купцов о Касситеридах и поэтому изображался на основании гипотетических данных.

Материки были представлены на Анаксимандровой карте как острова, отделенные друг от друга водным пространством. Карта, описанная Псевдо-Гиппократом, соединяла, по-видимому, с океаном Меотиду, как мы предположили это на основании сравнения ее с прямой кишкой. Ионийская карта мира, бывшая перед глазами Геродота, также, очевидно, вытягивала Черное и Азовское моря на восток, но она, по его словам, отделяла материки друг от друга рекой Фасисом, которая изображалась соединяющейся с океаном.

Нил также, несомненно, фигурировал на карте Анаксимандра, как его необходимо предположить и на карте Псевдо-Гиппократа. Он, однако, еще не мыслился рекой, отделяющей третий — ливийский — материк от Азии, каким его знает уже Пиндар. Ливия на карте Анаксимандра — неотъ-

емлемая часть Азии, занимавшей южную половину земного круга. При этом Анаксимандр, несомненно, уже знал о существовании линии экватора.

Север в «Землеописании» Гекатея Милетского

Если на ионийских картах эпохи Анаксимандра можно наблюдать основы и начала ионийских географических представлений, то «Землеописание» Гекатея Милетского, составленное на рубеже VI—V столетий до н. э., и сопровождавшая его, по всей вероятности, карта Вселенной представляют собой итоги того, что создала ионийская космология и география в результате осмысления навигационного и колонизационного опыта.

Источниками «Землеописания» послужили древние периплы и периэгесы — в том числе и те, которые мы рассматривали в качестве источников древнейшей аргонавтики. Гекатеем также могла быть использована и периэгеса по восточноевропейским и азиатским странам, аналогичная той, которой пользовался Геродот и которая получила свое отражение также и в «Аримаспее» Аристея. Знал он, несомненно, сочинение, посвященное описанию экзотических североиндийских областей, а также плаванию по Инду и Индийскому (Южному) океану, которое связывалось с именем Скилака из Карианды, не говоря уже о том, что ему были известны древнеперсидские официальные данные относительно границ и населения сатрапий Персидского царства, а также дорожники, вроде того, на основании которого Геродот описывал царскую дорогу из Сард в Сузы. Дорога эта, равно как и те области, по которым она проходила, была нанесена на карту, показанную милетским тираном Аристагором спартанскому царю Клемеону. Эта карта, по всей вероятности, соответствовала тому, что излагалось в сочинении Гекатея.

Если карта эпохи Анаксимандра, насколько позволяют судить те скудные данные, которые содержатся в описании Псевдо-Гиппократа, представляется нам лишь весьма одно-

сторонней географической схемой, то в противоположность этому карта эпохи Гекатея должна была содержать детальное изображение средиземноморских и переднеазиатских стран. Гекатеем в его «Землеописании» наряду с географическим и этнографическим был использован также и большой мифико-географический материал — были упомянуты и соответствующим образом локализованы племена гипербореев, ари-маспов, исседонов и амазонок.

В представлении Гекатея суша также была окружена океаном или внешним морем. Однако Гекатей выделял в качестве третьего материка Ливию, о чем мы находим соответствующие указания у Геродота (IV, 42). Рекой, отграничивающей Ливию от Азии, у него был Нил, о чем кроме Геродота свидетельствует также и Пиндар. Трудно сказать, соединялся ли у него Нил с океаном — в схолии к аргонавтике Аполлония Родосского утверждается, что Гекатей будто бы выводил аргонавтов в океан по Фасису, а из океана возвращался в Средиземное море по Нилу. Возможно, однако, что Гекатей также предполагал некоторый волок между океанским берегом и истоками Нила, как это делали Пиндар и Геродот. Мы не знаем также, где он помещал эти истоки и соответственно этому где, по его мнению, проходила граница между Азией и Ливией.

Хотя Эритрейское море (Аравийский залив) было известно Гекатею, он должен был представлять его себе морем замкнутым. Так заставляет думать и установление им границы материков по Нилу, ибо если бы Гекатею была известна связь Аравийского залива с Индийским океаном, то он провел бы границу именно здесь. Впрочем, значительно позже Гекатея спутники Александра Македонского, описавшие его поход и интересовавшиеся вопросами географии, находили истоки Нила в Индии, принимая за них реки Акесин или Гидасп, несомненно, на основании древнеионийских данных. Из этого следует, что и у Гекатея Нил должен был течь, скорее всего, с востока.

Вообще у Гекатея следует предполагать лишь три пути для выхода во внешнее море: Геракловы столпы, Фасис и Нил. Все остальные водные бассейны, которые ему были известны, должны были соответственно этой теории представляться

замкнутыми, подобно Эритрейскому морю. На юге Европы ему были известны три полуострова: Испания, Италия и Греция; на северо-западе высился Эстримнидский мыс, у которого были расположены Касситеридские острова. Это почти и все, что было известно Гекатею о Северо-Западной Европе, населенной кельтами и лигурами, которых он вряд ли мог подразделить на более дробные и реальные племена.

Как и на карте Анаксимандра, Черное море было у Гекатея как бы продолжением Средиземного моря к востоку; на северо-востоке поместилось и Азовское море. Имея в виду, должно быть, карту Гекатея, Прокопий замечает, что ионийцы противоплавали на карте Фасис Гадитанскому проливу (Гибралтару). Скифия, граничившая на западе с Кельтикой, занимала всю Центральную и Восточную Европу, а также значительную часть Азии. Несомненно, от Гекатея исходит то стремление к известной геометризации Вселенной в отношении распределения главных окраинных народностей, которое мы находим у следовавшего слепо за ионийцами историка IV века до н. э. Эфора, чей населенный мир представляет собой параллелограмм со сторонами, расположенными по странам света, и удлинённый с запада на восток. Северную его часть занимают скифы, южную — эфиопы. На западе помещаются кельты, на востоке — инды. Такую же точно геометризованную схему, по всей вероятности восходящую к Гекатею, кладет Геродот в основу своего описания Скифии. У него эта страна представляет собой квадрат. От Истра до Борисфена десять дней пути, столько же от Борисфена до Меотиды, а до меланхленов, живущих к северу от скифов, двадцать дней пути. Понятие Скифии Гекатеем распространяет на все пространство от Кельтики до границ древнего Ирана и Индии.

Следует думать, что Стефан Византийский и некоторые другие авторы сохранили значительную часть тех племенных наименований и той топонимики, которые фигурировали у Гекатея. Известны также некоторые конкретные детали, характеризующие представления Гекатея о Скифии. Так, мы знаем через Аммиана Марцеллина, что Черное море на ионийских картах изображалось в виде составного скифского лука, тетиву которого символизировало малоазийское побе-

режье. Что же касается до северных берегов Черного моря, то, поскольку об этом позволяют судить сохранившиеся фрагменты, Гекатей знаком с кавказским берегом и с Боспором Киммерийским значительно лучше, нежели с западным и северо-западным побережьями. На кавказском берегу он показывает почти все те племена, что и позднейшие периплы, — это кораксы, колы, колхи, мосхи, матиены, бехиры, дизеры, макроны, мары, тибарены, моссиники и халибы.

Быть может, впервые Гекатей называет Кавказские горы, которые у него фигурируют, видимо, наряду с Рипейскими горами, изображенными на севере, тогда как Кавказ занял свое место между Черным и Каспийским морями. Далее, ему прекрасно известен азиатский Боспор: он называет Фанагорию и остров Фанагора, также Апатур и Гермонассу и племена синдов, иксибатов и дандариев. Следует думать, что во времена Гекатея Боспор Киммерийский был колонизован и заселен преимущественно в его таманской части, наименование же Керченского полуострова «Скалистым» или «Диким» Херсонесом у Геродота должно быть отнесено за счет Гекатея, как и неосведомленность Геродота о Пантикапее, который в его время был уже цветущим городом.

Гекатей прекрасно знает Фракию, не только береговую ее часть, но и внутренние области между Гемом и Истром. Он называет ряд племен внутренней Фракии: бантии, дати-лепты, дисоры, энтрибы, ксанты, трисплы, которых более поздние авторы не упоминают, вследствие чего невозможна и их локализация. Границей Европы и Азии у Гекатея служит Фасис, но локализация этого наименования была у него недостаточно определенной или такой же двойственной, как и локализация имени Гипанис, породившая у позднейших географических писателей много и поныне еще окончательно не всегда разъясненных недоразумений.

Вследствие того что от «Землеописания» Гекатея сохранились хотя и многочисленные, но ничтожные по размерам фрагменты, называющие преимущественно лишь отдельные географические имена, восстановление более общей картины северных стран по Гекатею является в целом весьма проблематичным и трудным. Кое-что может быть получено из Геродотовой критики ионийских географических представлений,

кое-что угадывается в его позитивном изложении, но всего этого недостаточно. Известной заменой этой утраченной навеки общей картины причерноморских стран, начертанной некогда Гекатеем, могла бы, не исключено, послужить художественная перизгеса окраинных областей Вселенной, которую влагает в уста Прометея Эсхил. Она, с одной стороны, отражает, несомненно, как мы это показали выше, мифико-географическую картину, построенную в перизгесе «Аримаспей» Аристея, с другой же — она отражает взгляды и представления Гекатея, старшего современника Эсхила, географическая схема которого оказала глубокое влияние на многие поколения не только ученых, но и художников.

Схематическая и с историко-географической точки зрения весьма отвлеченная картина Северного Причерноморья, набросанная Эсхилом, заслуживает тем не менее самого пристального изучения в надежде на то, что из нее могут быть почерпнуты какие-либо данные для реконструкции древнеионийских географических представлений, а также, может быть, и для расшифровки представлений более поздних, но основанных на возникших еще в ионийскую эпоху недоразумениях, не поддающихся пока что вразумительному истолкованию.

Описание северных и иных стран, которое дает Эсхил в «Прикованном Прометее», довольно смутно, а путь, проделанный бегущей от преследования Геры Ио, сбивчив. Поэт ведет ее по направлению к солнечному восходу — сначала к скифам, потом к халибам и, наконец, приводит к реке «Буйной», вдоль которой заставляет ее идти до самых истоков у кавказских снежных вершин. Перевалив через них, Ио поворачивает к югу и, пройдя через земли скифских амазонок, которым впоследствии надлежит переселиться к реке Термодонту, достигает Киммерийского перешейка у Меотийского пролива. Покинув Европу, Ио переправляется в Азию. В другом месте Эсхил сообщает о том, что страдания Ио оплакивают колхидянки, скифы у Меотийского озера и народ Аравии, жилища которого расположены близ Кавказа.

Чтобы разобраться в этой весьма необычной географической обстановке, необходимо понять, что Эсхил перенес по каким-то причинам значительно к западу Кавказ, а вместе

с ним и некоторую прикавказскую номенклатуру, в частности имя халибов, локализовавшихся Гекатеем в Юго-Западном Закавказье. И Кавказ, и вытекающая из его горных вершин река «Буйная» оказываются на европейской (в античном понимании этого слова) территории, то есть на западном берегу Боспора Киммерийского.

Кавказ, следовательно, нужно представить себе в соответствии с этой картиной на севере Восточной Европы, а реку «Буйную» — впадающей в Черное море где-либо в районе Днепровско-Бугского лимана. Амазонки, живущие к юго-востоку от этого перемещенного Кавказа, конечно, не кто иные, как известные из других источников савроматиды, которых легенда локализовала в низовьях Дона и на Кубани.

Как видим, представления Эсхила о северочерноморских странах противоречат не только действительности, но и тем данным, какими располагала, по обычному мнению, древнеионийская наука. Кавказ высится к северу от Черного моря и к западу от Азовского моря, в Черное море впадает текущая с Кавказа река, которой Эсхил присвоил необычное и другими авторами не засвидетельствованное наименование. Эсхил сознательно (а отчасти, может быть, и бессознательно) схематизировал и искажил ту географическую картину, которая возникла в его представлении на основании данных Аристея и в особенности Гекатея. В этом искажении, разумеется, должна быть своя логика, которую и было бы весьма интересно обнаружить.

Мы уже знаем, что реальной основой представления о легендарных Рипейских горах для древних греков мог послужить, вероятней всего, только Кавказ с его высочайшими, покрытыми вечным снегом вершинами. Других подобных гор в поле зрения греков в VI столетии до н. э. не было. Мы знаем также, что и самое имя Рипеев связывается с Кавказом через библейские имена Рафа и Рифат, локализуемые по указанию «Книги юбилеев» именно на Кавказе. Эта древневосточная локализация Рипеев перешла к ионийцам, о чем свидетельствуют Помпоний Мела и Плиний, изображавшие Рипейские горы как продолжение Кавказского хребта. К тем же древневосточным космологическим представлениям восходит и мнение, которое о Рипейских горах высказывал Ари-

стотель, ссылаясь при этом на многих ионийских ученых. Он изображает Рипейские горы как возвышенность на севере земной поверхности, за которую на ночь прячется солнце.

Подобные взгляды сохранялись и значительно позже. На знаменитой древнеримской карте мира Випсания Агриппы Рипейские горы были изображены тянущимися вдоль северной оконечности обитаемой земли, от Атлантического до Восточного (Эойского) океана.

Вероятней всего, именно эти представления о Кавказских горах как о мифических северных Рипеях и послужили причиной того, что Эсхил перемещает Кавказский хребет в северо-западном направлении. Следует думать, что опорой для этого Эсхил нашел если не в самом тексте Гекатея, то в распространенной и общепринятой древней мифологической традиции. Скорее всего, следует предположить, что именно Гекатей впервые разделил эти понятия — Рипей и Кавказ, поместив первые к северу от второго, а Эсхил в силу укоренившейся традиции перенес новое имя вслед за ассоциирующимся с ним более привычным с востока на север.

Геродот не называет в своей истории Рипейских гор, но, рассказывая о северных соседях скифов, упоминает про неприступные горы на северо-востоке, за землями аргиппеев и исседонов, у подошвы которых лежат неизвестные страны и живут фантастические люди, в существование которых он не верит. Если проследить локализацию аргиппеев, исседонов, аримаспов и гипербореев у Помпония Мелы, Плиния и других, основывающихся на древнеионийских хорографиях⁴⁹ и перизгесах, то становится ясно, что расположение всех этих мифических племен связано так или иначе с представлением о Кавказе. Поэтому, надо полагать, Геродот и не упоминает о Рипейских горах, оставляя непоименованными те горы, где живут аргиппей, исседоны и гиперборей, что он смущен их тождеством с Кавказом, имя которого, должно быть, незадолго перед тем было введено в литературу Гекатеем или его источником — авторами периплов, услышавших его от милетских мореплавателей.

Следующий вопрос, возникающий перед исследователем Эсхиловой географии Северного Причерноморья, заключается в распознании реальной реки, представляемой поэтом

под именем «Буйной». Древний схолиаст полагает, что это был Аракс. Однако принятие этого предположения внесло бы дополнительные противоречия и искажения в географические представления Эсхила: Аракс не впадает в Черное море, а в этом случае необходима река, связанная истоками с Кавказом (или с Рипейскими горами), а устьем с Черным морем. Гораздо более подходящей для сопоставления с рекой Эсхила является, несомненно, древний Гипанис, чье наименование, как известно, прилагалось к двум северочерноморским рекам — Кубани и Бугу; оно также тесно связано с названием Фасис, прилагавшимся к реке, разделявшей, в том числе и по Эсхилу, европейский и азиатский материки.

Соотнесение Гипаниса одновременно с Кубанью и Бугом создавало неопределенность его локализации — неустойчивость, которая прослеживается вплоть до Птолемея, помещающего Гипанис между реками Борисфеном и Каркинитом, то есть примерно там, где заставляет впадать в море реку «Буйную» Эсхил.

Двусмысленность, связанная с локализацией Гипаниса, была Эсхилу в его художественных целях, несомненно, на руку. Следует предполагать, что текст Гекатея содержал (с большей или меньшей степенью выразительности) эту двойственную локализацию Гипаниса. Вероятней всего, среди рек, берущих начало в Рипейских горах, наряду с Истром, Борисфеном, Танаисом был назван Гекатеем также и Гипанис. Вторично же он мог быть назван среди рек, берущих начало в Кавказских горах.

Совершенно ясно к тому же, что какое-то время представление о Гипанисе-Кубани совмещалось с представлением о Танаисе-Доне, истоки которого многие древние географы вплоть до Теофана Митиленского упорно показывали на Кавказе или в Рипейских горах. Если же этого не делает Геродот, утверждающий, что Танаис берет начало из некоего верхнего озера — известие, поражающее позднейших комментаторов своей кажущейся достоверностью, — то это может быть только потому, что на его представления о Танаисе повлияли данные об азиатских реках Яксарте и Оксе, к которым в древности также неоднократно прилагалось имя Танаиса и истоки которых, в частности истоки Окса, указывались в горном озе-

ре Оаксе. Имя «Гипанис» объединяет, таким образом, в себе представление не только о Фасисе, но и о Танаисе.

Этим самым снимается и еще одно кажущееся противоречие у Эсхила. Мы уже знаем, что в «Прикованном Прометее» Эсхил проводит границу между Азией и Европой по Киммерийскому Боспору, переплыть который заставляет он Ио. И этому не противоречит схолиаст Дионисия Перизэгта, указывающий на то, что Эсхил в «Освобожденном Прометее» и Софокл в «Скифах» называют реку Танаис границей материков. Однако, в отрывке из «Освобожденного Прометее», сохраненном Аррианом, границей Азии и Европы названа, как известно, река Фасис. Геродот приводит обе версии: одни, мол, считают границей Европы и Азии реку Фасис, другие же — Танаис и Киммерийские переправы.

Следует думать, что обе эти версии наличествовали уже и в тексте Гекатея, во всяком случае, их следует предполагать известными Эсхилу; это явствует из эпитета «двойной», прилагаемого им в «Освобожденном Прометее» к понятию евразийской границы.

Большую древность, вероятно, следует приписать пребыванию в качестве пограничной реки Фасису (сравните противопоставление Нила и Фасиса в качестве разделяющих материки рек у Пиндара). Однако отождествлять этот древнейший Фасис приходится не с Рионом и даже не с Доном, а с Кубанью, устье которой стало известно грекам одновременно с Боспором Киммерийским и за которой сохранилось имя, почти равнозначное имени Фасиса. Перенесение же понятия границы материков на Дон (Танаис) и отождествление Фасиса с Рионом — явление более позднее.

Современных толкователей Геродота поражают его сведения о Каспийском море как о замкнутом бассейне, стоящие в противоречии с представлениями александрийских географов, считавших Каспийское море заливом Северного (Кронийского, Амальхийского) или Восточного (Эойского) океанов. Есть предположение, что Геродот располагал данными, почерпнутыми из каких-либо иранских источников, но при этом остается непонятным, почему этими же сведениями не воспользовались писатели эпохи Александра Македонского и диадохов, находившиеся в более тесном соприкоснове-

нии с иранским культурным миром, чем Геродот? Эратосфен, подытоживший результаты, добытые географической наукой IV столетия до н. э., также не преминул бы воспользоваться этими данными. Однако и Эратосфен, и уже упоминавшийся Патрокл принимали Каспийское море за залив океана. Но каковы же были представления о Каспийском море Геродотовых предшественников — ионийцев, и прежде всего Гекатея?

В точности это не известно, так как отрывки «Землеописания», относящиеся к этому предмету, не позволяют высказать сколько-нибудь категорическое суждение.

Геродот весьма настойчиво в полемической форме дважды указывает на то, что Каспийское море является замкнутым бассейном, не соединяющимся ни с каким другим морем. Эта полемика была направлена, как считалось, против Гекатея, так как представление о морях как о заливах океана возводится иногда к ионийцам. Однако мы помним, что Гекатей, так же как и значительно позднее него Дамаст, считал Эритрейское море замкнутым, а спутники Александра Македонского искали истоки Нила в Индии, на основании чего мы заключили, что Нил у Гекатея течет с востока. Именно такие представления и отображают строки Эсхила, в которых Прометей указывает Ио путь от аримаспов, локализующихся у Рипейских гор, на крайнем северо-востоке Скифии к эфиопам, живущим на границе Азии и Ливии, у истоков Нила. При этом ни слова не говорится о том, что Ио должна переплыть Каспийский залив океана, лежащий на ее пути, а лишь миновать шумящее море. Из сказанного следует, скорее всего, что Каспийское море представлялось Эсхилу так же, как позднее и Геродоту, морем внутренним, замкнутым, и не потому, однако, что ему или его географическому источнику был известен этот реальный факт, а, скорее всего, из тех соображений, что все бассейны, за исключением средиземноморского, разделявшего материки, не должны были иметь сообщения с океаном. Эти представления, характерные для ионийской географии и так ярко выраженные Эсхилом, необходимо отнести также и к Гекатею, сохранившиеся фрагменты которого убеждают в том, что, по его мнению, с океаном соединялись лишь две разделявшие материки реки — Фасис

и Нил. Таким образом, и для Гекатея Каспийское море, скорее всего, должно было являться замкнутым бассейном, что, впрочем, косвенным образом может быть выведено и из его собственных слов — он говорит, что Каспийское (Гирканское) море окружено высокими горами.

Следовательно, полемика Геродота, настаивающего на замкнутости каспийского бассейна, направлена, по-видимому, вовсе не против Гекатея, а против тех неизвестных предшественников Эратосфена, которые, быть может, еще и в рамках древнеионийской науки выдвинули предположение о внутренних морях, как о заливах океана. Впрочем, и по этому поводу следует подозревать известные противоречия в тексте самого Гекатея. Геродот, ссылаясь на ионийцев, в одном случае приписывает им (а следовательно, и Гекатею) древнемифологическое представление об океане как об омывающей Вселенную реке, с чем согласуется и указание на то, что эллины полагают, будто водным путем можно проникнуть с востока на запад вдоль северной оконечности мира, но не могут этого доказать.

Противоречивая смесь положительных знаний и легендарных представлений характерна, очевидно, для Гекатея не в меньшей степени, чем для Геродота. Гекатеевы представления об океане при всей кажущейся стройности его космологической схемы вряд ли отличались последовательностью и цельностью. Во всяком случае, то обстоятельство, что Геродот то упрекает его в приверженности к легенде, то, видимо, что на него же опирается при изложении наиболее важных результатов ионийского навигационного опыта, показывает, как в представлениях Гекатея об океане наряду с реальными и положительными данными уживались легендарно-поэтические идеи о мифическом всеобъемлющем потоке, окружающем Ойкумену и отделяющем царство живых от царства блаженных. О живучести подобных чисто мифологических представлений и об их роли в построении древних космологических систем достаточно ярко свидетельствуют рассуждения об океане как об источнике всякой влаги, содержащиеся в «Тимее» Платона и влагаемые им в уста Сократа. И если создается впечатление, что Геродот находится значительно впереди жившего на рубеже V и IV столетий Дамаста в отно-

шении реальности представлений об Эритрейском море, то, во-первых, он Эритрейским морем достаточно неопределенно называет то Красное море (Аравийский залив), то восточную часть Индийского океана или вообще Индийский океан, а во-вторых, находясь под впечатлением сообщений о путешествиях финикийцев вокруг Ливии, он считал, очевидно, перенесение подобных представлений на Каспийское море ничем не обоснованным новшеством.

Категорически отвергая легенду об океане-реке, обтекающей Вселенную, придуманную, по его словам, Гомером, и критикуя основанную на подобных же представлениях об океане древнеионийскую карту Вселенной, Геродот в то же время не предлагает ничего взамен и, несомненно, сам находится в плену у тех же представлений. Так, например, сомневаясь в возможности водного пути вдоль северных стран (IV, 8), он несколькими строками ниже при изложении содержания Аристеевой «Аримаспеи» (IV, 13) сообщает о том, что земля гипербореев простирается до моря, то есть до Северного океана, в существовании которого, так же как и самих гипербореев, он как будто бы только что сомневался.

В результате нашего рассмотрения можно было убедиться, что Эсхил в своем «Прометее» нарисовал вовсе не произвольно искаженную картину северных стран, но именно такую, какую определяло состояние науки его времени; на севере Европы в воображении тогдашних греков высились Рипейские горы — они же Кавказские, известные сначала под их древневосточным именем (библейский Рифат) и открытые затем вновь и познанные реально ионийскими мореплавателями. В этих горах берет свое начало река (Гипанис-Фасис), отделяющая европейский материк от азиатского. Эсхил изменил ее наименование на «Буйную», может быть, лишь потому, что хотел под этим новым, но звучащим не чуждо для тогдашней черноморско-кавказской географии именем объединить разноречивые данные о Гипанисе, Фасисе и Танаисе.

Халибы оказываются у Эсхила, в Европе потому, что они должны были туда последовать за Кавказом, и еще потому, что для него они племя скифское и должны быть локализованы по соседству со скифами. В этом отношении Эсхил также был прямым последователем ионийцев и Гекатея, который,

как мы знаем, распространяет имя скифов на все северочерноморские и североазиатские племена без исключения. Для него скифами являются равно и массагеты и исседоны.

Представление об амазонках ионийцы привезли с собой в Северное Причерноморье из Малой Азии, но так как там амазонки в VI столетии до н. э. существовали преимущественно лишь в области культа и в культовой легенде, а в Скифии греки их увидели, так сказать, живьем, то естественно, что Эсхил, а до него, вероятно, и Гекатей поспешили перенести «родину» амазонок из Каппадокии в Скифию, опираясь при этом на легендарную ионийскую этнографию, которой, как мы видели выше, отдают значительную дань также Геродот и Псевдо-Гиппократ. Азия находится в непосредственном соседстве и соприкосновении с Европой. Эсхил подчеркивает это тем, что живущие у Кавказа колхи оказываются у него по соседству с арабами — жителями Азии, а также и тем, что от аримаспов на северо-востоке Европы Ио держит прямой путь к эфиопам, живущим на границе Азии и Ливии.

Начертанная нами со слов Эсхила картина северных стран опирается на ту схему, какую предложил в своем «Землеописании» Гекатей. Из этой схемы со всеми ее противоречиями и искажениями реальной географической действительности становится понятнее и позиция Геродота по отношению ко многим географическим проблемам его времени, а также разъясняются те традиционные заблуждения древней географии, которые с удивительным упорством удерживались в хорографической литературе и картографии вплоть до Птолемея.

Реальный географический и этнографический материал, которым располагал Гекатей, не всегда укладывался в его схему и часто вступал с ней в прямые противоречия. Следует указать при этом, что в отношении Скифии и Фракии в распоряжении Гекатея имелись факты, оказавшиеся вне поля зрения его преемников, отчасти, вероятно, потому, что они утратили свое политико-географическое значение. Так, например, Гекатей называет скифские племена матикетов, гипаниссов, иамов, а также сообщает о поселениях Кардесс и Исеп, которые, видимо, перестали существовать в VI столетии до н. э.

Таким образом, мы, по-видимому, можем судить с достаточной полнотой не только о реальном материале, вошедшем в состав «Землеописания» Гекатея, но также и о том, что утратили из его научного багажа более поздние авторы. Мы можем составить себе, кроме того, некоторое представление об общей картине скифского севера и как она преломилась у Эсхила и Геродота в их географических концепциях северных стран.

Перипл Псевдо-Скилака

С именем Скилака из карийского города Карианды связаны, как мы знаем, предания о путешествии по Инду и Эритрейскому морю. Многие из того, что малоазийским грекам стало известно в VI столетии до н. э. в отношении внутренних областей Ирана и Индии, традиция связывает с этим именем.

Упоминания североиндийского Касдапира, Гандарики и Пактиики, а также связанных с этими наименованиями легенд должны быть возведены к Скилаку, которому традиция приписывает несколько географических и исторических сочинений. Применительно к упомянутым наименованиям, а также к упоминанию об Армении — древнейшему в греческой литературе и сохранным у Константина Багрянородного — речь может идти, вероятней всего, о перизгесе азиатских стран.

Ряд других фрагментов, содержащих упоминания Тартесса и Боспора (Фракийского), заставляют думать, что в VI столетии до н. э. в ходу был также перипл Средиземного моря, приписываемый Скилаку. Что это был именно перипл, а не землеописание вроде труда Гекатея, следует заключить из умолчания Эратосфена, не упомянувшего Скилака в числе древнейших географов Греции наряду с Анаксимандром и Гекатеем.

Древнюю перизгесу Скилака следует предполагать в качестве источника «Землеописания» Гекатея не только при описании Индии и внутренних областей Ирана. Весьма вероятно, что к Скилаку восходят также и те сведения, какими

располагал Гекатей в отношении Каспийского моря. Во всяком случае, упоминание о высоких горах вокруг Гирканского моря, покрытых лесом и колючей кинарой, дословно совпадает с относимым к Скилаку и сохраненным у Афиняя описанием Индии, где также речь идет о покрытых лесом диких горах и о колючей кинаре.

Что же касается Черноморья, то мы вряд ли можем говорить о зависимости Гекатея от перипла Скилака. При этом заметим, что сохранившийся под именем Скилака перипл Средиземного и Черного морей, а также части атлантического побережья Африки ему не принадлежит и составлен, как об этом позволяет судить несомненное влияние на его текст Эфора, в последние годы царствования Филиппа II Македонского.

Несомненно, однако, что в основе этого перипла, в последней редакции отражающего интересы аттической торговли и мореплавания, лежит некий гораздо более древний перипл, соответствующий состоянию географических знаний и представленный VI столетием до н. э., о чем позволяет говорить, например, весьма скупое и лаконичное описание европейского запада наряду с подробной характеристикой восточных берегов Средиземноморья. Перипл показывает лигуров не только к востоку, но также и к западу от реки Роны, не упоминая в то же время при описании побережья Южной Франции о кельтах. Примеров подобного рода немало. Однако в данной связи гораздо существенней то, что описание северных и восточных берегов Черного моря в перипле Псевдо-Скилака во многих чертах соответствует данным, которые мы находим у Гекатея. Это заставляет предполагать или прямую зависимость Псевдо-Скилака от Гекатея, или, что вероятней, наличие некоего общего источника, восходящего ко временам Скилака из Карианды.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что восточное и северо-восточное побережья Понта известны Псевдо-Скилаку (как и Гекатею) несравненно лучше, чем побережье Крыма и северо-западный берег Черного моря. Наименовав Тиру ее древним именем Офиусы, он, не назвав ни Борисфена, ни Ольвии, подробно перечисляет боспорские города. Он называет у Танаиса сирматов — такова

одна из древних форм племенного наименования «сарматы», засвидетельствованная также Эвдоксом Книдским. Появление этого имени в перипле, притом в его европейской части, вполне может быть отнесено к весьма древней традиции, тем более что Плиний локализует его не на Танаисе, а на Оксе, к северу от этой реки. На Танаис же оно было перенесено по весьма распространенному в IV столетии до н. э., но существовавшему, несомненно, и в более древние времена отождествлению Танаиса и Аракса со среднеазиатскими реками Оксом и Яксартом.

Азиатское побережье Понта характеризуется у Псевдо-Скилака посредством тех же, что и у Гекатея, племенных и местных наименований с некоторыми дополнениями, которые в отдельных случаях выдают себя явно как позднейшие вставки. Так, например, за Синдской гаванью перипл помещает Патус — пункт, отождествляемый с Батой Страбона и локализуемый на месте позднейшего Геленджика или Новороссийска. Однако в следующем параграфе изложение перипла вновь отправляется от Синдской гавани, так, как если бы после ее упоминания в предшествующем параграфе не было названо более никаких наименований: «За Синдской гаванью народ керкеты». В то время как при упоминании о моссиниках и халибах перипл называет те же пункты, что и известные из Гекатея Хойрады и Стамения, при описании Колхиды в нем содержится упоминание многих незначительных рек — обстоятельство, свидетельствующее о том, что сведения эти почерпнуты из какого-либо черноморского перипла классического времени, лежащего также в основе позднейшего перипла Арриана.

В особенности любопытно упоминание Псевдо-Скилаком среди кавказских племен меланхленов и гелонов. Имя первого из них названо среди племен европейской Скифии также Гекатеем, что, впрочем, не противоречит их кавказской локализации, поскольку у Гекатея племена дандариев и типанисов, помещенные в европейской Скифии, локализируются также у Кавказа.

Таким образом, кавказские племена Гекатей относил к европейской Скифии, несмотря на то что Фасис — границу Европы и Азии — он отождествлял, вероятней всего, с Куба-

ню (Гипанисом) или Доном (Танаисом). Кавказская локализация меланхленов принадлежит общему источнику Геке-тея и Псевдо-Скилака — древнему периплу эпохи Скилака из Карианды, и притом вместо Кавказа в нем были упомянуты, должно быть, Рипейские горы. Этим обстоятельством можно объяснить, почему у Геродота меланхлены помещены на севере европейской Скифии.

Наименование этого народа, названного так по его одежде — «люди в черных плащах», — вызывает совершенно определенные ассоциации и заставляет вспомнить о бурках — оригинальной одежде, употребляемой кавказскими народами, которая вполне могла стать причиной возникновения подобного имени. Вероятней всего, меланхлены перекочевали на север европейской Скифии вследствие отождествления в источниках Геродота Кавказа с Рипейскими горами.

Что касается гелонов, которые у Геродота ассоциируются с будинами, живущими в лесистой местности к северу от савроматов, помещаемых им за Танаисом и к северу от Меотиды, то целый ряд указаний заставляет возвратиться и это Геродотово племя на Кавказ, где они показаны в перипле Псевдо-Скилака и, очевидно, в его древнем источнике. Прежде всего Геродот называет будинов (отождествляемых, по его словам, греками с гелонами) фтейрофагами — имя, которое Страбон локализуется на Кавказе и позднее упоминается Аррианом в его «Перипле Эвксинского Понта» с прямой ссылкой на Геродота. Равным образом и те черты культуры и обычаев будинов, которые приводит Геродот — греческий язык и городской образ жизни, — свидетельствуют о том, что речь идет о племени, находящемся в сфере влияния эллинской цивилизации.

Заключительные строки Псевдо-Скилакова перипла содержат указание на отношение его автора к вопросу о единстве океанов и об островном характере Ойкумены, проливающее любопытный свет на его общегеографические представления. Замечание это, сводящееся к тому, что находятся-де люди, считающие океаны между собой соединенными, а Ливию — имеющей вид полуострова, должно быть отнесено к позднейшей редакции перипла. Ее следует понимать как проявление скепсиса в отношении древнейшего пред-

ставления о единстве океанов — скепсиса, который так ярко выражен у Геродота в его отрицании возможности океанических плаваний и самого океана на севере. Это мнение в дальнейшем завоевывало себе множество сторонников. На нем основывал свое представление о Вселенной Гиппарх, в особенности же отчетливо оно проявилось у Птолемея в эпоху подведения итогов добытого античной географией материала.

Птолемей, как и ионийцы, представлял себе Эритрейское море (Индийский океан) замкнутым, Азию и Африку — соединяющимися на юге и продолжающимися к западу в виде гигантского материка, обнимающего с юга Атлантический океан. Северный (Сарматский) океан, по его мнению, также упирался на востоке в материк неизвестного протяжения.

Походы Александра Македонского. Аристотель

Период правления Александра Македонского был поворотным пунктом в истории древней географии. Грандиозные переходы и плавания, совершенные македонской армией и флотом, открыли для греков внутренние области Азии и Африки, берега Индийского океана и Персидского залива. Даже с внутренними областями Малой Азии, о которой еще Геродот имел недостаточные и часто превратные представления, греки познакомились как следует только в это время.

Однако поистине грандиозные факты, ставшие достоянием географической науки во второй половине IV столетия до н. э., могли быть ею осознаны и освоены лишь значительно позже, не раньше чем через столетие. Современники же этих открытий, и при этом наиболее образованные и прозорливые из них, как, например, Аристотель, стояли в области географических представлений еще во многом на позициях древнеионийской науки. И это во время, когда космологические представления греков на протяжении V—IV веков до н. э. претерпели глубочайшие изменения и от Анаксимандровой земли-цилиндра, плавающего в Мировом океане, пришли

к учению о шарообразности Земли, зародившемуся у пифагорейцев в качестве чисто отвлеченного и мифологического образа и ставшего научной гипотезой благодаря трудам Парменида, Эвдокса и Аристотеля.

Весьма продуктивным оказалось также высказанное впервые Парменидом учение о зонах, на которые он разделил земную поверхность в климатическом отношении. Учение о зонах было позже развито Аристотелем, установившим наличие пяти зон на земном шаре: жаркой зоны, обнимавшей пространство между тропиками и необитаемой вследствие чрезмерно высоких температур и засушливости; двух умеренных зон — южной и северной, обнимавших пространство между тропиками и полярными кругами, пригодных для жизни; и двух холодных полярных зон, необитаемых вследствие морозов и вечного оледенения.

Однако, несмотря на все эти теории, неуверенно и медленно распространявшиеся в науке, в области реальных географических знаний современники Александра Македонского пребывали еще в плену представлений, укоренившихся с глубокой древности и весьма прочно владевших человеческим сознанием.

В воображении спутников Александра господствовало представление о причастности совершаемых ими подвигов к тем пространствам, с которыми были связаны великие военные предприятия легендарных и реальных завоевателей глубокой древности — Сезостриса, Кира, Дария Гистаспа. К границам Индии вместе с именем Кавказа греческие завоеватели перенесли также и связанные с этим именем легенды о Прометее и Геракле, обращая в потомков последнего местные индоскифские племена по весьма свойственному эллинскому сознанию стремлению привести все варварские народы к своему корню. Как некогда подобные легенды рассказывались об италийцах и о скифах, так теперь их распространили на североиндийских сибов на том основании, что они, подобно Гераклу, были вооружены дубинами и одевались в звериные шкуры.

В угоду укоренившемуся уже в ионийскую эпоху представлению реки Окс и Яксарт, еще весьма смутно разделявшие между собой в сознании как иранцев, так и греков, спут-

ники Александра отождествляли с Танаисом, относительно которого существовало твердое представление как о границе европейского и азиатского материков. Среднеазиатских скифов, живших по ту сторону Яксарта, они готовы были в связи с этим отождествить с европейскими скифами, оживив таким образом древнейшие и зафиксированные у Гомера представления о скифах-абиях, послы которых посетили Александра Македонского в бытность его на Яксарте.

Поскольку было известно, что Танаис впадает в Азовское море, а Окс и Яксарт — в Каспийское (об Аральском море как об отдельном бассейне ученые не знали до самого конца античной эпохи), то во времена Александра появилось представление об общности азовского и каспийского бассейнов. Оно основывалось, очевидно, только на этом смутном отождествлении среднеазиатских рек, ошибочно относимых к каспийскому бассейну, с Танаисом, а не на реальных данных о Манычской низменности, заливаемой иногда весенними водами, что и могло бы производить впечатление слитности Каспия и Меотиды — факт, который вряд ли следует полагать известным географам эпохи Александра Македонского. О распространенности этого мнения среди спутников и современников Александра Страбон сообщает со ссылкой на Поликлета из Лариссы — историка, писавшего на рубеже IV и III столетий до н. э. Следы подобных представлений имеются и в других сочинениях, посвященных истории походов Александра Македонского, например у Квинта Курция.

На основании тождества Яксарта и Танаиса географы эпохи Александра склонны были распространять границы европейского материка до Яксарта, подкрепляя это тем соображением, что на правом берегу Яксарта растет ель и скифы, живущие у берегов этой реки, употребляют еловые стрелы. Считалось, что ель в Восточной Азии не произрастает. Страбон (XI, 7, 4) склонен эти представления приписывать честолюбию Александра и лести его приближенных, пытавшихся представить своего царя покровителем скифов, не покоренных прежними великими завоевателями.

Как бы то ни было, легенда об Александровых подвигах на Танаисе держалась прочно, и отражение ее находим еще в «Александровых алтарях», помещаемых Птолемеем у устья

Танаиса. Аммиан Марцеллин упоминает также об «Александровых алтарях» на Борисфене; свидетельство это имеет под собой, однако, гораздо более реальные основания, чем данные Птолемея, и его необходимо связать с одиночным, но весьма любопытным свидетельством Макробия о том, что наместник и полководец Александра Зопирион в своем походе против европейских скифов, предпринятом в бытность Александра в Азии, дошел до ворот Ольвии, но был скифами отброшен и погиб во время этой кампании.

О том, однако, насколько было трудно сделать необходимые выводы из новых географических данных, ярче всего свидетельствует тот факт, что, совершив поход вдоль Инда к его устью и плавание вдоль южных берегов Азии, Александр готов был в Индии искать истоки Нила. Он будто бы усматривал подтверждение этой, основанной на легендарных данных, ионийской точки зрения в том, что в реке Гидасп водятся крокодилы, а у реки Акесин растут египетские бобы. Будто бы и свой флот Александр снаряжал первоначально с намерением плыть прямо в Египет. Подобные свидетельства цепкости традиционных географических представлений и стойкости перед, казалось бы, уничтожающими их новыми фактами могут быть почерпнуты и из сочинений величайшего ученого того времени, а равно и всей древности — Аристотеля.

Несмотря на то что Аристотель убежден в шарообразности Земли и во вращении вокруг нее небесной сферы и светил, он все же не считает, что учение древних ионийцев о северных горах, скрывающих на ночное время солнце, потеряло значение. Доказывая, что горы вообще являются местами концентрации влаги, он полагает, подобно древним ионийцам, происхождение рек из высоких гор. При этом Аристотель указывает, что величайшие и длиннейшие в мире реки вытекают из северных гор, которые, в свою очередь, являются высочайшими горами. Если Геродот, отрица существование Рипейских гор, не мог все же обойтись без них в своем изложении и упоминал о них, не называя по имени, то Аристотель прямо повторяет древнеионийскую версию о Рипеях на дальнем севере, выше крайних пределов Скифии, с которых берут начало многочисленные и большие реки, кроме

Истра, истоки которого он видит в другом месте. Разве что сообщения ионийцев о высоте этих гор он склонен считать баснословными.

В подтверждение подобных, с глубокой древности известных, но оспаривавшихся в греческой литературе вещей Аристотель указывает на открытые Александром Македонским в Азии высочайшие горы, именуемые им Парнасом, с которых также текут великие азиатские реки, в частности Бактр, Хоасп и Аракс (разумея, очевидно, под последним, вслед за Геродотом и более древними авторами, Окс). С этих же гор Аристотель готов вывести и Танаис, как это делали многие другие географы поры Александра Македонского. Отдавая дань модной в эпоху эллинизма теории разделения рек, он заставляет Танаис в качестве рукава Аракса (Окса), текущего в Каспийское море, впадать в Меотиду.

В отношении Каспийского моря Аристотель стоит на прежней, свойственной ионийцам и Геродоту, позиции: Каспийское море является замкнутым бассейном. Но, следуя своей гидрографической осведомленности и точности, не допуская, чтобы столь интенсивно пополнявшийся за счет больших рек бассейн не имел выхода, он заставляет его изливаться посредством подземного протока в Черное море. Соединение этих морей, по Аристотелю, имело место у так называемых «Пучин Понта».

Судя по содержащемуся в «Метеорологии» указанию на то, что от этих «Пучин» видны кавказские вершины и что место это находится близ страны племени кораксов, речь идет о прибрежных водах близ Диоскуриады (Сухуми), откуда действительно бывают видны снежные вершины Кавказа. Замкнутость каспийского бассейна Аристотель подчеркивает еще раз в другом месте «Метеорологии», указывая при этом, что таким же замкнутым водоемом является, в сущности, и Эритрейское (Красное) море, имеющее, по-видимому, лишь небольшое сообщение с тем морем, которое находится за Геракловыми столпами, то есть с Атлантическим океаном — его Аристотель, подобно твердо в этом убежденному Геродоту, считал соединяющимся с Индийским океаном.

Что же касается до подземного слияния Черного и Каспийского морей, то при всей одиночности этого сообще-

ния Аристотеля нельзя не обратить внимание на тот факт, что подобный способ соединения он позволяет подозревать и в отношении Черного моря и Адриатики в своем рассказе о рыбах трихиях. Передавая этот же рассказ, Плиний уже совершенно определенно говорит о подземном рукаве, соединяющем оба моря.

Судя по тому, что границей Ливии и Азии Аристотель считает не Нил, а Суэцкий перешеек, следует полагать, что и границу между Азией и Европой он проводил не по Танаису, а по Кавказскому перешейку и Фасису. В этом предположении нас подкрепляет тот факт, что из одного пассажа, касающегося характеристики местожительства скифов и савроматов, следует, будто разделенные Танаисом племена — и то, и другое — находятся все же на европейской территории, поскольку оба населяют холодную (европейскую) область. Возможно, таким образом, что упоминаемое Эратосфеном деление материков по перешейкам восходит в конечном счете к Аристотелю.

Если в отношении восточных стран Аристотель уже располагает фактами, добытыми во время завоеваний Александра Македонского, хотя и использует их еще весьма ограниченно, то в отношении северо-западных стран его фактические знания по сравнению с Геродотом не так уж и велики и не всегда имеют понятное происхождение. Ясно только, что этот великий коллекционер фактов использовал все доступные ему новые материалы. Если для Геродота загадочная Пирена, откуда берет начало Истр, была именем города, то Аристотель уже прилагает это наименование к соответствующему горному хребту, помещаемому им на юге Кельтики, с которого течет не только Истр, но и Тартесс.

В противоречии с этим Псевдо-Аристотелево сочинение «О чудесных слухах», относящееся ко времени несколько позже Аристотеля, содержит иную, несравненно более правильную локализацию истоков Истра в Геркинских лесах. Наименование «Геркинские леса» прилагалось сперва к Альпам, а позднее к Шварцвальду. Указанная же локализация истоков Дуная была уточнена лишь более чем через три столетия, когда в 15 году н. э. молодой Тиберий в своем походе против винделиков и других альпийских племен проник к Боденско-

му озеру, а вслед за тем достиг истоков Дуная. Открытие это тотчас же стало достоянием науки, будучи подробно описано в «Географии» Страбона, появившейся на свет, как полагают, всего лишь несколькими годами позже.

Вопросов географии Аристотель касался не только в «Метеорологии», но и в различных других своих трудах. Из них в первую очередь должно быть названо его утраченное сочинение «О варварских обычаях» (род литературы, которому положил начало Гелланик, греческий историк V века до н. э.), а также зоологические сочинения «История о животных», «О частях животных» и «О рождении животных», где трактовались вопросы распространения и бытования различных видов диких и домашних животных в разных странах, в том числе и на севере. В них, помимо всякого рода сведений об экзотических животных и насекомых северных и азиатских стран, вроде таранда или поденки, содержатся наблюдения над видами и образом жизни рыб черноморского бассейна, бывших, как известно, весьма важной статьей греческого импорта.

Большинство сообщений фактического или анекдотического характера из области естественных наук, относящихся к скифскому северу, восходит так или иначе к Аристотелю или его ближайшему последователю и ученику — Теофрасту. Следует, кроме того, отметить ставшую весьма популярной гидрологическую теорию Аристотеля, касающуюся черноморского бассейна, соответственно которой вследствие изобилия многоводных рек, а также соответственно форме земной поверхности Меотида, будучи наиболее мелким морем из всех морей средиземноморского бассейна, течет в Понт, а Понт, в свою очередь, будучи мельче Эгейского моря, истекает в последнее. Эти представления получили поддержку и развитие у более поздних ученых. Аналогичные сведения о черноморском бассейне сообщает Полибий, прибавляя к этому теорию постепенного обмельчания Азовского и Черного морей вследствие речных наносов, отчасти, впрочем, наличествующую уже и у Аристотеля.

Как спутники Александра Македонского старались объяснить себе географические факты, открытые ими во вновь завоеванных экзотических странах, исходя из старых и во многом основанных на легендарных данных древнеионий-

ских гипотез и предрассудков, точно так же и Аристотель во многом зависит от старых мерок, прикладываемых им к новому фактическому и теоретическому материалу. Так, например, знание Геркинских гор, неизвестных его предшественникам, и соединение с представлением о них тех смутных сведений, которые хранила полуполюгендарная традиция об Эридани и других европейских реках, текущих в северном направлении, заставляют его поддержать древнеионийское предположение о существовании Северного океана, в пользу которого у него так же мало фактических доказательств, как и у Геродота. Аристотелю необходимо было, однако, допустить чисто логически наличие моря на севере, ибо бравшие начало в Геркинских горах северные реки не имели бы иначе своего исхода.

При всем этом Аристотелю не чужд был и критицизм по отношению к географическим представлениям ионийцев, проявившийся, как и у Геродота, преимущественно в отрицании их общих соображений, в частности плоскостного представления о Земле и изображения ее в качестве диска на схематических картах.

Однако отвлеченные и пришедшие в полное противоречие с фактическими данными представления ионийских географов продолжали жить и находили поддержку и даже развитие у ученых IV столетия до н. э. Такова, например, мыслимая лишь как воспроизведение и обобщение Гекатеевой схемы мира четырехугольная панорама Вселенной у Эфора, о которой выше уже была речь. Этот историк, весьма популярный среди своих современников, а также и среди отдаленных потомков, прочно стоял на позициях древнеионийской географии, нашедшей большое место в его «Всеобщей истории» в 30 книгах, доведенной до 341 года до н. э.

Северные страны в сочинениях Эратосфена и его последователей

Принятое Аристотелем и развитое Дикеархом учение о шарообразности Земли, географические открытия, сделанные во время походов Александра Македонского, а также предпри-

тия Пития из Массалии и Патрокла, описанные выше, подготовили почву для нового представления о мире. Это представление обладало принципиальными отличиями от того, какое возникло в древнеионийской науке на основании недостаточного географического материала, окрашенного к тому же в мифологические тона, и которое было донесено без сколько-нибудь серьезных изменений до эпохи эллинизма.

Суммировал все эти новые данные Эратосфен (284—194 годы до н. э.), весьма разносторонний ученый, проявлявший свои способности как в области наук, так и в поэзии, бывший при Птолемеи III Эвергете хранителем знаменитой Александрийской библиотеки. Своему сочинению, которому суждено было стать фундаментом новой географической науки, основывавшейся на теории шарообразности Земли, он дал название «География», воспринятое его последователями как название науки.

Взгляды Эратосфена являлись передовыми не только в научном, но и в политическом смысле, соответствуя вполне тому новому отношению к чужеземным народам, которое развилось под влиянием македонских тенденций к универсальной монархии и нашло свое выражение в протесте Эратосфена против разделения мира на эллинов и варваров.

Эратосфен провозгласил необходимость коренного исправления древнеионийской карты мира, впрочем уже и до него подвергшейся исправлениям со стороны Дамаста и других географов. Но Эратосфен считал необходимым начать с установления размеров обитаемой Земли, для чего ему прежде всего необходимо было определить величину земного меридиана или измерить земную окружность. Способ этого измерения он изложил в сочинении «Об измерении Земли».

Попытки измерения Земли, с тех пор как была доказана ее шарообразность, производились не раз. На одну или некоторые из них указывает Аристотель, упоминая о неких ученых, пришедших к заключению, что земная окружность равняется 400 000 стадиям. В больших подробностях известно измерение Земли, произведенное учеником Аристотеля — Дикеархом на рубеже IV—III столетий до н. э., в результате которого земная окружность была определена в 300 000 стадий.

Эратосфен принял расстояние между Сиеной и Александрией (в Египте) как равное 5000 стадиям (1 стадий Эратосфена составляет около 157 метров). Астрономические измерения он производил при помощи солнечных часов, давших ему по тени, отбрасываемой в Александрии в день летнего солнцестояния, соотношение длин небесного и земного меридианов, равное 1:50. На основании этих вычислений земная окружность оказалась равной 250 000 стадиям, или, с привнесенной позднее поправкой, 252 000 стадиям, что весьма близко соответствует действительным размерам земного меридиана, равного 40 007 километрам против 39 690, исчисленных Эратосфеном.

Определив затем длину и ширину обитаемой Земли, Эратосфен определил соотношение между размерами обитаемой Земли (Ойкумены) и всего земного шара. За ширину обитаемой Земли им было принято расстояние от Мероэ на юге Египта до острова Туле на севере Скифии, то есть от 18° северной широты до полярного круга. Расстояние это было признано равным 38 000 стадиям, тогда как длина обитаемой Земли от западной оконечности Европы, за которую был признан остров Уксисама, и до восточной оконечности Индии оказалась равной 78 000 стадиям, то есть составляющей лишь около 1/3 родосской параллели, относительно которой было произведено это измерение. Вследствие этого Эратосфен признал обитаемую Землю островом в океане, занимающим лишь некоторую часть поверхности земного шара, и высказал предположение о множественности подобных обитаемых островов. Он также отверг как софизм отрицание Геродотом гипербореев, допуская, может быть, и наличие антиподов в Южном полушарии.

Обитаемую Землю Эратосфен представлял себе в виде развернутого плаща — по крайней мере, это сравнение употребляет неоднократно Страбон, видимо, со слов Эратосфена. Страбон замечает также, что план города Александрии имеет в основе своей такой же развернутый короткий македонский плащ (хламиду). Плутарх прибавляет к этому, что плащ, в форме которого был начертан план Александрии, представляется развернутым и полукруглым, со сходящимися по прямым линиям сторонами.

Сопоставление плана Александрии — столицы эллинистического мира — с формой всей Вселенной, напоминающей македонский плащ, заставляет думать, что это сравнение Вселенной с плащом восходит к IV столетию до н. э. и было в уме у македонского (или родосского) архитектора Дейнократа, строившего Александрию.

Эратосфен не только принимает Парменидово и Аристотелево деление Земли на обитаемые и необитаемые зоны, хотя практически южная необитаемая зона оказывается для него обитаемой чуть ли не до самого экватора, а на севере обитаемое пространство достигает острова Туле, то есть полярного круга, — он сохраняет также и древнеионийское деление на материки, высказывая, впрочем, подобно Геродоту, сомнения в практической целесообразности подобного разделения.

Отмечает он также и условность разделения материков по рекам, Танаису и Нилу, равно как и по перешейкам, Кавказскому и Суэцкому, введенного, быть может, Аристотелем. И то и другое разделение не основывается, по его мнению, на каких-либо объективных границах.

Сам же Эратосфен делит мир различным образом и по различным признакам. Основное деление суши на две части — северную и южную — вслед за Дикеархом, делившим мир на две половины от Геракловых столпов до Индии, Эратосфен производит посредством линии, проведенной по горным хребтам, открытым походами Александра и составляющим продолжение малоазийского Тавра. Однако эта линия, проведенная по параллели острова Родос, является для Эратосфена лишь одной из семи параллельных линий, проведенных им в долготном направлении через пункты, широта которых была ему известна.

По традиции, однако, восходящей через Аристотеля к древнеионийскому делению мира на две части Средиземным морем и рекой Фасис, разделение обитаемой Земли на северную и южную половины представляет и для Эратосфена значение несравненно большее, чем остальные его параллели. Он указывает на необходимость исправления прежней карты Азии по той причине, что восточные горные хребты, пересекающие материки в долготном направлении на старых картах, оказываются далеко на севере, вследствие чего

севернее, чем следовало бы, изображена и Индия, в действительности южной своей оконечностью лежащая на широте Мероэ.

Разделив мир параллельными линиями, проходящими через Мероэ, Сиену, Александрию, Родос, Геллеспонт, Борисфен и Туле, Эратосфен провел также несколько меридиональных линий: через Геракловы столпы, Карфаген, Александрию, Тапсак, Каспийские ворота и устье Инда. Кроме того, Эратосфен поделил обитаемую Землю на части, которые, видимо, находились в некотором соответствии с перечисленными только что меридианами и параллелями. Одна часть обнимала Индию, вторая — Ариану, третья — Иран до Евфрата и т. д. Об остальных частях, равно как и об их общем числе, Страбон, к сожалению, не сообщает.

Из описания названных частей, однако, явствует, что Эратосфен старался представить их себе в виде правильных геометрических фигур, отдавая этим дань стремлению к геометризации географических представлений, свойственному древнеионийской науке.

Индия имела у Эратосфена ромбоидальную форму, Ариана — форму правильного параллелограмма и т. д. Труднее было привести к правильным геометрическим очертаниям третью часть, ограниченную с юга Персидским заливом, а с запада Евфратом, не представлявшими собой прямых линий.

Помимо введения в географию астрономических и математических мерок, Эратосфен подошел к этой области знания также и с исторической точки зрения. Из полемики с ним Страбона, которому подобный подход к науке остался совершенно непонятен, явствует, что Эратосфен пытался проследить постепенное расширение географических знаний, а также и эволюцию космологических представлений. Он доказывал, например, что Гомер не знал многих стран и народов, что его кругозор был ограничен преимущественно бассейном Эгейского моря, что он не знал европейских скифов, а на их место поместил абиев и галактофагов, о которых Эратосфену было известно из сочинений спутников Александра Македонского, что они имеют совершенно другую локализацию, а именно за Яксартом.

Эратосфен утверждает, будто эпизоды странствований Одиссея, мыслившиеся Гомеру где-то в океане, локализовал в Западном Средиземноморье впервые лишь Гесиод, который отождествил со скифами и Гомеровых гиппемолгов. Также Эратосфен отмечает, что первоначально греки распространяли наименование Европы и Азии (а также Ливии) лишь на те области, где они жили сами и которые были им известны в результате непосредственных впечатлений, и лишь впоследствии эти наименования распространились на малоизвестные и вовсе не известные части соответствующих материков. И в данном случае Страбон обнаруживает свою резкую враждебность к исторической точке зрения Эратосфена, не допуская мысли, что то или иное наименование прилагалось когда-либо к части материка, а не к его целому.

Эратосфен воспринял у Аристотеля его гидрологическую теорию и также полагал, будто моря вследствие речных наносов обречены на постепенное отступление и обмеление. Он согласился с Аристотелем и в том, что моря истекают одно в другое — Меотида течет в Понт, Понт — в Эгейское море; соответственно этому возрастают глубины морей. Наибольшие глубины ему известны были в Ионическом и Тирренском морях. Он полагал также, что соединение морей между собой произошло вследствие напора скопившихся вод, которые разрывали перешейки, — таково было, по его мнению, происхождение проливов — обоих Боспоров и Геракловых столпов. Он считал также, что Суэцкий перешеек образовался именно благодаря спаду средиземноморских вод вследствие прорыва Геракловых столпов и соединения Средиземного моря с Атлантическим океаном. Он привлекает также в круг своих аргументов палеонтологические наблюдения — наличие раковин и других морских остатков на суше для доказательства тезиса о постепенном отступании моря.

Эратосфен, как мы видели, принял древнеионийскую точку зрения об общности океанов, подтвержденную для него наблюдениями Питея и других мореплавателей над регулярностью морских приливов и отливов. Скептицизм, высказанный на этот счет Геродотом и продолжавший существовать в других формах, в частности у Псевдо-Скилака, в отношении общности Эритрейского моря и Атлантики, не сущест-

вовал для Эратосфена после наблюдений Питея и Патрокла, доказавших, как он полагал, наличие соединенных между собой морей на севере и на востоке обитаемого мира. На востоке Индии, за Гангом, по Эратосфену, азиатский берег поворачивал к северо-западу и достигал Каспийского моря, вход в которое изображался в виде довольно узкого пролива, расширявшегося в глубину.

Описание северного побережья Азии и в особенности описание берегов Каспийского моря Эратосфен производил, как уже было сказано, на основании данных Патрокла. Наряду с Каспийским морем в качестве заливов океана им были описаны Персидский и Аравийский заливы, вливавшиеся из Южного океана, и как самый большой океанский залив было представлено Средиземное море. В дальнейшем, при описании северных берегов Европы, Эратосфен широко использовал наблюдения и предположения Питея, ввиду чего и был строго раскритикован Страбоном, обладавшим в отношении берегов Кельтики и Британии значительно более точными и обстоятельными данными Цезаря и Друза. В частности, Страбон порицает Эратосфена за то, что, доверившись Питею, он изобразил южный берег Британии в четыре раза длинней, чем он был на самом деле, вследствие чего сильно преувеличил общие размеры этого острова.

Страбон протестует и против доверия Эратосфена к сообщениям Питея о северных берегах Европы к востоку от устья Рейна, указывая, что об этих странах в его время, после походов римских полководцев, не было известно ничего определенного. К сожалению, в нашем распоряжении очень мало данных для суждения об описаниях Эратосфена внутренних областей северных стран, и, в частности, стран Причерноморья. Однако сохранные преимущественно Страбоном, а также и некоторыми другими авторами отдельные штрихи показывают, что Эратосфен был во многих случаях оригинален и располагал материалом, из других источников неизвестным. Таково, например, его сообщение о зимнем холоде в причерноморских странах, из-за которого лопались даже бронзовые сосуды.

Хотя Эратосфен и повторяет версию Гекатея о лунообразной форме Черного моря, но лишь в виде иллюстрации к соб-

ственным соображениям о разделении Эвксинского Понта как бы на две части мысами — Карамбисом, расположенным на пафлагонийском берегу Малой Азии, и Бараным лбом, находящимся в Крыму. Расстояние между этими мысами не превышает, по его мнению, 1000 стадий. Черное море, соответственно такому взгляду, состояло из двух отдельных морей, соединенных проливом шириной около двухсот километров. Представление об этих выступающих посредине Черного моря мысах восходит, насколько известно, к Эфору, что засвидетельствовано Псевдо-Скимном.

Эратосфен, подобно своим древнеионийским предшественникам, отнюдь не чуждался мифологического материала. Его в особенности, сколько можно судить по отрывочным данным, занимала легенда об аргонавтах, которых он во главе с Ясоном направляет пешком из Колхиды в Армению и Мидию. В этом свидетельстве, быть может, следует усматривать намек на попытку рационалистического истолкования Эратосфеном древней версии мифа об аргонавтах, предполагавшей их возвратное путешествие по Фасису и океану. Эратосфен, видимо, старался истолковать кавказский этап маршрута аргонавтов в свете тех данных, какие Патрокл сообщил о водном пути через Кавказ и Каспийское море в Индию.

Несравненно больше можно сказать об осведомленности Эратосфена в области географии Северной Азии, для описания которой, помимо сочинений спутников Александра Македонского он пользовался, несомненно, и перизгесой Демодаманта, побывавшего у северных рубежей Индии и на Сырдарье. Именно ему, вероятно, Эратосфен обязан своими сведениями о верхнем течении рек Окса и Яксарта и живущих по этим рекам народах.

Эратосфен знает массагетов к западу от течения Окса. Согдиан и саков он помещает к северу от Индии, а частично и бактриан, которых он называет также соседями массагетов, имея в данном случае в виду, может быть, бактрийскую границу на западе на рубеже III—II столетий до н. э. Эратосфенову границу между саками и согдианами по Яксарту, равно как и между согдианами и бактрами по Оксу, находим мы и у Птолея. В тапирах, между гирканами и ариями, следует видеть, может быть, тех тапуриев-скифов, которых Птоле-

мей локализует в Скифии вместе с анареями и галактофагами у подножия Тапурских гор.

Не в пример спутникам Александра Македонского и авторам, писавшим на основании их данных, Эратосфен осведомлен совершенно точно о раздельности бассейнов Каспийского моря и Меотиды, а также о раздельности и независимости друг от друга рек Окса и Яксарта, с одной стороны, и Танаиса — с другой. По этому поводу он полемизирует с Поликлетом, утверждавшим идентичность Яксарта и Танаиса, в частности, на том основании, что на Яксарте растет ель — растение, по мнению Поликлета не встречающееся в Азии. Эратосфен показал, что ель растет также и в Индии и что именно из елового леса Александр Македонский соорудил свой флот. Страбон прибавляет к этому, что Эратосфен опроверг многие из подобных утверждений спутников Александра, основанные на ошибочных географических представлениях.

Этим исчерпываются данные для суждения о географии Эратосфена как в общих ее чертах, так и применительно к северным странам. Насколько позволяют судить по большей части отрывочные замечания Страбона, Эратосфен пытался привязать изображение обитаемой Земли, полученное им от предшествующей географической традиции, и те поправки, которые были привнесены в IV и III столетиях до н. э., к твердому костяку меридианов и параллелей, проведенных им на основании астрономических определений и арифметических расчетов расстояний. Эратосфен, однако, в своих расчетах отправлялся не от градусной сетки, на которую посредством определения широты и долготы были бы нанесены границы материков, страны, реки, горы и отдельные пункты. Наоборот, его меридианы и параллели были привязаны к некоторым географическим пунктам, находившимся, по его далеко не всегда точным расчетам, на определенном меридиане или параллели. Так, меридиан, проведенный им через Александрию, проходил через Родос, Троаду, Византий и Борисфен — пункты, лежащие в действительности далеко не на одном меридиане, со значительными отклонениями от него к западу и востоку.

Эти искажения бросились в глаза Гиппарху, который на полстолетия позже разделил меридиан на 360 частей и, при-

няв измерение земного круга Эратосфена, определил протяжение одного градуса в 700 стадий, назвав каждое такое расстояние «климатом». Гиппарховы климаты представляли собой, в сущности, лишь более дробные и регулярные деления тех семи частей обитаемой Земли, которые установил Эратосфен своим разделением меридиана на пространстве от Мероэ до Туле.

Гиппарх не создал своей собственной карты мира и даже не описал ее хотя бы самым схематическим образом. Он лишь указал путь для составления такой карты. По этому пути значительно позже пошли географы Марин Тирский и его ученик Птолемей.

Завоевательные войны как способ получения географических знаний. Страбон

Дальнейшее обогащение географических знаний о северных странах происходило главным образом в результате завоевательных войн, которые Рим вел на северо-западе и северо-востоке своих обширных границ во II—I столетиях до н. э. Эти новые знания не могли изменить общие географические представления, так как сообщали о странах, известных в отдельных чертах уже и ранее, но малоизученных вследствие их отдаленности или неприступности.

Если в эпоху завоевания римлянами Македонии римские легионы проникали в глубь Фракии, то подойти к Дунаю в его нижнем течении довелось впервые лишь Марку Ливию Друзу в 112 году до н. э. и Гаю Скрибонию Куриону в 74 году до н. э., во время их походов против скордисков и дарданов. Эти войны познакомили древних географов с некоторыми отдаленными племенами фракийцев, бастарнов и даков, описание которых со значительными подробностями, заимствованными преимущественно из римских источников, находим мы у Страбона.

Весьма существенные пополнения в географических знаниях кавказских стран были привнесены в древнюю науку

в результате римских войн с царем Понта и Боспора Митридатом VI Эвпатором. В 69 году до н. э. Лукулл, преследуя соединенные понтийские и армянские силы, проник глубоко в Армению и взял столицу ее Тигранакерт, незадолго перед тем отстроенную Тиграном II на месте позднейшего Мартирополиса (современный Фаркин в Турции), и проник до древней столицы Армении Артаксаты на Араксе (современный Арташат, близ современного Еревана).

Сменивший Лукулла на посту командующего войсками против Митридата Помпей, преследуя отступавшего противника, проник в 66–65 годах до н. э. в Колхиду, Иберию и Албанию и очутился всего на расстоянии трехдневного перехода от Каспийского моря. Помпея в его походах сопровождал друг его, историк и географ Теофан Митиленский, записками которого широко воспользовался Страбон и другие более поздние авторы, писавшие о Митридатовых войнах и о странах Кавказа⁵⁰. Следует сказать, что Страбон и сам, будучи каппадокийским уроженцем, был сведущ в кавказской географии⁵¹; поэтому описание внутренних областей Кавказа, а также и его черноморского побережья, ставшего более известным с тех пор, как по нему прошел на север Митридат, спасаясь от преследования Помпея, сделано им со значительной полнотой. Для этих описаний, помимо общегеографических трудов своих предшественников, Страбон использовал также историческую и географическую литературу, основанную на локальных данных, в частности сочинения Метродора Скепсийского, Артемидора Эфесского и Гипсикрата Амисенского, живших на рубеже II—I столетий до н. э. и уделивших в своих произведениях много внимания географии Кавказа.

Страбон представляет себе Кавказ на основании описания Метродора в качестве горного хребта, протянутого с запада на восток между Черным и Каспийским морями, к югу от которого находятся Иберия и Албания, а к северу — скифосарматские степи. В южной части посредством своих отрогов Кавказ соединяется с Арменийскими и Мосхийскими горами (то есть с хребтом Малого Кавказа), которые, в свою очередь, продолжают на юго-западе в качестве хребтов Скидиса и Париадра, являющихся продолжением малоазийского

Тавра. Между названными хребтами на побережье Черного моря находится Колхида, о которой Страбон сообщает, контаминируя различные и разновременные источники и впадая вследствие этого в некоторые противоречия. На основании источников более древних, восходящих в конечном счете к Эратосфену и Патроклу, юго-западная граница Колхиды помещается им на малоазийском побережье чуть ли не у Амиса (II, 1, 3). Более поздние данные, происходящие из сочинений эпохи Митридатových войн (XI, 2, 18), заставляют его отодвинуть границу области колхов значительно к востоку и поместить ее между Фасисом и Трапезунтом.

Противоречие это должно найти свое объяснение в том, что более древняя версия имела в виду прежде всего описание торгового пути, ведшего через Колхиду из закаспийских стран к греческим портам Малой Азии и связывавшего Колхиду с Амисом и Синопой, до которой от Фасиса два дня пути. Позднейшая же версия, помимо того, что она основывалась на более точных данных, относится к тому времени, когда колхидская торговля, видимо, уже утратила свое первоначальное значение греко-индийского транзита, приобрела более локальный характер и из торговли экзотическими товарами обратилась преимущественно в торговлю солью.

Из населенных мест Колхиды Страбон называет три прибрежных пункта: Фасис, Диоскуриаду и Питиунт, известные ему из Артемидора и более древних источников. Они же назвали ему реки Колхиды: Фасис, Гипп и Главк. Эти имена в качестве названий рек встречаются у различных авторов, причем вместо последней чаще фигурирует Кианей — название, выражающее, однако, этимологически почти синонимическое понятие.

Реки Гипп и Кианей (Главк) более поздними авторами локализируются обычно на побережье между Диоскуриадой и Фасисом не как притоки последнего, а как реки, впадающие непосредственно в Черное море. Страбон указывает истоки Фасиса в Армянских горах (XI, 2, 17). По этой версии, опять-таки теснейшим образом связанной с описанием торгового пути из закаспийских стран к Черному морю, шедшего по долине Аракса, за верховья Фасиса принимался крупнейший левый приток Риона — река Квирила, берущая

начало с Сурамского хребта, вдоль русла которой проходила древняя дорога из Колхиды в Армению — так называемая «Каспийская дорога».

Теофан Митиленский сообщает о судоходности Фасиса вплоть до крепости Сарапаны (отождествляемой с современной Шорапани), откуда имеется дорога, ведущая в долину реки Кир (Куры), которой, вероятно, хотя бы частично воспользовался Помпей на своем пути в Иберию. Страбон в противоречие с вышеуказанным сообщением выводит Фасис из гор, лежащих над Иберией (X, 3, 4), имея в виду в данном случае верхнее течение Риона, наименование которого слышится, может быть, в имени реки Рис, называемой в числе рек Колхиды еще Псевдо-Скилаком.

Диоскуриаду, а не Фасис — в противоречие более древним авторам и полемизируя с Эратосфеном, считавшим наиболее удаленным к востоку пунктом Средиземноморья Исский залив, — называет Страбон самым восточным пунктом Черного моря. Это указывает на то, что слава Диоскуриады вобрала в себя все представления, относившиеся первоначально к Фасису. Близ Дискуриады Страбон помещает реку Харес, идентичную Харию или Хариенту других авторов и отождествляемую с современной рекой Хопи.

На границе Колхиды и Иберии Страбон помещает крепость Идеессу, названную так, вероятно, спутниками Помпея, а ранее именовавшуюся «Фриксовым городом» (XI, 2, 18), — пункт, связанный с именем Фрикса, скорее всего, какими-либо культовыми ассоциациями. Подтверждением этому предположению может служить еще и свидетельство Тацита об оракуле и святилище Фрикса в земле иберов и албанов, где запрещалось приносить в жертву баранов. Вероятно, этот же самый пункт имеет в виду Страбон, пользуясь более древним источником и сообщая о выстроенном Фриксом в стране мосхов святилище Левкотеи, где также запрещалось приносить в жертву баранов. Наконец, может быть, этот же самый пункт упоминает и Плутарх, именуящий его Бриксаба и помещающий его на Танаисе, в порядке отождествления последнего с Фасисом. Весьма вероятно, что сходство наименования этого пункта с именем Фрикса сыграло немалую роль в привлечении к нему соответствующих легенд.

В качестве ближайших соседей колхов Страбон называет фтейрофагов, локализуемых им в горах к северу от Диоскуриады (XI, 2, 1), которых более поздние источники помещают в районе Питиунта и отождествляют с Геродотовыми будинами-гелонами, помещенными Псевдо-Скилаком на основании древнеионийских данных на кавказском берегу. Неподалеку от них Страбон помещает соанов, характеризуя их как весьма многочисленное, воинственное и могущественное племя, в чьей стране добывается золото. Имя соанов, в котором нельзя не подозревать имени позднейших сванов, упоминает Плиний, локализирующий их на реке Хобе (современная Кодори).

Между Кавказским хребтом и Арменией Страбон помещает Иберию и Албанию. Последняя находится на берегу Каспия и отделяется от первой областью Камбисеной (XI, 4, 1, 5). В другом месте (XI, 14, 4) и, несомненно, на основании другого источника Страбон характеризует Камбисену как горную, покрытую снегом местность, расположенную между Арменией, Иберией и Колхидой, которую по этим указаниям необходимо локализовать в современной Ширакской степи. Именем своим она связана с наименованием реки Камбис, отождествляемой с современной Иори, впадающей в Куру выше Алазани.

Иберов, населяющих долину Куры, занимающихся земледелием и обладающих высокой материальной культурой, Страбон не отграничивает строго от северных горных племен, находившихся в соседстве и родстве со скифами и сарматами. Эти горные племена, к которым, несомненно, должны быть причислены и многие из жителей Северного Кавказа, в то время еще не оформившиеся и не обособившиеся резко в этническом и политическом отношении, Страбон характеризует опять-таки как земледельческие, имея в виду, вероятно, земледелие лишь менее интенсивное, чем у долинных иберов.

Имя кавказских иберов Страбон производит, как и многие другие авторы, от иберов Пиренейского полуострова на том основании, что в их горах, как и в горах Испании, добывается золото (XI, 2, 19). Из рек Иберии, помимо реки Кир, для которой он знает более древнее имя — Кор, свидетельствую-

шее о том, что упоминание об этой реке содержалось в некоем, более древнем, чем описание Теофана Митиленского, источнике (вероятнее всего, у Эратосфена), Страбон называет пять ее притоков: Арагон (современная Арагви), Алазаний (современная Алазань), Сандобан, Ритак и Хан. Из трех последних наименований, названных лишь Страбоном, ближайшему отождествлению поддается, может быть, лишь Хан, сопоставляемая именем своим с современной рекой Канак в Дагестане.

Из населенных пунктов древней Иберии Страбон упоминает только две крепости — Гармозику и Севсаморы. Первый из этих пунктов упоминается также Плинием и Птолемеем, причем Плиний называет его столицей Иберии. Локализуется он на основании топонимических и с недавнего времени весьма умножившихся археологических данных на месте Армазцихе, близ средневековой столицы Грузии Мцхета. Второй из названных пунктов связывается с группой археологических памятников, сохранивших древнее название Цикамури, близ местности, именуемой Самтавро, недалеко от Мцхета.

В качестве источника, использованного Страбоном для характеристики древнеиберийских социальных установлений, скорее всего, служил все тот же Теофан Митиленский, так как до похода Помпея греческие землеописания не содержали известий об иберах. Теофан руководствовался не только личными наблюдениями, но также и литературными данными, при этом, вероятней всего, иранского происхождения. В этом убеждает прежде всего то, что характеристика иберийского политического строя лишена той непосредственности, которая отличает, например, характеристику племенной организации соанов с их царем и советом из трехсот старейшин.

Характеристика социального строя древней Иберии, приводимая Страбоном, возникла под влиянием представлений о кастовом характере индийского и арийского древнейшего государственного устройства, нашедшего свое отражение в Зенд-Авесте. В четырех социальных категориях древнеиберийского общества — царях, жрецах, воинах (земледельцах) и рабах — улавливается без труда нечто близкое к характе-

ристике скифского политического устройства, известной из Геродота, где также выделены скифы царские, или род (племя), из которого происходят цари, энареи, опять-таки род, или племя, жрецов, скифы-земледельцы и, наконец, скифские племена, являющиеся рабами скифов царских.

Эта же общественная градация выражена символически и в легенде о дарах (плуг, ярмо, секира и чаша), упавших с неба и как бы предопределивших соответствующие социальные категории скифов. Несомненно, что на характеристике социальных отношений скифов у Геродота отразились те же древнеиранские политические представления.

Расположившуюся на каспийском побережье Албанию Страбон ограничивает с севера отрогами Большого Кавказа; те из них, которые спускаются к Каспийскому морю, он называет Керавнскими горами. Это наименование Птолемей прилагает к северным отрогам Кавказа вообще.

С юга Страбон ограничивает Албанию Арменией, тогда как в действительности она должна была граничить с Мидией, тем более что Страбон подчеркивает принадлежность к Албании области племени каспиев, поглощенного албанами, видимо, незадолго до времени Теофана, а ранее того входившего в состав Мидии. Именно в области каспиев протекали через Албанию реки Кир и Аракс в их нижнем течении, которые уже у Плиния, ссылающегося на «большинство» писателей, имеют общее устье, хотя еще Птолемей наряду с рукавом Аракса, впадающим в Куру, показывает и его собственное устье. Страбон, однако, пользуясь в данном случае, видимо, Эратосфеном, говорит отчетливо об их отдельных устьях.

Страбон не показывает ни одного населенного пункта Албании, не найдя их, видимо, в своих источниках. В том, что он, помимо Теофана Митиленского, вряд ли располагавшего значительными сведениями, основанными на непосредственных впечатлениях, пользовался также широко сочинениями Аминты, одного из бематистов⁵² Александра Македонского, убеждает целый ряд наблюдений. Прежде всего на это указывает описание природы и населения Албании в стиле легенд о «золотом веке», в каком выдержаны описания гипербореев и других легендарных племен, ведущие «счастливый и справедливый» образа жизни.

Страбон сам называет образ жизни албанов «киклоповским», то есть легендарным (XI, 4, 3). Он подробно рассказывает о том, что земля Албании, орошаемая лучше долин Евфрата и Нила, не требует обработки, все в ней произрастает само по себе и плоды лишь в незначительной части используются людьми, обладающими высоким ростом, красотой, простодушием и беззаботностью. Они не имеют гражданского устройства, лишены мер, весов и торгашеских наклонностей и обладают весьма миролюбивым нравом. В их земле водятся прекрасные животные, но также и ядовитые пресмыкающиеся. Албаны и их собаки весьма пристрастны к охоте. В этих рассказах немало параллелей к тому, что можно найти у Аминты в отношении каспийских коней и необычных мышей. Вероятно, из Аминты же заимствован передаваемый Плинием рассказ об албанских собаках необыкновенной силы, подаренных албанским царем Александру, презирающих медведей и поражающих львов и даже слонов.

К реальности Страбон возвращается лишь там, где на основании данных Теофана характеризует вооружение албан как подобное вооружению иберов. С албанами, так же как и с иберами, сражаются совместно горные и кочевнические племена, находящиеся с ними то во вражде, то в дружбе. Относительно общественного устройства албан Страбон, со слов Теофана, сообщает о двадцати шести албанских племенах (родах?), говорящих на различных наречиях и управляющихся отдельными царьками (старейшинами), подчинявшимися, однако, общему царю (племенному вождю).

Религию албанов Страбон характеризует на примере культов божеств плодородия, отождествляемых им с Солнцем, Зевсом и Луной; святилище этих божеств он указывает где-то в западных пределах Албании, у границ Иберии. Все, что он сообщает далее о жрецах этого святилища, являющихся, как и у скифов или иберов, после царей наиболее почитаемыми людьми, и об оракуле этого святилища, аналогичного, вероятно, оракулу анариаков, в особенности же об обычае годичной смены жрецов посредством их убийства, вполне соответствует тому, что известно о культе божеств плодородия у других древних народов, в частности у скифов.

Все же общее впечатление от рассказа Страбона о колхах, иберах и албанах таково, будто это сообщение офицера о проделанной им кампании; в этом смысле Страбон несколько приближается к описаниям Юлия Цезаря. Впечатление это обуславливается, несомненно, тем, что Страбон опирался в первую очередь на данные Теофана, не упуская случая сообщить о количестве воинов, характере дорог и проходов, естественных и искусственных укреплениях, судоходности рек. Не исключено, что наряду с описаниями Теофана ему в той или иной форме были доступны донесения Публия Канидия Красса, участника парфянского похода Марка Антония, зимой 36 года до н. э. проникшего к Куре и принудившего иберов и албан к повиновению. О его пребывании на Кавказе и о путях, которыми он шел, Страбон сообщает наряду с упоминанием о путях Помпея (XI, 3, 5). Характеристику племени албанов, основанную на легендах, рассказанных Аминтой о прикаспийских племенах, Страбон, быть может, нашел уже у Метродора Скепсийского или Гипсикрата, если только даже не у самого Теофана, ибо он ссылается на всех трех названных авторов при передаче легенд о кавказских амазонках.

Теофан сообщал об амазонках в связи с рассказом о племенах гелов и легов (речь идет, вероятней всего, об одном, но по-разному перетолкованном имени, звучащем близко к имени гелонов), которых он локализует по соседству с албанами, на с большим трудом поддающейся отождествлению реке Мермадаль. Эту реку на основании уже другого источника Страбон в следующем параграфе называет Мермод (XI, 5, 2); она течет с гор по земле племени сираков (Сиракене) и впадает в Меотиду; у верховьев этой реки живут гаргареи — племя, связанное с амазонками и с их родиной — Темискирой. И наконец, уже на основании третьего источника, излагавшего историю войны боспорского царя Фарнака с римлянами, Страбон называет реку, текущую по земле сираков, Ахардеем; эта река, вытекает с Кавказских гор, впадает в Меотиду и по своему положению должна быть отождествлена с современным Манычем. Что же касается имен Мермод и Мермадаль, то в них следует видеть не что иное, как перетолкование того же самого местного наименования,

которое слышится в имени Ахардей, — перетолкование, произведенное при этом на «амазонский» лад, по сходству с именем Термодонт.

Отношения амазонок с гаргареями, живущими по склонам Керавнских гор (под этим именем Страбон в данном случае представляет Северный Кавказ вообще), рисуются Метродором и Гипсикратом как отношения, характерные для племен, живущих в условиях группового брака. Так же, как в VI—V столетиях о савроматах, о гаргарейских амазонках сообщается, что они вырезают правую грудь; сражаются на войне, ухаживают за лошадьми и т. п., Страбон, излагая эти мифические рассказы, относится к ним более критично, чем Геродот или Псевдо-Гиппократ. Он не пытается объяснить рационалистически культовые и мифические факты, а лишь старается оттенить их нереальность и неисторичность, что особенно ярко выступает в его интерпретации легенды о встрече Александра Македонского и царицы амазонок Фалестрии (XI, 5, 4).

Впрочем, к рассказам об аргонавтах и о следах их пребывания во внутренних областях Кавказа, равно как и об Армене — эпониме и родоначальнике армян, Страбон относится с гораздо большим доверием, считая их, очевидно, необходимым «идеологическим» придатком сообщений о варварских народах, вводимых посредством подобных легенд в общеэллинскую семью.

Весьма вероятно, что из того же самого источника, откуда Страбон заимствовал сведения о сираках, живущих на Маныче, и об аорсах на Дону, а также о набианах и панксанах, другими авторами не упоминаемых и до того, вероятней всего, скрывавшихся под общим именем савроматов и меотов, получены были им сообщения и о племенах кавказского берега Черного моря, расположенного между Колхидой и Боспором, через земли которых совершил свой отход на Боспор Митридат Эвпатор в 65 году до н. э. И Артемидор Эфесский, и безыменные историки Митридатых войн, которым Страбон доверяет в особенности, повторяя преимущественно имена, названные для восточного побережья Черного моря в перипле Псевдо-Скилака, исключают из их числа кораксов, распространяя на территорию этого племени имя гениохов, которых вместе с зигами и ахеями, занимав-

шими значительные пространства по берегу к северо-западу от гениохов, Страбон характеризует как довольно дикие и воинственные племена, ведущие оживленную разбойничью торговлю при поддержке царей Боспора (XI, 2, 12) на своих легких, именуемых «камарами» судах.

За именем гениохов Страбон позволяет угадывать для эпохи Митридата по крайней мере четыре самостоятельных племени, ибо у них было четыре царя (племенных вождя), которым, в свою очередь, подчинялись скептухи — родовые старейшины. О том, что имя гениохов являлось собирательным и скрывало за собой другие племена, переживавшие на рубеже нашей эры период бурного этногенеза и территориальной экспансии, подобно родственным сарматским племенам северочерноморских степей, мы узнаем от авторов, описывавших восточный берег Черного моря несколько позже Страбона, в конце I и во II столетии н. э.

Взаимоотношения гениохийских племен с боспорскими и понтийскими греками привели к возникновению соответствующих «эллинизирующих» эти племена легенд; то же самое было в отношении скифов и армян. Их эллинизированные имена — гениохи, зиги, ахеи — стали производить или от Диоскуров, культ которых засвидетельствован Лукианом на кавказском побережье под местным именем Кораков, или от древних ахейцев, заблудившихся на море по окончании Троянской войны, или же, как это делает Страбон, от ахейцев-фтиотов, из числа спутников Ясона, то есть от тех же аргонатов.

Страбон называет имена мифических возниц Диоскуров — Река и Амфистрата, от которых якобы произошли гениохи (XI, 2, 12). У Солина эти имена звучат как Керкий и Амфит (XV, 17); первое из названных имен позволяет предполагать, что легенда в этой ее версии имела также в виду еще одно из гениохийских племен восточного берега Черного моря, известное с глубокой древности, а именно керкетов. Во всяком случае, наличие различных версий легенды свидетельствует о том, что она разрабатывалась в различных центрах и фигурировала в нескольких друг от друга независимых исторических и географических произведениях. При описании северокавказского побережья Черного моря, примыкаю-

шего к Боспору и находившегося в сфере его политического влияния, Страбон называет несколько меотийских племен, имена которых заимствованы им из описания войн Полемона с местными династами за обладание боспорским престолом. Среди них, помимо известных еще из Гекатея дандариев и восходящих к ионийским источникам синдов и торетов, названы агры, аррехи, тарпеты, обиднакены, ситтакены, доски и аспургианы.

Видимо, вслед за Эратосфеном Страбон разделяет Северную Азию на две части — к западу и к востоку от Каспийского моря, принимаемого им за залив Скифского океана (XI, 1, 5). В своем описании восточной части Северной Азии, от Каспийского моря до Северной Индии, Страбон опирается нередко на сведения, исходящие от спутников и биографов Александра Македонского, имена которых он называет сам: Клитарха, Аристобула, Поликлета и других; сообщениями их он воспользовался, вероятно, не непосредственно, а через Эратосфена, послужившего для него также передатчиком сообщений Патрокла и Демодаманта.

Из сочинений Эратосфена и Гиппарха происходит, вероятно, в значительной степени и та критика, которой Страбон подвергает неточные и нередко перемешанные с легендами сообщения писателей эпохи Александра. Однако в его распоряжении должны были быть также и сведения, происходящие из куда более поздних источников, сообщавших о событиях второй половины II столетия до н. э., связанных с экспансией тохарских племен и крушением Греко-Бактрийского царства. Сопоставление соответствующих сообщений Страбона с извлечениями Юстина из истории Помпея Трога показывает, что Страбон мог использовать эту последнюю в качестве своего источника.

Не касаясь тех данных, которые относятся к прикаспийским областям и были уже рассмотрены в связи с обсуждением плавания Патрокла, отметим, что североазиатские пространства Страбон заселяет племенами даев (дагов), массагетов и саков. Для общего обозначения всех этих племен, включающих в себя еще более мелкие племена, имеющие собственные наименования, Страбон употребляет имя скифов (XI, 8, 2).

Скифов-даев, названных также Юстином и Птолемеем вместе с парками в качестве обитателей Маргианы, западная граница которой лежит у него на каспийском побережье, Страбон не прочь породнить с дунайскими даками (VII, 3, 12) и настаивает на том, что имя последних происходит от имени даев. В числе даев он называет апарнов (в другом месте — XI, 7, 1 — названных парнами), имя которых не может быть оторвано от наименования реки Сарния, впадающей в Каспийское море и отделяющей Гирканию от скифской пустыни.

Далее к востоку от апарнов находились территории, занятые ксандиями, или ксантиями, и писсурами, также объединявшимися именем даев, и париями. Наконец, еще в одном месте (XI, 9, 3) Страбон употребляет имя «парны», отождествляет их с ксандиями и париями и выводит их, указывая, впрочем, на то, что мнение это не является общепринятым, из области над Меотидой. Эта локализация изобличает источник времен Александра Македонского, заставляющий реку Окс по отождествлении ее с Танаисом впадать в Меотиду, увлекая за собой и расположенные по ее течению племена.

Такое же механическое соединение разнородных данных обнаруживается при рассмотрении Страбоновой характеристики массагетов, имя которых он также считает объединяющим большое количество разных племен, живущих к тому же в самых различных условиях: на горах, в равнинах, в болотах и на островах. Вслед за этим Страбон воспроизводит Геродотову характеристику массагетов во всех ее существенных чертах, называя даже реку Окс (или Яксарт), на которой они живут, Араксом (XI, 8, 6).

В остальном же эта весьма реальная и детальная характеристика быта живущих в разнообразных естественных условиях среднеазиатских племен, в отдельных чертах совпадающая с этнографическими деталями характеристики аргиппеев у Геродота, восходит, быть может, скорее всего, к Демодаманту, который подчеркнуто говорит о различных народах, сближая их образ жизни со скифским. Таким образом, имя массагетов на них распространил, может быть, уже сам Страбон.

То же самое проделывает Страбон и с саками, из числа которых он выделяет как наиболее известных, в связи с предпринятой ими в середине II столетия до н. э. экспансией

в южном и западном направлениях, асиев, пасканов, тохаров и сакаравлов (XI, 8, 2). Три первые из названных имен в таком же порядке повторяются у Птолемея (VI, 12, 4), поместившего их в Согдиане, между Оксийскими горами и северной частью русла Яксарта, и наименовавшего их ласками, патиями и тахорами.

Сообщая далее некоторые факты из истории саков, Страбон относит к ним то, что Геродот рассказывает о воевавших с Киром массагетах (XI, 8, 5). В особенности же любопытно, что Страбон связывает с саками те походы в области Кавказа и в Мидию, которые Геродот приписывает европейским скифам. В частности, Страбон относит к сакам легенду об уничтожении мидянами (вместо которых у него фигурируют персы) варварского войска на пиру (XI, 8, 4) — событие, которое Геродот связывает с Киаксаром и скифами, пришедшими из Европы.

Северочерноморские области Страбон описывает весьма подробно, в особенности же подробно Боспор с его населенными пунктами и прилегающие к нему местности. Наряду с данными, восходящими к древнеионийским источникам, воспринятыми им через посредство Эратосфена или через эллинистические периплы, он весьма широко пользуется материалом, содержащимся у историков Митридатовых войн и в локальных историко-географических очерках. В особенности любопытно его описание Азовского моря с эмпориями и рыбными промыслами, весьма содействовавшими расцвету боспорской торговли.

Описание Боспора сшито также из различных, механически соединенных описаний. Это явствует хотя бы из того, что на протяжении одного лишь § 10, главы 2, книги XI Фанагория присутствует у него в трех разных написаниях. Видимо, это следствие использования разных источников.

При описании Танаиса — греко-варварского эмпория при устье Дона, торговое значение которого Страбон весьма подробно характеризует, он вспоминает о недавнем разрушении его Полемоном — замечание, из которого следует заключить, что описание это заимствовано из истории войн потомков царя Митридата. К этому описанию присоединена затем часть перипла Азовского моря, перечисляющего населенные

пункты, рыболовецкие станции — Большой и Малый Ромбиты, локализуемые у Ейского и Бейсугского лиманов, с указанием разделяющих их расстояний, близкий им по наименованию пункт Тирамбу, известный также Птолемею, который также называет племя тирамбов (V, 9, 17), живших, очевидно, в районе названного пункта.

Описание Крыма и черноморского берега до устья Дуная отмечено теми же чертами, что и описание Боспора: данные древних периплов Страбон весьма обильно разбавляет сведениями, заимствованными из описаний истории Митридатовых войн, с прямыми ссылками на Посидония и Аполлониды при описании Крыма (VII, 4, 3). Наряду с деталями географическими и этнографическими Страбон сообщает целый ряд фактов из истории Крыма в эпоху Митридата VI, параллели которым содержатся в эпитафическом⁵³ декрете херсонесцев в честь понтийского полководца Диофанта, а также в Херсонской присяге. При описании устья реки Тиры Страбон (VII, 3, 16) упоминает о Неоптолемовой башне, названной так, видимо, по имени Митридатова полководца Неоптолема, о котором Страбон далее говорит в связи со сражениями его с боспоранами в Керченском проливе, ведшимися летом на море, а зимой на льду (VII, 3, 18).

Что касается до описания собственно европейской Скифии, то здесь Страбон весьма краток. Кроме некоторых местных наименований, связанных с крымскими скифами, из их племен он называет лишь тафриев у Каркинитского залива (VII, 3, 19), которых мы выше отождествили, да, вероятнее всего, от этого же имени названных тавров (VII, 4, 2). Крым, а также пространство близ черноморского берега до Днепра Страбон называет «Малой Скифией», прилагая это наименование, собственно говоря, почти к той же территории, которую Геродот называл «Старой Скифией». Однако тут же, в противоречие с этим утверждением, Страбон называет Малой Скифией некоторое пространство к югу от устья Дуная (VII, 4, 5; ср. VII, 5, 13), видимо, соответствующее позднейшей Добрудже, именовавшейся Скифией и по римской провинциально-административной номенклатуре.

В качестве скифских местных наименований Крыма Страбон приводит лишь три, видимо упомянутые Гипсикратом

в его историческом труде, — Палакий, Хаб и Неаполис. Все три названные пункта принадлежат крымскому скифскому царству Скилура и его сыновей. Столицей царства крымских скифов является последний из этих пунктов, локализующийся на основании эпиграфических и значительных археологических данных близ современного Симферополя, на городище Кременчик. Что касается первых двух, то Хаб должен быть сопоставлен со скифским племенным наименованием хабаев, засвидетельствованным декретом в честь Диофанта.

Палакий упомянут лишь у Страбона. Отсутствие этого пункта в Диофантовом декрете позволяет предполагать его локализацию где-либо в стороне от Херсонеса. Наименование это связывается с именем скифского царя Палака, сына Скилура, и должно быть также сопоставлено с упомянутым у Плиния таврским городом Плакией. Весьма вероятно, что речь идет об одном и том же пункте. К перечисленным наименованиям следует прибавить также Тамираку, поселение, засвидетельствованное Птолемеем и другими авторами, локализуемое на берегу Каркинитского залива, близ современного селения Джарылгач. Наименование это в первую очередь должно быть сопоставлено с древним местным наименованием Азовского моря — Темарунда, засвидетельствованным Плинием, что, по его словам, означает «мать моря». Реальность этого эпитета, а стало быть, возможно и перевода подтверждается Геродотовым сообщением о том, что скифы называют Меотиду «матерью Понта».

О собственно европейской Скифии Страбон не сообщает почти ничего. Он подчеркивает полную неизвестность северных областей Восточной Европы, о чем свидетельствует, в частности, неизвестность истоков главнейших ее рек — Борисфена и Танаиса. Относительно Борисфена Страбон знает все же, что он судоходен на расстоянии 600 стадий (то есть около 120 километров), течение же Танаиса ему известно и того меньше ввиду суровости климата, препятствующей проникновению на север чужеземцев (XI, 2, 2).

Страбон опускает не только данные мифической географии Скифии (которых он касается лишь частично в связи с полемикой по поводу географической осведомленности Гомера), но также и те скифские племенные имена, какие

известны из ионийских и более поздних, но основанных на них источников. Страбон называет их, равно как и упоминающих их авторов, опять-таки лишь в связи с полемикой вокруг Гомера. Он сам приводит весьма ограниченное число племенных имен, связанных, очевидно, так или иначе с событиями эпохи Митридата и его преемников. Перечисляя эти племена с запада на восток, он упоминает тирегетов, язигов-сармат, к которым прилагает эпитет «царские», и ургов. Севернее этих племен живут роксоланы, за чьей территорией начинаются неизвестные местности (VII, 3, 17).

Что касается первого из этих имен, то оно связано, с одной стороны, с именем Тиры (Днестра), по нижнему течению которой и локализует его Страбон, а с другой — оно является, вероятно, одним из древнейших западноскифских наименований, поскольку известно уже Гекатею в форме миргеты (у Геродиана, может быть, по ошибке — гиргеты), сопоставляется с племенным наименованием тиссагеты, засвидетельствованным Геродотом (IV, 22), и с упомянутым у него же именем скифского царя Таргитая.

В соседстве с этим древним именем Страбон называет язигов-сармат, засвидетельствованных лишь поздними авторами, прежде всего Овидием, на той же приблизительно территории, где их помещает Страбон. Аммиан Марцеллин на основании переданной Птолемеем традиции (III, 5, 19) указывает их родину у Меотийского озера, а второе их имя — сарматы, приводимое Страбоном, позволяет считать их выходцами из числа сарматских (савроматских) племен. В связи с этим должен быть истолкован и эпитет «царские», придаваемый им Страбоном.

Эпоха Митридатовых войн была также временем чрезвычайной активизации сарматских племен, утвердивших свою династию на боспорском престоле (начиная с Асандроха, или Асандра), расселившихся по Скифии и возглавивших, очевидно, союз (или союзы) скифских племен, поскольку с этого времени имя сармат оттесняет на второй план в исторической и географической номенклатуре имя скифов. Именно одному из сарматских племен — язигам, отличавшимся наибольшей экспансией, Страбон и придает эпитет «царские», в том же, очевидно, смысле, в каком его употреблял Геродот,

а до него, вероятно, иранцы по отношению к племенам, возглавлявшим военные союзы скифских племен, и в каком его употребляет применительно к гуннам византийский писатель V века Приск Панийский.

Плиний застаёт язигов уже на Дунае, к югу от его устья, и к северо-западу, вплоть до реки Тиссы, где их под именем язигов-метанастов (то есть переселенцев) локализует Птолемей. Проникновение язигов столь далеко к западу и распространение ими своего имени на все пространство так называемой «Старой Скифии» произошло, видимо, во время императора Клавдия, когда Тацит знает их в союзе со свевами в войске вождя одного из германских племен «царя» Вания. В латинских надписях этого и более позднего времени они фигурируют просто под именем «сармат».

Имя роксоланов вместе с именем язигов упоминает Птолемей, локализуя их, как и язигов, у берегов Меотиды, что позволяет видеть в них такое же сарматское племя, наименованием своим связывающееся с родственными сарматам аланами, в которых Аммиан Марцеллин на основании неизвестных нам данных видит потомков прикаспийских массагетов (XXX, 2, 3).

Как воинственное племя, кочующее зимой в болотистых местностях близ Меотиды (то есть, очевидно, к востоку от Азовского моря, в прикаспийских областях), а летом в открытых степях, описывает роксоланов и Страбон (VII, 3, 17). Он детально характеризует их быт и вооружение на основании рассказа, заимствованного, вероятней всего, у Посидония или Аполлонида, у которых он почерпнул свои сведения о войнах Митридата с крымскими скифами (VII, 4, 3). Однако имя роксолан в качестве племени, населяющего скифский север, он нашел, быть может, уже у Эратосфена, ибо впервые Страбон упоминает о роксоланах в связи с разбором мнений Эратосфена и Гиппарха о соотношении обитаемого и необитаемого пространства на Земле (II, 5, 7).

Во всяком случае, роксоланами в конце II столетия до н. э. были названы те степные скифы, которые под предводительством своего царя Тасия пришли на помощь Палаку, воевавшему против херсонесцев и Митридатова полководца Диофанта. Имя их в форме «ревксиналы» названо также

и в декрете в честь Диофанта. В I и II столетиях н. э. роксоланы вместе с язигами фигурируют на Дунае в качестве врагов римлян. Имя «роксолан» употреблялось во II столетии до н. э., видимо, как собирательное для различных мелких сарматских племен. Во всяком случае, в слове «роксолан» мы вправе слышать, с одной стороны, имя «алан», распространившееся во II—III столетиях н. э., подобно имени «сармат», на многие племена Северного Причерноморья, с другой же стороны, в первой части их имени звучит, быть может, имя «рос», которое схолиаст Аристотелева сочинения «О небе» прилагает к скифам и в котором угадывается древнее наименование Волги (Ра), а также и самое имя позднейшей Руси.

В своей критике свидетельств Питея о североευропейских странах и той доверчивости, с которой их принимали Эратосфен и Гиппарх, Страбон опирается на данные, добытые в его время в результате римских походов в Галлию, Германию и Британию, позволивших ему утверждать, во-первых, что Британия, видимо, самая северная из известных обитаемых земель, а во-вторых, что северные пространства к востоку от устья Эльбы должны быть признаны неисследованными и неизвестными (VII, 2, 4).

Все же Страбон располагает весьма детальными сведениями о племенах Северной Галлии, с которыми воевал Цезарь. Он подробно характеризует образ жизни венетов, обитавших в Арморике (в южной части Бретани) и разбитых Цезарем в морском сражении в 56 году до н. э., высказывает предположение об их родстве с североиталийскими венетами — племенем кельтского происхождения (IV, 4, 17) и упоминает об осисмиях, покоренных Крассом, локализуя их в северной части Бретани. Он подробно описывает Западную Германию от Геркинского леса до устья Рейна, а также берег океана от Рейна до Альбиса (Эльбы) с упоминанием реки Амазии (Эмса), впадающей в океан между Рейном и Эльбой (VII, 1, 3). Для описания Германии Страбон пользуется данными о результатах не только походов Цезаря, но и предприятий эпохи Августа — походов Друза вдоль побережья Северного моря вплоть до Эльбы в 12—9 годах до н. э. В связи с последними он упоминает об острове Бурхана (VII, 1, 3) в Северном океане (остров Боркум), взятом римлянами после осады.

Ему могло быть известно, кроме того, морское предприятие, датированное 5 годом н. э. и упоминаемое в своем «Завещании» Августом, в результате которого кимвры, семноны и другие германские племена попросили римлян о дружбе. Вероятней всего, именно эти события имеет в виду Страбон (VII, 2, 1), сообщающий при упоминании о кимврах и занимаемом ими полуострове на Северном море о священном сосуде, посланном ими в подарок Августу вместе с посольством, которое просили о покровительстве.

Цезарь, дважды побывавший в Британии в 55–54 годах до н. э. и достигший во вторую кампанию реки Темезы (Темзы), своим подробным описанием географического положения острова и быта его обитателей дал в руки Страбона немало материала для критики сообщений Эратосфена и Гиппарха. Однако эта критика была плодотворна лишь в отношении установления более правильного представления о размерах острова, весьма сильно преувеличенных Питеем, на котором основывались Эратосфен и Гиппарх. Что же касается его формы, то Страбон, как и Цезарь, воспроизводит определение Эратосфена, представлявшего Британию в угоду своему стремлению к геометризации в качестве треугольника. При этом Страбон допускает весьма существенную и не совсем понятную по своему происхождению ошибку в определении положения Британии перед европейским материком.

Одновременно с этим выясняется также и совершенная ошибочность его представления о форме и протяжении берега Северо-Западной Кельтики. Так, Страбон замечает (IV, 5, 1), что Британия одной из сторон своего треугольника, составляющей 4300 или 4400 стадий и тянущейся от устья Рейна до Аквитании и Пирены, то есть до самых берегов Испании, обращена к равному по длине кельтскому берегу. Это значит, что Страбон представлял себе кельтское побережье от Пиренеев и до Рейна в виде почти прямой линии, протянувшейся с юго-запада на северо-восток и не образующей ни Бискайского залива, ни значительно выступающего к западу полуострова Бретань.

В другом месте Страбон, правда, говорит о том, что осисмии и венеты живут на мысу, выдающемся в океан (IV, 4, 1), но тут же оговаривается, что мыс этот далеко не так велик,

как утверждает Питей. Необходимо признать, что, критикуя Питея и Эратосфена, Страбон исходил все-таки из тех же самых, что и они, представлений о соотношении размеров Кельтики и Британии, допустив при этом ошибки, которых избежали названные его предшественники, лучше и правильной представлявшие себе кельтское побережье Атлантики и положение Британии перед его северной частью.

Страбон упоминает о нескольких островах близ Британии, называя из них один лишь остров Иерна (Ирландию). Он сообщает о нем еще меньше, чем Цезарь, ссылаясь на свое незнание и дикость его обитателей. Цезарь помещает остров Иерна к западу от Британии, определяя его размеры в половину против нее. Страбон же, характеризуя Иерну как остров, занимающий большее пространство в длину, нежели в ширину, помещает его к северу от Британии (IV, 5, 4) и называет пределом обитаемой земли (I, 4, 3), полагая остров Туле необитаемым и не давая веры сообщениям о нем Питея.

На этом исчерпываются знания Страбона о северных странах, основанные на великих открытиях IV столетия до н. э. и значительно пополненные сведениями, полученными в результате римских завоеваний во времена, близкие к началу нашей эры. Страбон не чужд, как мы видим, глубокого скептицизма по отношению к данным своих предшественников и предпочитает отговариваться незнанием там, где они, как считалось, располагали верными сведениями, не пользуясь ими, однако, его доверием.

Скифский север в сочинениях Помпония Мелы и Плиния

Историко-географические труды, возникшие в Риме в эпоху республики под пером Катона, Варрона и Корнелия Непота, до нас не дошли, а от географических экскурсов «Историй» Саллюстия сохранились лишь сравнительно немногочисленные отрывки. Поэтому очень трудно высказать какое-либо суждение о предшественниках Помпония Мелы и Плиния в латинской географической литературе. Но насколько мож-

но судить по их трудам, географическая наука хотя и развивалась в Риме всецело на основе греческой географии, однако воспринимала греческое наследство своеобразно и далеко не полностью.

Если описательная часть «Географии» Страбона и построена по принципу перипла в угоду традиции, сложившейся еще в ионийскую эпоху, то Страбон все же ни на минуту не забывает о том, что его «География» — это география земного шара. Что же касается Помпония Мелы, а в значительной степени и Плиния, то, несмотря на вводные заявления или на отдельные замечания, разбросанные в «Хорографии» и в «Естественной истории», их землеописания — это, как и у ионийцев, география земного диска, или, точнее, того, что римляне называли «кругом земель» (*orbis terrarum*).

Если согласиться с тем, что географические сочинения Мелы и Плиния основывались преимущественно на латинских источниках — мнение, которое, однако, не так легко было бы обосновать ввиду недостаточности прямых данных, с одной стороны, и многочисленных следов использования греческой литературы, с другой, — то пришлось бы принять, что эти латинские источники представляли собой компиляции греческих периплов и землеописаний, возникших, вероятно, в большинстве случаев в эллинистическую эпоху, но содержащих данные, восходящие к древнеионийской науке.

«Хорография» Помпония Мелы была составлена не позже 43 года н. э., что явствует из содержащегося в ней указания на предстоящий триумф императора Клавдия в связи с Британской экспедицией (II, 96). Она не только является наиболее ранним чисто географическим сочинением, сохранившимся в латинской литературе, но и отличается при всей ее компактности всеобъемлющим характером. В этом смысле она могла бы быть сопоставлена лишь с «Географией» Страбона, от которой разнится не только объемом и отсутствием интереса к математической и астрономической географии, но также и тем, что Мела не ставит перед собой утилитарной цели. Его сочинение не могло служить для практических надобностей полководца или торговца ввиду отсутствия в нем путевых подробностей и указаний на разделяющие те или другие пункты расстояния. «Хорография» Мелы могла

служить поучительным и занимательным чтением, удовлетворяя лишь наиболее общим и отвлеченным географическим интересам.

Характер изложения, да и сам материал, наполняющий «Хорографию», равно как и большей частью далеко не случайные ошибки Мелы, убеждают в множественности и разнообразии его источников. В их числе были перипл, содержащий описание средиземноморского берега, типа перипла Псевдо-Скилака, и землеописание, располагавшее данными, восходящими к «Землеописанию» Гекатея, однако переделанное и дополненное на основании приобретений греческой науки после Эратосфена. Помимо того, текст «Хорографии» изобличает во многих случаях использование ее автором карты, однако не греческой карты типа карты Гекатея или Дамаста, а римской карты-дорожника — образца нового типа географической литературы, возникновение которого обязано всецело потребностям римской военной администрации.

Возникновение подобных карт относится к последним временам республики и связано с римской экспансией на западе и востоке; плодом же этой картографии следует считать знаменитую карту мира (*orbis pictus*) Випсания Агриппы, начертанную после его смерти в качестве фриза на портике Випсания в Риме по распоряжению Августа. Карту Агриппы следует предполагать и в более доступном для обозрения и пользования виде. Об использовании Мелой карты Агриппы или какой-либо другой подобной ей карты свидетельствует обозначение Мелой некоторых горных хребтов по племенным наименованиям, очевидно надписанным близ графического изображения этих гор (I, 109). Таковы горы Амазонские и Кораксийские на Кавказе.

Некоторые пассажи свидетельствуют о том, что описание производилось с картой перед глазами. Мела, точнее — его хорографический источник, хотя и не без некоторого противоречия, принимает развитую во II столетии до н. э. грамматиком Кратесом Маллотским теорию экваториального океана, соответственно которой вся тропическая зона земной поверхности была покрыта водой океана, отделявшего северную, умеренную зону от южной и жителей Северного полушария от антиподов. Мела также делит мир на две

полусферы (I, 9 сл.), о которых он в дальнейшем описании не упоминает. Лишь говоря о Тапробане (Цейлоне), известном уже и Эратосфену, и ссылаясь на Гиппарха, Мела высказывает предположение о том, что Тапробан, быть может, и не остров, а оконечность южного материка (III, 153), частично, однако, расположенного в Северном полушарии. В этом мнении соединились, вероятней всего, представления Кратеса об экваториальном океане с более древними подозрениями о существовании на юго-востоке материка, соединяющего Индию с Африкой и обнимающего Эритрейское море.

Общее представление об обитаемой Земле у Мелы построено на данных Эратосфена. Средиземное море, Танаис и Нил делят сушу на три материка, описание которых он и дает, следуя первоначально по их внутреннему, а затем по внешнему, океаническому, контуру. Суша, по его мнению, омывается со всех сторон океаном (III, 44), в доказательство чего, помимо ссылки на ионийских географов и Гомера, Мела приводит рассказ, заимствованный из Корнелия Непота, на которого он в этом случае прямо ссылается, о том, что Квинту Метеллу Целеру в бытность его проконсулом Галлии (в 62 году до н. э.) царь племени ботов (у Плиния, приводящего этот же рассказ, вместо ботов фигурируют свевы) подарил несколько индийцев, сообщивших ему, что они занесены были бурей из Индийского моря к берегам Северной Европы. В этом рассказе не без некоторого основания усматривают наиболее древний факт заплыва в европейские воды эскимосов от берегов Гренландии.

О берегах и островах Северного океана, западную часть которого Мела называет Британским океаном, он знает, однако, гораздо больше своих предшественников, будучи, очевидно, в курсе наблюдений и открытий, произведенных во время операций Германика с флотом в районе озера Флево (Зюдерзее) и у северных Геракловых столпов (Гельголанд), о чем подробно сообщает Тацит. Предприятия Клавдия в Британии также, вероятно, помогли расширению географического кругозора римлян. Во всяком случае, Мела, помимо описаний Британии и Иерны (Юверны), называет острова Оркады (Оркнейские острова), Эмоды (Гебридские острова), а также остров Скандинавия (III, 54) в Кодацком

заливе (Северное море). Все эти названия известны также и Плинию. Еще далее на восток по североευропейскому побережью Мела знает реку Вистулу (Вислу) в качестве западной границы Сарматии (III, 33). Оба эти наименования могли быть им, скорее всего, заимствованы с карты Агриппы, данные которой повторяют и Плиний, и другие позднейшие источники, воспроизводящие римское административно-географическое деление.

У северных границ Азии, а может быть, и по всему северо-востоку Европы Мела поселяет скифские племена, известные ему под общим именем бельков (III, 36), о которых он упоминает также в связи с определением положения острова Туле, лежащего против побережья бельков (III, 119). В этом имени, так же как в наименовании острова Балция, или Басиля, позволительно, быть может, угадывать отголосок имени позднейшей Балтики.

Северное побережье Азии образует Скифский полуостров, частично пустынный вследствие его недоступности, частично же заселенный дикими племенами, из которых Мела называет скифов-андрофагов и саков. В их соседстве обитают лишь дикие звери. В качестве наиболее удаленного к востоку пункта Мела называет спускающийся к побережью Восточного океана горный хребет Табис, известный еще и Плинию и, видимо, заимствованный обоими авторами из одного и того же источника. Мела представляет его как крайнюю оконечность Тавра, пересекающего, по учению Эратосфена и его последователей, азиатский материк с запада на восток. Ввиду этого имя «Табис» должно быть сопоставлено с наименованием Тапурийских гор у Птолемея, отождествляемых с западными отрогами Тянь-Шаня.

У азиатской части Рипейских гор, на самом севере Азии, Мела помещает гипербореев (III, 36). Подобная их локализация станет понятней, может быть, если представить, что переделку древнеионийской карты, изображавшей Каспийское море в виде замкнутого бассейна; некоторые обозначения, когда оно приняло вид океанского залива, сместились. Так, вероятно, случилось и с гипербореями у Мелы, которые переместились к востоку и очутились по ту сторону залива Скифского океана. Описание же гипербореев Мела произво-

дит в чертах, близких к Геродоту, но, исходя из неких параллельных данных, подновленных в эллинистическое время на основании знакомства с северными странами.

Каспийское море, представленное в качестве узкого залива океана, расширяющегося в глубину (III, 38), разделяется Мелой, как и Плинием, еще на три залива: Гирканский, Скифский и Каспийский (у Плиния, ссылающегося при этом на Марка Теренция Варрона как на источник, — Скифский, Албанский и Каспийский). Разделение Каспийского моря на заливы, имеющие свои особые названия и вызывающие представление как бы об отдельных морях, восходит к Аристотелю; промежуточные стадии развития этого представления неизвестны. Однако можно думать, что оно развивалось не без влияния картографии в том смысле, что названия заливов возникали из обозначенных у их берегов наименований племен.

Кавказские горы, для частей которых Мела знает много названий, явно возникших из наименований племен (Мосхийские, Амазонские, Кораксийские и т. д. горы), прочитанных вокруг изображения Кавказа на карте, представляются как бы частью Рипейских гор; точнее — последние представляют собой продолжение Кавказа к северу (I, 109). Эти горы имеют весьма существенное значение при локализации различных европейских и азиатских племен, явно связанных либо с положением самих гор, либо с изображением стекающих с них рек на карте.

Перечисление скифских племен у Мелы мало чем отличается от такового у Геродота или Псевдо-Скилака. Отличает его от такого же перечисления Геродота изобилие восточно-черноморской топонимики и то, что производилось оно явно в результате консультации с картой-дорожником. Так, исседонов у Танаиса, занимающих территорию вплоть до Меотиды, Мела мог обнаружить, скорее всего, именно на карте, на которой близ русла Танаиса, отождествленного с Яксартом, были помещены исседоны, оказавшиеся к тому же из-за недостатка места неподалеку и от Меотиды. Аримаспы, упомянутые Мелой наряду с исседонами, также оказываются недалеко от Кавказа, что и не удивительно, принимая во внимание, что на использованной Мелой карте Кавказ соединя-

ется с Рипеями, близ которых локализуется аримаспов и древняя легенда.

Танаис Мела заставляет брать начало в Рипейских горах, что соответствует ионийской легендарной традиции в ее чистом виде, характеризуя его как реку с необычайно быстрым течением (I, 115). Это обстоятельство позволяет подозревать, что описание Мелы первоначально относилось не к Дону, а скорее к Фасису, вернее же всего — к Араксу.

Весьма любопытные сведения сообщает Мела о савроматах. Прежде всего он придает им эпитет «гамаксобии» (II, 2), засвидетельствованный также как самостоятельное племенное наименование, но представляющийся, однако, в отрыве от реального племенного имени чисто литературной конструкцией. Впрочем, имя савроматов у Мелы является собирательным и распространяется также на меотов, к которым он прилагает эпитет «женоуправляемые», другими авторами связываемый с именем самих савроматов. Мела ставит их на место савроматов еще и указанием на то, что они-де занимают владения амазонок (I, 116).

Затем к савроматам причисляются также будины, занимающие город Гелоний, по Геродоту — местопребывание одноименного племени, являющегося лишь северным соседом савроматов. За этим сопоставлением Мелы будинов-гелонов с савроматами приходится усматривать параллельную Геродоту древнюю традицию, которая, вероятно, была известна Геродоту. Сопоставление имени савроматов (сармат) и гелонов объясняет тот факт, что в латинской поэзии позднереспубликанского времени имя гелонов употребляется в качестве синонима имени сармат и скифов.

Ионийские данные об обычаях скифских племен Мела пересказывает сходно с Геродотом, если не считать того, что обычай сдирания кожи с убитых врагов и употребления этой кожи в качестве украшений (скальпов) и предметов обихода (утиральников), описанный у Геродота и относящийся к скифам вообще, Мела относит к гелонам, что опять-таки подтверждает высказанные выше соображения об известной синонимичности имени гелонов и скифов (савроматов).

В тексте Мелы, помимо карты-дорожника, служившей ему преимущественно для наглядности и локализации тех или

иных имен, заметны следы некоего литературного источника. Из этого источника, которым могли быть «Комментарии» к карте Агриппы — об их существовании упоминает Плиний, — Мела сообщает о сарматах (III, 37) приблизительно те же сведения, которые он до того относил к иксаматам, то есть к тем же савроматам, поскольку он помещает иксаматов среди меотийских племен (I, 114). И в том и в другом месте он повторяет рассказ о сарматских девушках, обязанных до замужества убить хотя бы одного врага.

Плиний, как в этом уже не однажды можно было убедиться, имеет много точек соприкосновения с Мелой. Некоторые наименования, например греческий город Кихн (или Кигн) на кавказском берегу, не засвидетельствованный другими древними авторами, но тем не менее представляющий собой, видимо, достаточно древнее наименование, наподобие Тиндариде (Диоскуриаде) и Киркею, упомянутым Плинием для той же местности, известен лишь из Плиния и Мелы, а у других авторов, вероятно, фигурирует под другим именем, из чего следует, что Мела и Плиний пользовались, по крайней мере в некоторых случаях, одними и теми же источниками. Это может быть установлено с точностью в отношении Корнелия Непота, на которого оба автора прямо ссылаются, и с достаточными основаниями предположено в отношении Варрона. Кроме того, имеется несколько случаев текстуальных совпадений у Мелы и Плиния, как, например, при передаче легенды о гипербореях, свидетельствующих о том, что Мела служил источником Плиния.

Прямое использование Плинием Мелы не исключало, однако, критического к нему отношения. Так, Плиний оспаривает высказанное Мелой на основании данных, восходящих к Эратосфену, мнение о том, что солнце у Северного полюса восходит один раз в год — в день весеннего равноденствия и заходит в день осеннего равноденствия. По этому мнению, солнце у полюса скрывается лишь на один день, длящийся, правда, полгода. По мнению же Плиния, заимствованному из неизвестного источника, днем восхода солнца является день летнего солнцестояния, а днем захода — день зимнего солнцестояния.

Характерной чертой изложения Плиния следует считать его стремление к энциклопедизму. В своих географических описаниях он старался охватить весь материал — и древний и новый, при этом без особенной заботы о его согласовании. Повествование Плиния вследствие этого содержит повторы и противоречия. Наряду с хорографией, послужившей источником также и для Мелы, наряду с Корнелием Непотом и в особенности Варроном, из которого он заимствовал свои многочисленные цифровые данные, восходящие в конечном счете к Эратосфену, Плиний пользовался широко и картой Агриппы.

Кроме всего этого в распоряжении Плиния были военные дорожники, составлявшиеся римскими штабными офицерами для нужд действующей армии и содержавшие приблизительно те же практические сведения, какие Страбон черпал из записок Теофана Митиленского. У Плиния есть несколько ссылок на подобные источники; в частности, относительно Кавказа он ссылается на спутников консула Корбулона, составленные ими ситуационные карты и на какие-то еще более поздние данные, относящиеся, вероятно, ко времени императора Веспасиана, на основании которых он поправляет Корбулона. Плиний пользовался также историческими трудами своих современников (он ссылается, например, на историю императора Клавдия, из которой заимствовал сообщение о Патрокле), а также устными сообщениями некоторых сведущих людей. Так, например, сообщение о прикаспийском племени талов (сопоставляемых с валами Птолемея) основывает он на рассказе Митридата, бывшего боспорским царем в 41—46 годах н. э., а затем вовлеченного в борьбу со своим братом Котисом и вынужденного бежать к савроматам. Будучи захвачен в плен и доставлен в Рим, Митридат прожил там около двадцати лет и был казнен в 68 году н. э. по распоряжению императора Гальбы. В эти годы с ним и мог встречаться и получать от него сведения о кавказских народах Плиний.

Плиний, судя по его критике Мелы, был далеко не силен в вопросах астрономической географии. Общность Мирового океана и возможность обхода по воде суши со всех сторон

он пытается подкрепить фактами, указывая, например, что с северной стороны берега Европы и Азии исследованы на достаточном для подобных утверждений пространстве: римский флот при императоре Августе (5 год до н. э.) прошел на восток до Кимврийского Херсонеса (Ютландии) и установил, что море тянется вплоть до скифов.

Берега же Скифского океана (который Плиний, со слов Гекатея Абдерского, называет Амальхийским и сообщает тут же, будто кимвры называют его, по свидетельству одного из современников Плиния — греческого географа Филимона, Моримаруса, что на их языке должно означать «Мертвое море») были обследованы военными силами македонян при Селевке Никаторе (Плиний имеет в виду, очевидно, плавание Патрокла по Каспийскому морю). В связи с этим Плиний полемизирует с Аристотелем и его последователями, доказывавшими, что избыток влажности в атмосфере в высоких широтах порождает те явления, которые Питей называл смешением всех стихий, делавшие невозможным плавание севернее острова Туле.

Плиний уделяет весьма большое внимание физической географии Вселенной, в частности орографии⁵⁴, не упуская случая упомянуть находящиеся в описываемых им странах горы и указать их известные ему наименования. В особенности детально описывает он малоазийский Тавр, тянущийся через всю Азию с запада на восток, отступающий местами к северу и достигающий, таким образом, Рипейских гор. Плиний приводит более двадцати названий отдельных его частей, начиная от берегов Восточного океана и до берегов Киликии. При этом он включает в Тавр и Кавказ, для отдельных частей которого он также знает много различных наименований.

Мы находим у Плиния весьма многое из того, что содержится в соответствующих сочинениях Аристотеля, Теофраста и их последователей. Немало собрано у него и так называемых «чудесных рассказов», в которых присутствуют черты мифической, а подчас и реальной этнографии различных варварских народов.

Географии северных стран посвящены значительные части IV и VI книг «Естественной истории» Плиния. Юго-западную

границу Скифии, или Сарматии, Плиний, подобно Помпонию Меле, проводит по нижнему Дунаю, указывая при этом, что имя скифов повсеместно переходит в имена сармат и германцев и что-де древние скифские наименования сохранились лишь за племенами, живущими в отдаленных местностях и благодаря этому избежавших ассимиляции. Пользуясь тем же, что и Мела, источником, Плиний называет в числе савроматов (отождествляемых им с сарматами) гамаксобиев — имя, которое он прилагает в качестве эпитета к аорсам, что позволяет причислить и это племя к числу племен, отпочковавшихся от савроматов, в дополнение к тем, о которых сообщает Мела. Плиний упоминает о троглодитах, или пещерных скифах, рабского происхождения; нет сомнения, что он имеет в виду сатархов, в этой связи не называемых им, однако, по имени, но отождествляемых, несомненно, по указанному признаку с Геродотовыми «слепыми».

Далее Плиний упоминает об известных уже из Страбона, но опущенных Мелой роксоланах и аланах; первое упоминание о них в античной литературе связывается с кавказским походом Помпея во времена Домициана и его ближайших преемников, уже совершавших набеги сначала на закавказские страны, а в последующее время также и на Каппадокию.

Описание черноморского побережья от Дуная до Крыма Плиний производит путем контаминации хорографических данных, совпадающих с данными Помпония Мелы, а также на основании карты Агриппы, на которую он прямо ссылается. Однако в его распоряжении находился также некий эллинистический перипл, содержащий сведения, восходящие к эпохе Александра Македонского, из которого он почерпнул отдельные детали.

Плиний полемизирует с теми авторами, которые хотят видеть реку Гипанис в азиатской части Причерноморья, и переносит в связи с этим соединенную с именем Гипаниса топонимику на запад, к Днепру. Так как он при этом консультировался с какой-то картой, то к востоку от Днепра, туда, где Страбон (VII, 3, 6), а за ним позднее и Птолемей помещают Гипанис, переместилась Ахейская гавань, которую под именем Старой Ахеи локализует на северокавказском побережье перипл Арриана.

К числу наименований, перенесенных вслед за Гипанисом из азиатской Скифии в Приднепровье, необходимо присоединить авхетов, во владениях которых берет начало Гипанис. Это имя, известное из Геродота в качестве одного из древнейших скифских племенных наименований, фигурирующих в легенде о происхождении скифов, относится, скорее всего, вместе с некоторыми другими сопутствующими этой легенде именами к среднеазиатской Скифии и испытало, быть может, два перемещения: по отождествлению Яксарта с Танаисом оно попало на некоторых картах первоначально в область Кавказа, а оттуда вместе с Гипанисом было перенесено в Приднепровье.

Для описания Крыма и берегов Меотиды Плинием привлечены были в качестве источников римские военно-административные данные, добытые в связи с экспедицией Диция Галла на Боспор при Клавдии, а также, вероятно, и более поздние сведения, полученные в период оккупации западной части Крыма при Нероне. На основании этих данных Плиний сообщает о двадцати трех племенных (родовых?) общинах во внутреннем Крыму и о шести городах, называемых им по имени, которые звучат так же, как племенные наименования, не известные из других источников. Из их числа лишь имя Харакены может быть отождествлено с наименованием таврско-римской крепости Харакс, названной Птолемеем и локализуемой на мысу Ай-Тодор, да в имени Стактатары позволительно усматривать сходство с Сатархой Птолемея (III, 6, 5), локализуемой у Сиваша.

Город Херсонес назван Плинием дважды в одном и том же параграфе (IV, 85): сначала как Новый Херсонес — наименование это может быть противопоставлено Страбону «древнему Херсонесу» (VII, 4, 2) — имени, связанному с остатками эллинистических вилл на Гераклеяском полуострове, подвергшихся, видимо, разрушению в эпоху Митридатых войн и лежавших во времена, близкие к началу нашей эры, в развалинах, а затем как Гераклея-Херсонес — община, получившая статус свободной при римлянах (во времена Августа, судя по нумизматическим данным). Это повторение изобличает контаминацию двух источников — одного, соответствующего тексту Страбона, другого — более поздне-

го, относящегося уже ко времени империи и имеющего, скорее всего, официальное происхождение. Из него же, видимо, заимствованы сведения о городах и племенах внутреннего Крыма, приведенные выше, а также сообщение о том, что в Крыму были раньше, кроме того, города Киты, Зефирий, Акры, Нимфей и Дия.

Локализация этих пунктов, за исключением Нимфея, до сих пор связана с большими затруднениями. В отношении же Нимфея, открытого и раскопанного в недавние годы на мысу Камыш-бурун, по археологическим данным вполне допустимо предположение, что пункт этот находился некоторое время на рубеже нашей эры в развалинах. В соответствии с Мелой Плиний называет еще на месте современной Керчи (между Пантикапеем и Мирмекием) населенный пункт Гермисий, отсутствующий у других авторов.

Особенно запутанную картину, изобличающую пользование разновременными и разнохарактерными источниками, являет у Плиния его описание кавказского побережья Черного моря и близлежащих местностей. Неоднократное упоминание одних и тех же наименований, в разных при этом сочетаниях, убеждает в том, что Плиний контаминировал данные, происходящие из различных периплов, одни из коих производили описание побережья с юга на север, другие же в обратном направлении: в § 11–12 книги IV Плиний начинает описание черноморского побережья от реки Термодонта и доводит его через Фарнакию и Трапезунт до саннов-генихов. Затем в том же 12-м и следующем 13-м параграфе движение начинается в обратном порядке: гениохи, амиревты, лазы и т. д. — до мосхов и Абсара. Наконец, в § 14 еще раз обрывок подобного же перипла — от абсиллов, мимо Севастополя (Диоскуриады), до саннигов и генихов. Обрывки периплов и перигес мелькают еще не раз и в дальнейшем описании Кавказа.

Однако из текста Плиния явствует, в особенности если его описание сопоставить с появившимся на полстолетия позже периплом Арриана, что причина путаницы и столкновений одних и тех же наименований заключается не только в контаминации различных источников, но и в значительных переменах, произошедших в Западном Закавказье на рубеже нашей эры. Перемены эти были вызваны процессами бурно-

го этногенеза и экспансии гениохийских племен, имя которых распространилось на причерноморские племена Кавказа почти так же широко, как имя сармат (савроматов) на степные племена черноморского севера.

Появление новых племенных наименований, вышедших из общей массы гениохийских племен, и их продвижение с севера на юг произошли в эпоху между Страбоном и Аррианом. Ближайшим свидетелем этих событий является, однако, именно Плиний, у которого наряду с древнейшими моссиниками, называемыми им моссинами, макрокефалами и бехирами в южной части кавказского побережья фигурируют махороны, саниги, санны-гениохи, ампревты, лазы. Фтейрофаги, отождествляющиеся у более древних авторов с гелонами, Плинием названы салтиями — именем, из других источников не известным. Крепость Севастополь помещена между областями абсиллов и санигов, за которыми к северу снова показаны гениохи. Таким образом, из расположения племен, которое дает Плиний, передвижение к югу гениохийских племен, во времена Страбона живших к северу от Диоскуриады, вырисовывается достаточно наглядно.

Наиболее крупные населенные пункты Колхиды — Диоскуриада и Питиунт — стали предметом римских интересов еще, вероятно, во времена войны Помпея с Митридатом, когда первый достиг Фасиса. При Августе близ Диоскуриады было построено укрепление Себастополис, помещаемое Плинием (по данным Агриппы) на расстоянии ста миль от Фасиса. Колхида, а следовательно, и названные выше пункты входили во времена Страбона и в последующие годы в царство Птолемеев, лишь при Нероне, около 62 года н. э., обращенное в римскую провинцию.

Плиний, сообщает о том, что Диоскуриада, город недавно столь славный, находится в запустении. Несколькими строками ниже он присовокупляет к этому, что богатый город Питиунт разграблен гениохами — события, о которых ровно ничего еще не знает Помпоний Мела, писавший в начале 40-х годов I столетия н. э. Таким образом, наиболее интенсивное проникновение гениохийских племен в Колхиду и в области к югу от нее падает на 50-е и 60-е годы I века н. э. и должно быть поставлено в связь со знаменитым вос-

станием Аникета, произошедшим в Закавказье в 69 году н. э., в смутные времена, предшествовавшие вступлению на римский престол императора Веспасиана.

Гениохийские племена (к их числу должно быть отнесено также и названное Тацитом племя седохезов, у которых в устье реки Хоба (Ингури) укрывался Аникет от преследования Виридия Гемина, как еще раньше Митридат от преследования Помпея) противопоставили себя Риму еще в I столетии до н. э. Их экспансия, осуществлявшаяся в южном направлении, и их разбойничья морская торговля, о которой подробно сообщал Страбон (XI, 2, 12), не могли не вызвать отпора со стороны римской провинциальной администрации, чем и следует объяснить постройку укреплений и помещение римских гарнизонов в Абсаре, Фасисе и Диоскуриаде. Хотя Колхида и черноморское побережье, расположенное к северу от нее, и не были включены при Нероне в образованную им из Полемонова царства Понтийскую провинцию, вассальное и зависимое положение населявших кавказское побережье племен и подчинение их Риму не подлежат сомнению. Об этом свидетельствует Иосиф Флавий, говорящий в «Иудейской войне» (II, 16, 4) о племенах колхов, гениохов и других причерноморцах, удерживаемых Римом в повиновении с помощью трех тысяч гоплитов⁵⁵ и сорока военных судов.

Иосиф Флавий имеет, очевидно, в виду те помешавшиеся в Трапезунте вспомогательные войска и тот флот, о которых упоминает в связи с историей восстания Аникета также и Тацит. Воспользовавшись ослаблением римских военных сил на Кавказе, на что опять-таки специально указывает Тацит, гениохы захватили и разграбили Питиунт, Диоскуриаду и Трапезунт. Следует думать, что ими не были пощажены и такие торгово-административные пункты побережья, как Фасис, Абсар, Архабий и другие.

Плиний в одном месте специально указывает на множественность гениохийских племен. Некоторые из них он называет сам, другие же становятся известны из более позднего и подробного источника — перипла Арриана, показывающего гениохов необычным образом рядом с макронами — племенем, известным у юго-восточного угла Черного моря в районе Трапезунта уже Гекатею Милетскому и подробно

описанным Ксенофонтom. Далее к северу по черноморскому побережью Арриан называет зидритов, лазов, апсиллов, абазгов и саниггов, в земле которых находится Севастополь (Диоскуриада). Еще севернее Арриан упоминает племя зилхов, чье имя должно быть сопоставлено с зигами Страбона, называемыми им в числе разбойничьих племен вместе с ахейми и гениохами. Существенным обстоятельством является и то, что Арриан помещает к северу от Диоскуриады реку Абаск, связанную своим наименованием с названными ранее и локализованными к югу от Диоскуриады абасгами. Он упоминает также Старую Лазику, откуда, видимо, происходят названные им между зидритами и апсилами и локализуемые в южной части восточного берега Черного моря лазы — племя, имя которого позднее распространилось на всю Колхиду, именующуюся ранее у византийских писателей Лазикой.

Все названные Аррианом между Трапезунтом и Диоскуриадой племена или отсутствуют в обычных у древних авторов (вплоть до Страбона) описаниях восточночерноморских племен, или фигурируют в них применительно лишь к северному участку этого побережья. Таким образом, картина расселения вышедших из ахейско-гениохийских пределов племен, какую мы находим у Плиния и Арриана, свидетельствует о значительных географических переменах, происшедших в период времени от Страбона и до Арриана, то есть за сто лет, и, с другой стороны, об определенном стремлении северокавказских племен к югу, точнее — к юго-восточному углу Черного моря.

Наиболее раннее свидетельство, отмечающее эту тенденцию, мы находим у Страбона, помещающего в указанном месте, по соседству с саннами и халдами, племя аппаитов, «ранее называвшихся керкетами». Керкеты же и у Страбона, и у более древних авторов локализируются между синдами и ахейми, то есть в северо-восточном углу Черного моря. Необходимо, очевидно, предположить, что во время, недалекое от Страбона, часть племени керкетов, под новым именем аппаитов, переселилась из области Северного Кавказа на пространство между Колхидой и Малой Арменией.

Керкеты тоже принадлежали к числу разбойничьих ахейско-гениохийских племен, и, может быть, поэтому границы

племена гениохов могут быть раздвинуты в глубь Кавказа, вплоть до Армении, где их помещает Тацит. Имя гениохов звучит, однако, у этих границ при Таците не впервые. Его угадывают в содержащемся в древнеурартских текстах племенном наименовании игани, оно же звучит, быть может, и в позднейшем лезгинском родовом имени Гайнухи. Следует упомянуть и о том, что Плиний отождествляет северо-западные склоны Кавказа, именуемые у него Гениохийскими горами, с Кораксийскими горами других авторов, чем подтверждается преемственность племенных наименований кораксов, известных авторам, опирающимся на ионийскую традицию, и гениохов, называемых преимущественно на основании более поздних данных.

Плиниевое описание закавказских стран соответствует во многих чертах тому, что в более пространном изложении содержится у Страбона. В Иберии Плиний называет три населенных пункта: Гармаст, соответствующий Гармозике Страбона, Неорис, не поддающийся ближайшему отождествлению и локализации, и крепость Куманию, которая по положению своему у Кавказских ворот (Дарьяльского прохода) должна соответствовать Страбоновым Свесаморам. Замечание Плиния о том, что укрепление Кумания построено близ Кавказских ворот с тем, чтобы препятствовать проходу через них бесчисленных племен, следует связать со свидетельствами, которые сообщают о бурном расселении сарматских и аланских племен в степях к северу от Кавказа на рубеже нашей эры и о стремлении их в области Закавказья.

Описывая Кавказские ворота, Плиний полемизирует с авторами, называющими эти ворота Каспийскими (наименование, прилагавшееся к горному проходу близ мидийских Раг, а также к Дербентскому проходу с Северного Кавказа в Закавказье). Плиний указывает, что их именовал ошибочно Корбулон, ибо это наименование (Каспийские вместо Кавказские) стоит на тех топографических картах Кавказа, какими он пользовался во время парфянской войны (VI, 40). Плиний не знает другой возможности прохода в Закавказье с севера, кроме Кавказских ворот (Дарьяльского прохода), и это убеждает, что существование Дербентского прохода оставалось ему не известным. Дербентский проход отчетли-

во отличает от других кавказских проходов Птолемей, называющий его Албанскими воротами.

Однако, настаивая на различии вышеназванных наименований, Плиний прилагает к Кавказским воротам те сведения, которые известны были ему о воротах Каспийских; таковы его сообщения о железных заграждениях Кавказских ворот, равно как и то его замечание, что ворота разделяют две части света — представление, связанное с Каспийскими воротами, рассматривавшимися Эратосфеном в качестве границы между Северной и Южной Азией. Так же как и у Мелы, Кавказ у Плиния связан с Рипейскими горами и группирует вокруг себя «рипейскую» топонимику. Владения эседонов (исседонов), живущих по вершинам гор, простираются до колхов, то есть до тех мест, откуда «Кавказ поворачивает к Рипейским горам».

В характеристике азиатского Боспора и Северного Кавказа у Плиния присутствуют и могут быть выделены данные, полученные, скорее всего, в результате экспедиции Дидия Галла. Плиний знает совершенно оригинальное название для Темрюкского залива — Корет, в который он заставляет впадать Гипанис (Кубань) своим естественным устьем. Искусственным же устьем, о котором сообщает также Страбон (XI, 2, 11) как о древнем и лишь царем Фарнаком расчищенном устье Кубани, выведившим ее в Черное море, Плиний связывает Кубань ошибочно с заливом Бук (Сивашем). Делает он это потому, что у него, как и у многих других древних авторов, представления о Гипанисе-Кубани смешиваются с представлениями о Гипанисе-Буге.

Для боспорской периферии, и в особенности для областей Северного Кавказа, Плиний называет большое количество наименований, зафиксированных впервые, быть может, тогда, когда римский отряд под командованием Юлия Аквилы, поддерживавший Котиса, проник в 47 году н. э. вплоть до области сираков. Вследствие своей оригинальности, а отчасти, вероятно, и вследствие позднейшей порчи текста подавляющее большинство из них не вызывает ассоциаций с именами, известными из других авторов. Так, Плиний называет несколько наименований меотийских и сарматских племен, из которых лишь немногие могут быть сопоставлены с какими-

ми-либо параллельными данными. То же самое относится и к наименованиям некоторых местностей, рек и племен Северного Кавказа, находящихся редкие параллели у Птолемея, Равеннского Анонима или в эпиграфически засвидетельствованных сарматских собственных именах. Ввиду плохой сохранности этих наименований и спорности вызываемых ими ассоциаций мы не будем производить здесь их разбора.

Многие наименования из Плиниевой топонимики прикавказских стран должны быть, несомненно, отнесены в основе своей к соответствующим среднеазиатским наименованиям, по отношению к которым они являются лишь различиями; нахождение же их в области Кавказа объясняется все тем же совмещением представлений о Яксарт и Танаисе. Когда Плиний пишет: «Танаис же перешли... аиасы, иссы, катесы, тагоры, кароны» и т. д., то в этих именах нельзя не угадать искаженных асиев, иасианов, тохаров и сакаравлов, пришедших, по словам Страбона, во II столетии до н. э. из-за Яксарта и отнявших у эллинов Бактриану. Плиний сообщает при этом, что скифы называют Танаис Силом, и сам же ниже, в § 49 той же книги VI, раскрывает смысл этого сообщения, поясняя, со слов Демодаманта, что Силис — это местное наименование реки Яксарт, которая греками Александра Македонского была принята за Танаис.

Заканчивая описание племен Северного Кавказа, Плиний добавляет: «По другим авторам, сюда вторглись скифские племена авхетов, атарнеев, асампатов и истребили поголовно танаитов и инапеев». Это место является парафразой того, что сказано им же ниже, при перечислении племен, живущих за Яксартом: «авхеты, котиеры, автусианы и т. д. Там напеи, как говорят, были уничтожены палеями». Как уже было указано, имена авхатов, катиеров, траспиев, палеев и напеев фигурируют в легендах о происхождении скифов, пересказанных Геродотом (IV, 6) и Диодором (II, 43, 3), скорее всего, на основании данных иранского происхождения. Поэтому резоннее всего истинное место этих имен видеть в Закаспийской Скифии, а не на Кавказе. С фактами подобного перенесения топонимических и племенных наименований из Средней Азии на Кавказ и обратно нам еще придется встретиться при рассмотрении «Географии» Птолемея.

При описании закаспийских стран Плиний называет в качестве своего главного источника Демодаманта. Однако он неоднократно обнаруживает признаки пользования сочинениями Исидора Харакского, своего старшего современника, которому он, может быть, обязан своими сведениями, в частности, о том, что в Маргиану были приведены пленные римляне, захваченные в 53 году до н. э. Среди племен, населяющих пространства от Гиркании до Бактрианы, большая часть которых также не поддается отождествлению с наименованиями, известными из других авторов, Плиний называет аорсов, гелов, сирматов и матианов — племена, несомненно, кавказского происхождения, перенесенные в закаспийские области в результате смешения наименований Танаис-Яксарт и Аракс-Яксарт.

Что касается сакских племен, живших, по Плинию, к северо-востоку от Яксарта, то их имена в известной части находят свои параллели в закаспийских племенных наименованиях, названных Птолемеем. Вероятно, со слов Демодаманта Плиний приводит два имени на языке саков: хорсары — прилагавшееся к персам, и Кроукасис — наименование гор Паропаниса, или индийского Кавказа, что якобы должно было означать «белый от снега». Поиски Патроклом водного пути из Индии в Колхиду Плиний, ссылаясь на Варрона, приписывает Помпею, установившему будто бы, что индийские товары за пять дней могут быть доставлены к Фасису.

Римская экспансия на восток в эпоху империи и «География» Птолемея

Развитие картографии в эпоху Римской империи для военно-административных и торговых нужд имело своим результатом создание монументальных карт Вселенной, вроде карты Випсания Агриппы, представлявшей собой сумму усилий римских землемеров, или Пейтингеровой таблицы (*Tabula Peutingeriana*)⁵⁶, восходящей к римской карте-дорожнику II столетия н. э. А появление подобных карт также привело и к возрождению интереса к географии земного шара.

На возросшем материале, с уточненными данными относительно расстояний между отдельными пунктами, производились попытки осуществления картографических принципов, высказанных еще Гиппархом, то есть делались опыты построения географической карты посредством нанесения на градусную сетку пунктов, широта и долгота которых была каким-либо способом определена. Известие о подобной попытке, произведенной Марином Тирским на рубеже I—II столетий н. э., дошло до нас через Клавдия Птолемея — александрийского грека, около 150 года н. э. опубликовавшего свою «Географию». Сочинение это содержало теоретические обоснования, а также необходимый конкретный материал для построения карты по способу, разработанному Марином Тирским. Последний, как об этом сообщает Птолемей, принял за основу измерение земного меридиана, произведенное Посидонием, в результате которого была получена совершенно ошибочная цифра 180 000 стадий. На основании этого Марин Тирский определил ширину Ойкумены равной 87 градусам, или 43 500 стадиям. Длина Ойкумены равнялась, по его расчетам, 225 градусам, или 91 280 стадиям по параллели, проведенной через остров Родос от «Островов блаженных» (Канарские острова) до берегов Восточного океана; цифру эту Марин округлил до 90 000 стадий. Из расчета этого пространства Марин построил градусную сетку с пересекающимися под прямыми углами меридианами и параллелями. На эту сетку он наносил прежде всего те пункты, координаты которых были определены астрономическим путем, пункты же промежуточные наносились из расчета отделявших их от основных пунктов расстояний. Эту систему и принял Птолемей, подвергнув ее, впрочем, критике и внося необходимые изменения.

Приняв Посидониеву цифру длины меридиана и положение острова Туле на 63-й параллели, Птолемей, однако, признал ширину Ойкумены преувеличенной; у него ширина получилась равной 80 градусам, или 40 000 стадиям. Длину Ойкумены Птолемей также сократил до 180 градусов, или 72 000 стадий. Птолемей разработал, кроме того, способы проекции меридианов, что должно было уточнить положение пунктов, наносимых на карту.

Из всей географической литературы древности «Географическое руководство» Птолемея остается сочинением наиболее полным по охвату топонимического материала, накопленного греческой географической наукой и римской картографией. В своем стремлении к полноте перечня местных, племенных и т. п. наименований Птолемей добился значительно большего, чем, например, Плиний, не только потому, что географический кругозор последнего был несколько уже, но также, видимо, и вследствие ограниченных возможностей Плиния в отношении использования соответствующих литературных источников. Птолемей же, видимо, пользовался достаточно широко римскими военно-административными географическими данными, и поэтому его сведения о северных странах находятся вполне на уровне знаний его времени и учитывают не только результаты римских военных экспедиций в Британию и в придунайские области, но также и те сведения, которые с целью военной информации добывались у местных царьков, купцов и т. д.

Если данные Птолемея относительно Британии и других пунктов Северного моря, значительно дополняющие Страбона и Плиния, обязаны своим происхождением предприятиям императора Клавдия в 43 году до н. э. и экспедиции Агриколы в 84 году н. э., то его осведомленность относительно внутренних областей Германии, куда не проникало римское оружие, и тем более Северной Сарматии, бывшей совершенно вне поля зрения римлян, базируется, видимо, целиком на переизгесах, составлявшихся для торговых целей, и на сведениях, собиравшихся римской провинциальной администрацией. Опираясь на подобного рода фактические данные, Птолемей (так же как, вероятно, и его источник Марин) отрицает начисто Эратосфенову теорию общности океанов и островного характера Вселенной, с таким жаром поднятую на щит Плинием, приводившим, как мы помним, яркие ее доказательства, основанные, казалось бы, также на фактах, добытых в результате македонских и римских военных и географических предприятий.

На том основании, что восточный берег Ливии имеет направление к юго-востоку у мыса Рапта (Вассина), а индийский берег за Золотым Херсонесом поворачивает к западу,

Птолемей делает заключение о замкнутости Эритрейского моря, или Южного океана. Западный, или Атлантический, океан начинается, по его мнению, также у западных берегов Ливии, которые на широте царства Агисимбы, не поддающегося локализации, поворачивают к западу, образуя залив и материк неизвестного протяжения. Точно так же и северо-европейский берег к востоку от Венедского залива поворачивает к северу, образуя западный рубеж европейского материка, тянувшегося на неизвестное протяжение к северу и востоку.

В изображении северных берегов Западной Европы Птолемей исправляет ошибку Страбона в том отношении, что помещает Британию на соответствующее ей место от устья Рейна до полуострова венетов и осисмиев (Арморики, современной Бретани), имеющего у Птолемея, впрочем, весьма незначительные размеры. От этого полуострова галльский берег Атлантического океана поворачивает к югу, и Бискайский залив вновь приобретает право на существование.

При всех этих поправках Птолемей совершает, однако, и весьма грубые ошибки, проистекавшие отчасти из того способа, посредством которого определялись координаты тех или других пунктов, отчасти же из неправильных обще-географических представлений, как это особенно видно на примере с Эритрейским морем, Атлантическим и Сарматским (Северным) океанами. В силу этих ошибок западная часть Средиземного моря представлена чересчур длинной, южный берег Галлии и юго-восточный берег Испании чрезмерно вытянутым, Ютландия получает вид узкого и длинного полуострова, вытянутого на северо-восток.

Восточная Европа имеет весьма незначительное протяжение, в особенности на пространстве между Венедским заливом и Меотидой, имеющей преувеличенные размеры и чересчур повернутой к северу. Каспийское море хотя и представлено впервые на основании реальных данных, как это будет показано далее, в виде замкнутого бассейна, но длинной своей осью повернуто с запада на восток. Преувеличенные размеры и неправильную конфигурацию имеет Персидский залив, огромные размеры приданы Тапробану (Цейлону). При сохранении Эратосфеновой «диафрагмы»,

перегораживающий азиатский материк в долготном направлении, части одного из ее восточных звеньев — хребту Имава, придано северное направление, благодаря чему он как бы делит в меридиональном направлении всю Северо-Восточную Азию на две части.

При всем том «География» содержит так много нового, что даже и эти ошибки, закономерность которых проливает определенный свет на характер географической осведомленности Птолемея и его зависимость от источников и от современной ему картографической техники, представляют существенный интерес, точно так же, как, впрочем, ошибки и искажения, содержащиеся в трудах его предшественников.

Кроме того, имена некоторых племен, помещенных Птолемеем у Венедского залива, могли попасть на сарматский север вместе с названными несколько южнее гелонами, гиппоподами и меланхленами, локализация которых, связанная с Кавказом, отождествлявшимся с Рипеями, подвергалась в связи с постепенным перемещением Рипеев к северу значительным изменениям. Так, в частности, из локализованных у Венедского залива племенных имен в кавказской топонимике имеют параллели салы, а в среднеазиатской, на реке Яксарте, — карматы.

Южную границу Сарматии Птолемей проводит по Карпатским, а также по Сарматским горам, которые должны быть признаны северными отрогами Карпат. Это первое в древней географической литературе упоминание Карпатских гор, хотя имя их и звучало ранее в наименовании одного из притоков Истра у Геродота — Карпис (IV, 49) и в племенном наименовании карпы, или карпиды (впервые у Псевдо-Скимна, ст. 841).

В своем перечислении гор, рек, озер, населенных пунктов и племен Птолемей использует всю доступную ему традицию, в том числе и мифологическую, однако не без некоторой ее критики. Мы не найдем у Птолемея в чистом виде мифических гипербореев, а лишь под именем сармат-гипербореев, хотя он и помещает в Европе Рипейские горы под определенными координатами. У него отсутствуют сказочные аримасы, но имеются гиппоподы, в качестве их вероятного эпитета.

Зато среди племен Азиатской Сарматии в области Северного Кавказа присутствуют амазонки.

Птолемей помещает также к северо-западу от Испании Касситеридские острова и указывает их координаты. Надо полагать, что известным критерием для него в этом отношении служил сам характер сведений об объектах, хотя бы и мифических: он принимал их в свой текст, если его источник располагал данными, позволявшими точно локализовать тот или иной пункт или племя. В отношении Касситерид Птолемей мог получить расстояние от европейского побережья, исчисленное в днях плавания.

Пользование разными источниками и следы их контаминации у Птолемея едва приметны; он всячески избегает столкновения одинаковых или повторения одних и тех же наименований. Кое-где, однако, ему не удалось устранить подобных повторений и возникавших в их результате противоречий. Так, например, меланхлены показаны им на севере Восточной Европы у Венедского залива на основании источников, следующих Геродоту, но он помещает их также и на Кавказе, следуя источникам, опирающимся на древнеионийские данные.

Помещая в качестве наиболее далеко продвинувшегося к западу сарматского племени язигов-меганастов у Карпатских гор, Птолемей называет также и другие племена, наименования которых были широко распространены и далеко известны в первые века нашей эры. Между ними в особенности выделяются роксоланы, которых он знает также под именем ревкиналов, что уже звучит весьма близко к эпиграфически засвидетельствованным ревксиналам. Среди этих новых для причерноморских степей имен, распространившихся, однако, на племена, известные и ранее под другими наименованиями, должны быть также названы хуны, помещенные Птолемеем между бастарнами и роксоланами, в качестве древнейшего упоминания позднее столь широко распространившегося племенного имени гуннов.

В числе имен, заимствованных из древней традиции и у других авторов неизвестных, следует назвать амадоков — имя, фигурирующее у Птолемея и в качестве племенного наименования (III, 5, 10) и как название населенного

пункта (III, 5, 14), озера (III, 5, 6) и горного хребта (III, 5, 15). Наименование это, восходящее через Стефана Византийского к Гелланику, должно быть сопоставлено с именем Геродотовых андрофагов (IV, 52), местной основой которого оно, быть может, является.

При описании прибрежных местностей Северного Причерноморья Птолемей располагает данными весьма подробных периплов, которые охватывают не только маршруты вдоль морского побережья, но также и вдоль некоторых наиболее важных рек.

Что касается восточного побережья Понта, то значительные и весьма близкие совпадения с данными Арриана свидетельствуют в пользу того, что в руках Птолемея был хотя и не сам Аррианов перипл, но, во всяком случае, некое, быть может, на его данных основанное сочинение, описание свое ведущее, однако, в противоположном направлении.

В Закавказье у Птолемея представлены те же области, что и у Страбона, однако в отношении Армении и Албании он располагает несравненно более подробными сведениями, чем его предшественники. Однако весьма значительная древнеармянская и албанская топонимика, сообщаемая Птолемеем, не находит себе твердого места на современной карте, поскольку единственным критерием при попытках ее локализации являются признаки фонетического сходства с позднейшими наименованиями. Лишь Хабала, поименованная Птолемеем (V, 12, 6) в Албании, может быть сопоставлена с Кабалакой Плиния, которую он называет столицей албанов; локализуется она в позднейшем Ширване, на месте древней Кабалы (развалины близ современного Кижя).

Птолемеевы данные о прикаспийских и закаспийских странах отличаются значительной полнотой и новизной. Самый характер осведомленности Птолемея о странах Северной Азии показывает с несомненностью, что приобретение новых сведений о северо-востоке обитаемого мира на рубеже I—II столетий н. э. происходило в связи с оживленным развитием торговых отношений между средиземноморскими странами, Индией и Китаем через посредство иранских и сирийских купцов. Одновременно с оживлением торговых сношений на путях, лежавших к югу от Каспийского

моря, о чем сохранились достоверные свидетельства китайских источников, следует предполагать то же самое и в отношении путей, проходивших к северу от Каспия. Ибо то, что сообщает об этих областях Птолемей, заставляет подозревать в качестве его источника дорожник-путеводитель, проводивший от берегов Азовского моря по нижеволжским степям, минуя Аральское море, к какому-либо пункту на берегу Амударьи и через Хорезм далее на юго-восток.

Предполагать существование такого дорожника и использование его Птолемеем заставляет то обстоятельство, что при наличии некоторых оригинальных и сравнительно весьма точных данных относительно внутренних областей к северу от Каспия — их гидрографии и орографии — данные, касающиеся самого Каспийского моря, устьев впадающих в него рек и лежащих при нем пунктов, страдают грубыми неточностями. Последние обусловлены, вероятней всего, тем, что устья рек, таких, как Окс (Амударья), Яксарт (Сырдарья), Политимет (Зеравшан), Иаст (Эмба), показаны Птолемеем из расчетов, произведенных путем экстраполяции данных, относящихся к их среднему или верхнему течению.

Поэтому реки, устья которых в действительности находятся на Аральском море, в степных озерах или же исчезают в песках к северу и к востоку от Каспия, показаны Птолемеем впадающими в Каспийское море. А вслед за устьями рек им перемещена была, вероятно, к Каспийскому морю и некоторая приаральская топонимика; в особенности подозрительно в этом смысле нахождение на берегу Каспийского моря пункта Аспабата, неизвестного другим авторам.

Из этого источника Птолемей заимствовал свои сведения о реке Ра (Волга), впервые появляющейся в античной географической литературе. При этом следует думать, что в дорожнике — предполагаемом источнике Птолемея — содержались также и указания о пути по самой Волге. Птолемей сообщает удивительно точные сведения о направлении ее русла и о впадении в нее Камы, которую он обозначает как восточное русло самой Волги, подобное ее западному руслу, берущему начало в Гиперборейских горах. Горы эти, несомненно, то же, что и Рипеи, фигурируют у Птолемея как их разновидность и для известной конкретизации имени мифических

гипербореев. Реально они могут быть связаны лишь со смутным представлением о Северном Урале.

Птолемей, однако, ничего не знает о волжской дельте, из чего следует заключить, что описанный в дорожнике маршрут проходил севернее ее устья. Наименования местностей и племен, связанных своей локализацией с волжским руслом, представляются в значительной части заимствованными с запада, вроде области Несиотиды, показанной к востоку от реки Ра (V, 9, 17). Наименование этой области сопоставляется с пунктом Несем на северо-восточном берегу Черного моря, названным Аррианом в его перипле. Так же обстоит дело и с фтейрофагами, локализующимися в действительности, как уже было показано, в области Кавказа. На Волге же их помещает Птолемей (V, 9, 17), вероятно, не без влияния той восходящей к древнеионийским источникам версии, на основании которой Геродот связывает имя фтейрофагов с будинами.

Называемая Птолемеем между Гиппийскими горами и рекой Ра страна Митридата (V, 9, 19) должна быть сопоставлена с той восточночерноморской областью, где нашел прибежище от преследовавших его римлян Митридат. Рабаски, помещаемые Птолемеем у истоков восточного русла реки Ра, то есть у Гиппийских гор, должны быть сопоставлены с борусками, локализованными им у Рипейских гор (III, 5, 10). Все эти сопоставления указывают на то, что к реальным данным о реке Ра Птолемей прибавил посредством экстраполяции данные, относящиеся в действительности к Кавказу или к мифическим Рипейским горам, с которыми Ра была связана по ходячим в древности представлениям, подобно другим северным рекам, своими истоками.

Из того же дорожника Птолемей заимствовал, вероятно, и такие наименования, как Риммийские (отождествляемые с Южным Уралом) и Норосские горы (Мугоджары), связанные с ними своими верховьями реки Римм (Узень), Даикс (Яик-Урал) и Иаст (Эмба), а также и связанные с этими наименованиями названия племен: риммы, тибиаки, табиены, иасты, махайтеги, норосбы, нороссы, кахаги-скифы. Все эти имена известны по большей части только лишь из Птолемея и не поддаются идентификации.

Если в отношении источников Птолемея для описания прикаспийских областей приходится судить преимущественно лишь по различным косвенным признакам, то в отношении северо-восточных районов Средней Азии и Дальнего Востока он сам называет источник своей информации — описания македонского купца и торговца шелком Маеса Титиана, агенты которого совершали путешествия из Бактрианы через Согдиану и область саков в Серику. Из этого источника его предшественник Марин Тирский почерпнул много нового по сравнению с тем, что о названных странах было известно на основании сообщений Демодаманта и Исидора Харакского, греческого географа, жившего на рубеже новой эры.

Несомненно, что лишь в результате ознакомления с дорожником Маеса Титиана достоянием текста Птолемея стали такие пункты, как «Каменная башня» в области саков, близ границы Серики, локализуемая у Таш-Кургана, в районе Кашгара, или «Путевая стоянка», находившаяся к северо-востоку от этого пункта, в верховьях реки Тарим, у современного Бугура. Маесу Титиану обязан Птолемей также и сведениями относительно горной области комедов (Дарваз на Памире), а также некоторыми племенными наименованиями, каковы, например, комары, грикаи-скифы, тоарны и билты, которые локализируются в области саков. Заметим, что в основе сообщений торговых агентов Маеса Титиана лежат данные, находящие себе полное подтверждение в китайских источниках, в частности в гл. 96 летописей династии Хань.

Птолемей, располагавший данными дорожников, описывавших пути по степям к северу от Каспийского моря, изобразил это море в качестве замкнутого бассейна. Предшественники же его считали Каспий заливом Северного (или Восточного) океана. Соответственным образом должно было изображаться Каспийское море и на картах. Но возобладала эта точка зрения, как мы знаем, не сразу, и поэтому, когда Каспийское море из замкнутого бассейна «обратилось» в залив океана, многим наименованиям, располагавшимся на картах по его сторонам, пришлось потесниться и отступить несколько к югу, оттесняя, в свою очередь, наименования, относящиеся к Мидии и Гиркании или же вклиниваясь в них.

В особенности это бросается в глаза при рассмотрении Птолемеевой карты западной стороны Каспийского моря, где географическая номенклатура обильней и свободного места соответственным образом меньше. Такого рода перемещения постепенно, при переносе с карты на карту, должны были узакониваться; будучи же подмечены и объяснены, они помогают восстановить историю карты Птолемея и облегчают ее сопоставление с более древними географическими и картографическими данными, выясняя происхождение некоторых ошибок, им всем в одинаковой степени присущих.

Примечания

- ¹ Слово это, по-видимому, не греческого происхождения и заимствовано из финикийского (арамейского) языка.
- ² О масштабах древней металлургии бронзы и железа позволяют отчасти судить остатки металлического производства на острове Эльба близ берегов Италии и на побережье Тосканы (в районе древней Популони).
- ³ В районе Суэцкого канала существуют остатки древних укреплений, быть может соответствующих упомянутым в тексте этого рассказа.
- ⁴ В квадратных скобках здесь и далее приведены пояснения автора или переводчика текста.
- ⁵ Текст рассказа приведен в переводе Б. А. Тураева «Рассказ египтянина Синухета». М., 1915.
- ⁶ Перевод в книге Б. А. Тураева «История Древнего Востока», т. I, 1936, с. 250 сл.
- ⁷ В скобках здесь и далее приводятся современные названия географических объектов.
- ⁸ На месте Тель-эль-Келейф, холма, расположенного на берегу северной части Аравийского залива, где раскопками открыто поселение X века до н. э.
- ⁹ Таршиш — город Тартесс в древней Испании или Тарс (в Малой Азии).
- ¹⁰ Сказания о победоносных походах ассирийского царя Нина и царицы Семирамиды (отождествляемой с царицей Шаммурамат, жившей на рубеже IX–VIII веков до н. э.) в Бактрию (в основном на территории современного Афганистана) и о неудачном походе в Индию принадлежат к области позднейшей греческой легенды, возникшей в основном после походов Александра Македонского.

- ¹¹ В Пенджабе, в Северо-Западной Индии. Более точно местоположение Каспатира, упоминаемого также Гекатеем (фр. 178: Каспапир, город Гандарики), неизвестно. Наименование области Пактиики сопоставляется в современной науке с санскритским местным наименованием Пушкалавати.
- ¹² Здесь и в дальнейшем тексты Геродота приведены по переводу Ф. Ф. Мищенко (Геродот. История в девяти книгах. СПб. 1882).
- ¹³ Вади-Тумилат, Питома, Суккота — современные наименования местностей.
- ¹⁴ Речь идет, вероятно, о современной реке Хингор или реке Мукула, отстоящих друг от друга километров на семьдесят и не менее чем на сто пятьдесят километров от Карачи.
- ¹⁵ Стадий Арриана равен 200 метрам.
- ¹⁶ Перевод С. П. Кондратьева. «Вестник древней истории», 1940, № 2, приложение, с. 248.
- ¹⁷ То есть приплывшего к восточным берегам Африки из финикийского города Гадейра, или Гадеса, расположенного на южном берегу Испании, по ту сторону Гибралтарского пролива, на месте современного Кадиса.
- ¹⁸ Тексты Страбона приводятся в переводе Ф. Ф. Мищенко (Страбон, География в 17 книгах. М., 1879).
- ¹⁹ Жанр древнегреческой литературы, в котором описываются морские путешествия и морские плаванья вдоль берегов от пункта до пункта, с указанием расстояний между ними.
- ²⁰ Эта цифра в сравнении с числом кораблей, конечно, преувеличена.
- ²¹ Нередко локализуется у устья реки Сегиет-эль-Хамра, однако археологические находки и фонетическая близость наименований заставляют отождествить его с островом Герпа.
- ²² Сегиет-эль-Хамра. См. ниже (10), где Ганнон упоминает о своем обратном движении, которое могло иметь место и в данном случае.
- ²³ Наименование, прилагавшееся греками к африканцам вообще.
- ²⁴ Перевод заимствован из книги Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина «Древний мир. Сборник источников». СПб., 1917.
- ²⁵ Ливийское племя, локализуемое на североафриканском побережье у залива Габес.
- ²⁶ Осада и разрушение Карфагена были произведены римлянами в 146 году до н. э.
- ²⁷ Судя по тому, что эти племена гетулов, предков позднейших туарегов, живших к юго-западу от Марокко и эфиопов, своими эпитетами связываются с именем реки Дарат, названной выше, их местоположение следует искать к северу от реки Сенегал.

- ²⁸ Они ярко выражены в следующих стихах «Одиссеи» (IV, 561–568):

Но для тебя, Менелай, уготовили боги иное:
 Ты не умрешь и не встретишь судьбу в многоконном Аргосе,
 Ты за пределы земли на поля Елисейские будешь
 Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый,
 Где пробегают светло беспечальные дни человека,
 Где ни метелей, ни ливней, зимы холодов не бывает,
 Где сладкошумно летающий веет Зефир, океаном
 С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным...

- ²⁹ Древнее наименование Роны.
- ³⁰ Древнее наименование По, прилагавшееся иногда также к Рейну, как ее северному рукаву.
- ³¹ Часть Средиземного моря, прилегающая к острову Сардиния.
- ³² То есть Шварцвальда; в древности части этой возвышенности именовались Геркинскими горами.
- ³³ Иначе лигуров — племена, населявшего юго-восточную часть Франции и северо-западную часть Италии.
- ³⁴ Следует отождествлять с западной частью Пиренейского хребта у южной части Бискайского залива.
- ³⁵ Наименование Гиерна (Священный) прилагалось в древности к острову Ирландия.
- ³⁶ Перевод С. П. Кондратьева. «Вестник древней истории», 1939, № 2.
- ³⁷ Древнеиберийское племя у северо-западной оконечности Испании, у современного Ла-Корунья.
- ³⁸ Персонификация Мщения и Наказания в древней трагедии.
- ³⁹ Это мифическое имя в первой своей части, вероятно, происходит от греческого *argurion* — серебро.
- ⁴⁰ Возводимые к Питею, сообщаемые Диодором (V, 21) и оспариваемые уже Страбоном (I, 4, 3) данные о величине Британии настолько не соответствуют реальности, что Штихтенот (D. Stichtenoth. *Rythas von Marseille*, Weimar, 1959, с. 75 сл.), основываясь на словах Плиния (NH, IV, 102), равно восходящих к Питею, толкует эти данные так, будто Питей прилагал к собственно Англии наименование Альбион, а под Британией понимал огромное треугольное пространство, обнимавшее также Ютландию и чуть ли не весь Скандинавский полуостров. Подобное толкование может быть признано справедливым в том смысле, что цифры Питей, относящиеся к Британии, имели в виду смутные данные об обитаемых странах северо-запада Европы вообще.

- ⁴¹ Диодор Сицилийский, V, 22. Любопытно, что в рассказе Диодора о добыче олова в Британии (V, 22, 2), опиравшемся, видимо, так же, как и соответствующий рассказ Плиния (V, 4), на Питея, сообщается об острове, поименованном Иктис, на который британские аборигены якобы перевозят добытое ими олово (видимо, для его продажи.) При этом Диодор помещает остров Иктис по соседству с Британией и объявляет его доступным сухим путем во время отливов, на основании чего остров этот обычно отождествляется с маленьким островком Св. Михаила в Маунтсбей в Корнуэлле, соответствующим всем этим условиям. В то же время Плиний помещает этот остров в шести днях плавания *introsum* (внутри. — *лат.*) — то есть, очевидно, к югу от Британии.
- ⁴² Штихтенот (назв. соч., с. 31) в противоречие с прежними исследователями, ограничивавшими осведомленность Питея Западной Балтикой, полагает, что его Танаис должен быть отождествлен не с Эльбой, например, а с Невой, поскольку устье ее лежит у крайнего предела Балтики, а Питеев Танаис надо понимать в смысле восточной границы европейского пространства.
- ⁴³ Центр деятельности морских торговцев, место, где складировались товары.
- ⁴⁴ Как Орхомен, так и Иолк были центрами древнеэлладийской культуры, засвидетельствованной археологическими находками, начиная по крайней мере с середины II тысячелетия до н. э. Мы вправе относить к этому времени также и возникновение хотя бы некоторых из легенд, позднее разрабатывавшихся в эпических поэмах об аргонавтах. См.: F. Schachermeyr. Die ägäische Frühzeit. Anzeiger für die Altertumswissenschaft, X, 1957, Heft 2/3, с. 106.
- ⁴⁵ О том, что перечисленные ниже эпизоды «Одиссеи» заимствованы из некоего древнего эпоса об аргонавтах, в науке стали подзревать давно. Специально об этом трактует К. Меули. *Odyssee und Argonautica*, 1921.
- ⁴⁶ Любопытно отметить, что наименование Халкиды на острове Эвбея возникло, видимо, без всякой реальной связи с медью (хотя Страбон и свидетельствует наличие соответствующих разработок, X, 1, 9), поскольку современная геология не обнаружила ни малейших ее следов в окрестностях этого пункта (H. Michell. *The Economics of Ancient Greece*. Cambridge, 1940, с. 173). Возможно, что реально речь шла о выработке железа (Страбон, указывает как на редкость на совместную выработку обоих металлов), а понятие *χαλκός* могло прилагаться первоначально также и к железу, поскольку *χαλκεύς* — кузнец не только по меди, но и по железу.

- С другой стороны, Митчел говорит о возможности перетолкования $\chi\acute{\alpha}\lambda\chi\eta$ (пурпурная раковина) на $\chi\acute{\alpha}\lambda\chi\acute{o}\varsigma$, как, вероятно, и в случае с Халкедоном — Калхедоном.
- ⁴⁷ Способ этот, впрочем, был известен и значительно раньше, о чем свидетельствует наличие «диолка» — специального пути для волока судов через Коринфский перешеек, выложенного каменными плитами.
- ⁴⁸ Жанр древнегреческой литературы, в котором описываются сухопутные путешествия от пункта до пункта, с указанием расстояний между ними.
- ⁴⁹ Здесь: описание какой-либо местности, страны.
- ⁵⁰ О том, в какой степени Страбон в описании Кавказа зависел от Теофана, позволяет судить, в частности, один характерный штрих: Плутарх, также опирающийся и неоднократно ссылающийся на него, в биографии Помпея сообщает, что тот не пошел к Каспийскому морю из-за большого количества пауков и скорпионов. Сообщение о ядовитых пресмыкающихся, а также о скорпионах и пауках в Албании находим мы и у Страбона (XI, 4, 6) в тех же самых словах, что и у Плутарха. Из ссылок самого Страбона на Теофана явствует, что он заимствовал у него сведения о размерах и границах кавказских стран, о численности их населения и соединяющих их путях, равно как и ряд исторических деталей.
- ⁵¹ Моаферн, дядя Страбона с материнской стороны, был наместником Митридата Эвпатора в Колхиде. Это обстоятельство лишний раз указывает на связи семьи Страбона с Кавказом, что не могло не отразиться на его изложении кавказской географии, в особенности в ее причерноморской части.
- ⁵² Специальные люди в армии Александра Македонского, которым поручалось определять расстояние, пройденное войском.
- ⁵³ Эпиграфические тексты — надписи на твердых материалах: камне, керамике, металле и пр. Ими занимается специальная вспомогательная историческая дисциплина — эпиграфика.
- ⁵⁴ Описание форм рельефа земной поверхности; ныне раздел геологии.
- ⁵⁵ Греческие тяжеловооруженные воины.
- ⁵⁶ Пергаментная копия с древнеримской карты, сделанная в XIII веке. На ней изображены дороги и основные города Рима. Карта получила свое название по имени одного из владельцев — собирателя древностей Конрада Пейтингера, жившего в XV—XVI веках.

Содержание

Океанские плавания древних

Рассказ египтянина Синухета	7
Рассказ о кораблекрушении	8
Сказание о походе аргонавтов	9
Древнегреческие представления о земной поверхности и Океане.	12

Древнейшие плавания по Эритрейскому морю и Индийскому океану

Плавание в страну Офир	15
Плавание Скилака из Карианды	16
Плавание Неарха	20
Плавание финикийцев при фараоне Нехо.	29
Плавания Эвдокса	31

Плавания по Атлантическому океану к югу от Геракловых столпов

Плавание Сатаспа	37
Путешествие Эвтимена	38
Плавание Ганнона	42
Плавание Полибия	48
Финикийские плавания на «Острова блаженных»	50

Плавания по Атлантическому океану к северу от Геракловых столпов	
Плавание Гимилькона	56
Плавание Публия Красса	60
Плавание Питея из Массалии	64
Плавание Патрокла	74
Острова античных утопий	
Остров Панхайя	82
Остров Солнца	84
Остров Тапробан	86
Древние представления о северных странах	
Маршруты возвратного плавания аргонавтов.	89
«Аримаспея» Аристея из Проконнеса	104
Северные страны на карте Анаксимандра	109
Север в «Землеописании» Гекатея Милетского	114
Перипл Псевдо-Скилака	127
Походы Александра Македонского. Аристотель	131
Северные страны в сочинениях Эратосфена и его последователей	138
Завоевательные войны как способ получения географических знаний. Страбон	147
Скифский север в сочинениях Помпония Мелы и Плиния	167
Римская экспансия на восток в эпоху империи и «География» Птолемея	186
<i>Примечания</i>	197

- Ельницкий Л.
- Е57 Великие путешествия античного мира / Лев Ельницкий. — М. : Ломоносовъ, — 2013. — 208 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-165-6

В книге Льва Ельницкого рассказывается о выдающихся путешествиях античного мира — от древнейшего из известных плавания египтянина Синухета, жившего четыре тысячелетия назад, до экспедиций греков на север Евразии или в Индию. А также о том, как по крупицам создавались представления о размерах и форме Земли, как достижения мореплавания порождали новые космологические идеи, как создавались первые карты, пополнялись этнографические знания и реальный географический опыт заставлял перетолковывать мифы. Словом, эта книга — о превращениях, которые на глазах античных поколений претпевала картина мироздания.

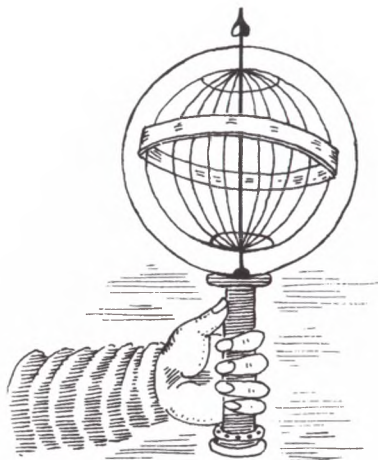
Лев Ельницкий (1907—1979) — историк-антиковед, автор ряда книг, переводчик Плутарха и других древних авторов.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

История. География. Этнография

Лев Ельницкий

Великие путешествия античного мира

Редактор В. Капустин

Верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 15.01.2013.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1745 .

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaomnk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. Земля — вид СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «ИВАНА»

Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева. Половцы

Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям Дампир

Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ

Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок

Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА

Гомбожаб Цыбииков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СЯТЫНЬ ТИБЕТА

Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ

Виктор Бердинских. Речи немых

Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...

Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА

Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ

Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА

Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ
И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ

Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ

Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА

Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА

Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА

Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА

Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ

Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ

Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ

Алексей Смирнов. СКИФЫ

Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ

Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ

Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ

Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Лев Ельницкий
Великие
путешествия
античного мира

Путешествия во все времена были
вернейшим способом познания мира.

И путешествия Античности —
от плавания египтянина Синухета,
жившего четыре тысячелетия назад,
до экспедиций греков
на север Евразии или в Индию, —
в этом смысле не были исключением.

Ойкумена — освоенная античным человечеством
часть земной поверхности — неуклонно
увеличивалась, требовала описателей
и картографов, а их появление, в свою очередь,
вело к расширению Ойкумены. Эта книга
рассказывает о том, как по крупицам
создавались представления о размерах
и форме Земли, как достижения мореплавания
порождали новые космологические идеи,
как пополнялись этнографические знания
и реальный географический опыт заставлял
перетолковывать мифы. Словом, эта книга —
о превращениях, которые на глазах античных
поколений претерпевала картина мироздания.

Лев Ельницкий (1907–1979) — историк-антиковед,
автор ряда книг, переводчик Плутарха
и других древних авторов.

ISBN 978-5-91678-165-6

9 785916 781656